

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК



Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№ 2(56) • 2021

Сборник научных трудов



Луганск
2021

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л.Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ротерс Т.Т. – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г.Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Новикова А.А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Дяговец И.И.	– доктор филологических наук, профессор
Иванов Е.Е.	– кандидат филологических наук, доцент
Калинкин В.М.	– доктор филологических наук, профессор
Колесникова С.М.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А.А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С.А.	– доктор филологических наук, профессор
Кушнерук С.Л.	– доктор филологических наук, профессор
Ломакина О.В.	– доктор филологических наук, профессор
Марфина Ж.В.	– кандидат филологических наук, доцент
Озерова Е.Г.	– доктор филологических наук, профессор
Присянникова О.И.	– доктор филологических наук, доцент
Соболева И.А.	– кандидат филологических наук, доцент
Супрун В.И.	– доктор филологических наук, профессор
Теркулов В.И.	– доктор филологических наук, профессор
Федоров В.В.	– доктор филологических наук, профессор
Шулежкова С.Г.	– доктор филологических наук, профессор

В38 Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Л.Н. Синельникова; вып. ред. Г.Г. Калинина; ред. сер. А.А. Новикова. – Луганск : Книта, 2021. – № 2(56) : Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. – 132 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

Издание включено в РИНЦ

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 2 от 24.09.2021 г.)

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2021
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Богачева В.Э., Дятлова А.М. Специфика перевода современной английской авторской сказки.....	5
Дубинина В.А. Исследование категории прецедентности в рамках лингвокультурологического подхода.....	14
Кисель В.С., Василькова И.Р. Диалект как народное достояние: трудности перевода.....	19
Лепешкина Н.И. Современный французский язык в условиях многоязычия и мультикультурализма.....	24
Некрутенко Е.Б., Галак С.Р. Особенности перевода художественного текста.....	30
Новикова А.А., Мартынюк Л.И. Семантические особенности словорнитонимов в русском языке.....	35
Сухаревская Д.А., Махтеева Е.Н. Антропонимика в закадровом переводе: транскрипция или транслитерация (на материале сериала «Портал юрского периода»).....	41
Харченко Л.И., Некрутенко Е.Б. Специфика перевода текстов исторической направленности.....	48
Чумак-Жунь Т.В. Трансформационные приёмы при передаче имён собственных с английского языка на русский.....	53

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, ТЕКСТОЛОГИЯ

Ли Е.С. Ранобэ как уникальный жанр японской литературы.....	59
Найденова В.М. Внешность героев как средство психологического анализа.....	64
Сухаревская Д.А. Жанровое разнообразие фантастики от ее возникновения и до наших дней.....	68
Шумская А.В. Вариативность рецепции текста художественного произведения.....	73

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аулов А.М. Методы достижения абстрактных истин, соответствующих реальности.....	77
--	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Муравьева В.С. Методы обучения интерпретации и пониманию фразеологии китайского языка.....	84
Батальщикова Э.Ю. Использование технологии работы над дискуссионными вопросами в процессе профессионально-педагогической подготовки студентов-филологов.....	90

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Дубинина В.А., Зайцева А.В. Поликодовый характер компьютерного дискурса.....	97
Куянцева Е.А. Специфика современного информационного противостояния между Украиной и Россией в украинском медиaprостранстве.....	103
Миргородская А.Ю. Коммуникативно-прагматические аспекты научного дискурса.....	110
Соболева И.А. О нарушении конвенций в современном медиадискурсе.....	116
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	121
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	124

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 821.111 – 343 : 811'255.4

Богачева Виктория Эдуардовна,
старший преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
bve692008@yandex.ru;

Дятлова Анастасия Михайловна,
студентка филологического
факультета 3 курса, специальность
«Лингвистическое обеспечение военной
деятельности»
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dyatlova-01@mail.ru

Специфика перевода современной английской авторской сказки

В данной статье рассмотрены основные способы и стратегии перевода авторских сказок на русский язык. Авторами проведен сравнительный анализ переводческих трансформаций, использованных в переводах сказки Дж. Хисси «Кто сказал ух?», а также выявлена специфика перевода английской авторской сказки на русский язык. Статья дает современный взгляд на литературную сказку в аспекте перевода.

Ключевые слова: английская авторская сказка, перевод, переводческие трансформации, способ перевода, стратегия перевода.

Авторская сказка представляет собой отдельный пласт в искусстве, в ней наиболее ярко и с наибольшей полнотой проявляются все особенности присущие детской литературе. Посредством сказок воспитывают подрастающее поколение, формируют мировоззрение, развивают эстетическое сознание, знакомят с бытом, культурой, традициями и обычаями не только своего народа, но и народов других стран. Более того, сказки способствуют формированию у детей грамматически правильной, лексически богатой, а также фонетически четкой речи. Поэтому перед переводчиками стоит непростая задача – добиться адекватного перевода, доступного для понимания читателей при сохранении всех средств выражения авторской мысли.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что работа с английским текстом, предназначенным для детской аудитории, представляет собой особую переводческую сложность, связанную, в первую очередь, со спецификой языков, а также с недостаточной освещенностью вопросов перевода английских авторских сказок на русский язык.

Объектом статьи является английская авторская сказка, на примере произведения Дж. Хисси «Кто сказал ух?» (Jane Hissey «Hoot»), в переводах

студентов-филологов на русский язык. Студентам 3 курса филологического факультета специальности «ЛОМО/ЛОВД» ЛГПУ было предложено сделать литературный перевод данного произведения на основании изучения предмета «Практический курс перевода английского языка» и принять участие в университетском конкурсе на лучший перевод авторской сказки в рамках работы секции «Переводческих студий». По нашему мнению, в данной статье целесообразно остановиться на анализе трех наиболее удачно выполненных литературных переводах.

Целью статьи является выявление специфики перевода английской авторской сказки (на материале произведения Дж. Хисси) на русский язык, с учетом адаптации для русскоязычного читателя.

Джейн Хисси является известной британской писательницей в жанре детской литературы. Она не только автор множества популярных сказок для детей о приключениях игрушечного медведя и его плюшевых друзей, но и великолепный иллюстратор своих книг. В этом уникальном сочетании, на наш взгляд, и кроется секрет особой популярности ее произведений. Первоначально она писала истории для своих собственных детей. Со временем сказки стали популярными, а иллюстрации к ним производили на юных читателей огромное впечатление. Вскоре по мотивам сказок Дж. Хисси в Великобритании был снят мультипликационный сериал «Истории Старого Медвежонка» (*Old Bear Stories*), состоящий из 40 эпизодов, который был удостоен телевизионной премии BAFTA в номинации «Лучшая детская программа» [4].

Особо стоит отметить, что многие произведения данного автора были переведены на русский язык, однако, по нашему мнению, эти переводы являются прямой калькой с английского языка на русский, насыщены откровенными буквализмами и имеют вид элементарного подстрочника. Примерами таких текстов являются переводы сказок Дж. Хисси, выполненные Евгенией Позиной в издательстве «Стрекоза» и Элеонорой Шатиловой в издательстве «Виват».

Наиболее адекватной моделью перевода английских авторских сказок для детей в возрасте до 3-х лет считается трансформационная модель перевода [2]. С помощью лексических, грамматических и стилистических трансформаций переводчик может достичь максимальной близости текста-оригинала и текста-перевода. Однако выбор подходящей трансформации в каждом конкретном случае является достаточно трудной задачей, особенно для начинающих переводчиков. Всегда стоит помнить, что переводчик, прежде всего, должен быть профессионалом в своем родном языке, а также учитывать тот факт, что он переводит для самых юных читателей. Поэтому переводить следует так, чтобы с одной стороны, детям был максимально понятен сюжет произведения, а с другой стороны, сказка должна помогать расширять словарный запас, языковое чутье и чувство прекрасного у читателей.

Впервые столкнувшись с художественным переводом, у начинающего переводчика возникает трудность с выбором адекватного названия произведения, которая зачастую становится для него настоящим мозговым штурмом. Первое, на что читатель всегда обращает внимание – это название сказки. Прежде всего, название должно, не только дать читателю представление о тексте

или намек на содержание, но главное – «зацепить» читателя и стать визитной карточкой всего произведения. Для привлечения внимания читательской аудитории к заглавию переводчик может смело пользоваться различными приемами: опускать артикли, глаголы-связки и другие служебные слова; изменять порядок слов в заглавии, добавлять разговорную лексику, клише и т.д. Иными словами, переводчик должен понять замысел автора и передать его на своем родном языке доступными ему средствами. С трудностями по переводу заглавия столкнулись и студенты-филологи, работая над проектом по переводу сказки Дж. Хисси.

При переводе названия данной авторской сказки студенты-переводчики использовали разные приемы. Так, например, в первом переводе были применены модуляция и транскрипция, в третьем переводе – экспликация. Второй вариант перевода, который был выбран для заглавия сказки, выполнен с помощью приема, который носит название целостное преобразование. Это заглавие, по нашему мнению, является наиболее близким для русскоязычного читателя благодаря аналогии, существующей в мире русских сказок (смотри-те Табл. 1).

Таблица 1

Название сказки

Оригинал	Перевод №1 (Мовенко Е.):	Перевод №2 (Дятлова А.):	Перевод №3 (Гусаркина П.):
Hoot	<i>Совушка по имени Хут</i>	<i>Кто сказал ух?</i>	<i>Ночная гостья</i>

Таким образом, мы приходим к заключению, что выбор и оценка эффективности применения определённого приема для перевода конкретного названия отличается от произведения к произведению и основывается на видении переводчика, его языковом чутье, чувстве слова и языка.

Еще одним признаком адекватного перевода произведения является правильная передача имен собственных. В существующих русских переводах других сказок этого автора из серии «Мой любимый Медвежонок» чаще всего используются такие приемы, как калькирование (*Little Bear* – «*Маленький Медвежонок*»), транскрипция (*Hoot* – «*Хут*»), реже применяются транслитерация (*Bramwell* – «*Брамвелл*»), экспликация (*Bramwell* – «*Мишка Брамвелл*») и полное переосмысление (*Bramwell* – «*Мишка Бонифаций*»).

Следует отметить, что далеко не все приемы помогают достичь того эмоционально-эстетического влияния, которое несут в себе большинство имен собственных в литературных произведениях для детей младшего возраста. Чаще всего они отражают личностные качества персонажей или содержат в себе элемент оценки со стороны автора. Тем не менее, не все приемы в такой ситуации эффективны: транскрипция и транслитерация в большинстве случаев при переводе авторских сказок не передают образности персонажа и не отображают всего авторского замысла. С другой стороны, после осмысления переводчиком текста-оригинала и при применении таких средств, как экспликация, калькирование или модуляция можно получить новую переводную

лексическую единицу, равную оригиналу по степени воздействия на читателя (смотрите Табл. 2).

Таблица 2

Передача имен собственных

Оригинал	Перевод №1 Мовенко Е.	Перевод №2 Дятлова А.	Перевод №3 Гусаркина П.
1. It was the middle of the night but <i>Little Bear</i> was wide awake.	Была глубокая ночь, но <i>Мишутка</i> не мог сомкнуть глаз.	В комнате царил мрак, на дворе была глубокая ночь, а <i>Маленький Медвежонок</i> все никак не мог сомкнуть глаз.	Однажды глубокой ночью <i>Мишуля</i> неожиданно проснулся.
2. Probably just the wind, said <i>Rabbit</i> .	– Скорее всего, это просто ветер, – ответил <i>Кролик</i> .	– Да ветер это... точно ветер, – ответил <i>Крольчонок</i> , потирая сонные глазки.	– Может, это просто ветер, – ответил <i>Кроля</i> .
3. My name's <i>Hoot</i> .	– Меня зовут <i>Хут</i> .	– Меня зовут <i>Совушка</i> .	– Меня зовут <i>Совунья</i> .
4. He shook <i>Bramwell's</i> paw.	Он начал будить <i>Брамвелла</i> .	А затем начал будить <i>Мишку Брамвэла</i> и шептать.	Стал будить <i>Мишку Борю</i> .

Специфические особенности, которые необходимо всегда учитывать при переводе, можно обнаружить и в самих сюжетах современных английских авторских сказок. Как и вся литература, сказки отражают историю, культуру и менталитет людей другой страны. Таким образом, сюжет анализируемой нами сказки также содержит в себе основные черты менталитета британцев.

Первое, что можно заметить, анализируя данную сказку – это строгий порядок слов в предложении, что невольно приучает английских детей быть более дисциплинированными, следовать общепринятым правилам и нормам поведения в социуме. Однако с точки зрения нашего менталитета это можно рассматривать как ограничение свободы ребенка в принятии самостоятельных решений.

Ещё одной специфической чертой английских авторских сказок является то, что главный герой сам решает свои проблемы и ищет выход из трудных ситуаций, в отличие от русских сказок, где часто на помощь герою приходят реальные помощники или некие волшебные силы. Более того, английские сказки характеризуются тем, что персонажи-животные владеют речью, а поведением напоминают реальных людей, но именно той страны, к которой принадлежит сам автор произведения.

Безусловно, в процессе перевода крайне сложно учитывать все особенности авторской сказки. В большинстве переводных текстов часть материала первоисточника опускается или передается в виде разного рода эквивалентов,

замен и добавлений, которых не существовало в подлиннике. Все способы перевода должны способствовать не только передаче значения оригинала, но и оказывать соответствующее прагматическое воздействие на ребенка.

Текст-оригинал (*Hoot*) представляет собой английскую анималистическую авторскую сказку с довольно специфической структурой текста: короткие простые предложения и линейное повествование в виде полилога. В нашей статье это обозначено как своеобразная черта английских сказок, в отличие от сказок славянского происхождения. На этом этапе перед переводчиком становится задача выбора такого приема, который, с одной стороны, сохранит изначальный посыл автора, а с другой – поможет читателю с легкостью понять сюжет произведения и получить эстетическое удовольствие от прочитанного произведения.

Значительные отличия в студенческих переводах наблюдаются при применении лексических, грамматических и стилистических трансформаций непосредственно по содержанию сказки. Тщательно проанализировав предложенные переводы, можно сделать вывод, что они выполнены с помощью разных трансформаций. Что касается количественного состава переводческих приемов, то он тоже сильно варьируется в транслатах.

Предлагаем проанализировать переводы следующего отрывка сказки (смотрите Табл. 3).

Таблица 3

Грамматические трансформации

Оригинал	Перевод №1 Мовенко Е.	Перевод №2 Дятлова А.	Перевод №3 Гусаркина П.
Just then a white shape glided past the bed, Rabbit and Little Bear dived under the sheet.	Вдруг мимо кровати проскользнуло что-то белое. Кролик и Мишутка быстро укрылись одеялом.	И в этот момент над кроватью проскользнуло нечто белое. Испугавшись, Крольчонок и Маленький Медвежонок тут же юркнули под одеяло и затряслись от страха, ведь даже в укрытии привидение может их найти.	Как вдруг, у кровати промелькнуло нечто белое, от чего Мишуля и Кроля нырнули под одеяло, трясясь от страха.

Основным грамматическим приемом, примененным в переводах №2 и №3, является членение предложения, что способствует лучшему пониманию смысла высказывания; с этой же целью в переводе №2 и №3 выполнено дополнительное описание ситуации (прием – описательный перевод). В оригинале говорится, что персонажи залезли под одеяло, увидев привидение. В свою очередь переводчики решили эмоционально усилить воздействие на читателей и сделали следующие добавления: «...и затряслись от страха, ведь даже

в укрытии привидение может их найти», «...трясаясь от страха». Такой прием помогает сделать русский текст более живым, художественно наполненным и передать происходящее в сюжете произведения в полной мере.

В анализируемых переводах переводчики также часто пользуются таким грамматическим переводческим приемом, как объединение предложений. Данный прием заключается в слиянии двух синтаксических структур в одну (двух простых предложений в одно сложное) с сохранением изначального смысла высказывания. Такая ситуация представлена в следующих примерах (смотрите Табл. 4).

Таблица 4

Грамматические трансформации

Оригинал	Перевод №1 Мовенко Е.	Перевод №2 Дятлова А.	Перевод №3 Гусаркина П.
1. The toys tiptoed across the room. Little Bear held on to Old Bear's paw.	Игрушки прошли на цыпочках по комнате. Мишутка держался за лапу Старого Мишки.	Держась за лапу Старого Медведя, он, как и все, очень осторожно и на цыпочках, отправился осматривать комнату.	Мишуля и Кроля взяли Старого Медведя за лапы и на цыпочках пошли по комнате.
2. "That's right, " said Hoot. 'I find them all lying around'.	– Верно, – сказала Хут. – Я нашла их лежащими повсюду.	– Да, они были разбросаны по всей комнате, и я подумала, что старые носки никому не нужны.	– Да, я нашла их разбросанными по комнате и решила, что они могут мне пригодиться. А что?

Таким образом, можно отметить, что в переводе №1 трансформации не применялись (прием синтаксическое уподобление), а в переводах №2 и №3 было выполнено объединение предложений. Объединение и членение предложений являются противоположными приемами, а выбор того или иного способа зависит от предпочтений переводчика.

С целью лучшего понимания содержания на языке перевода переводчик может прибегнуть к такому приему как опущение. Опущению подвергаются чаще всего лексические единицы, являющиеся семантически избыточными с точки зрения их смыслового содержания. Иногда опущению подвергаются и целые предложения. Таким образом переводчик поступил и в переводе №3. Избыточное описание действия, которое и так можно понять из контекста, он пропустил, тем не менее, сделал добавление в предыдущее и последующее предложения, тем самым компенсировав опущенную часть (смотрите Табл. 5).

Таблица 5

Лексические трансформации

Оригинал	Перевод №1 Мовенко Е.	Перевод №2 Дятлова А.	Перевод №3 Гусаркина П.
The monster shadows were looking big and fierce when Old Bear came back.	Когда Старый Мишка вернулся, вся стена была заполнена огромными и грозными фигурами чудовищ.	Осмотрев всю комнату, Старый Медведь вернулся и увидел на стенах больших и свирепых чудовищ. Они выглядели как настоящие и пугали одним лишь своим видом.	– Мы можем спугнуть приведение страшными чудовищами из теней. Оно точно сбежит от страха, – хихикнул малыш. Кролику понравилась идея друга, и они стали изображать монстриков. Старый медведь улыбнулся, увидев старания друзей.

В русских переводах среди прочих лексических приемов можно выделить конкретизацию, которая встречается довольно часто. Данный прием используется для более точного обозначения предметов, действий героев и описания событий. Такое уточнение мы можем наблюдать в следующих примерах (смотрите Табл. 6).

Таблица 6

Лексические трансформации

Оригинал	Перевод №1 Мовенко Е.	Перевод №2 Дятлова А.	Перевод №3 Гусаркина П.
1. He tied a <i>string</i> to the hat and gave the other end to Hoot.	Хут взлетела на шкаф и начала тянуть <i>нить</i> .	Совушка так и поступила: взлетела на шкаф и стала сильно тянуть <i>веревочку</i> .	Он привязал <i>веревочку</i> к помпону и отдал второй конец Совушки.
2. “That was my nest <i>falling down</i> , sighed Hoot.”	– Это моё гнездо <i>упало</i> вниз, – вздохнула Хут.	– Это <i>рухнуло</i> мое гнездо, – вздохнула Совушка, и ее глаза тут же наполнились слезами.	– Это мое гнездо... Оно <i>упало</i> .

Так, Сова тянула не тоненькую нить, а верёвку, а гнездо со шкафа не просто упало, а рухнуло, развалившись на части и издав громкий звук. Конкретизация помогает более детально прорисовать написанную на бумаге историю в воображении ребенка.

Еще одной отличительной особенностью перевода сказок является правильная передача прямой и косвенной речи в языке перевода. Кроме того, что переводчику следует учитывать различия в пунктуации двух языков, перед ним стоит задача придать прямой речи такую же эмоциональную окраску, как и остальному повествованию. В этом случае нередко переводчики прибегают к использованию синонимов, качественных прилагательных, наречий, причастных и деепричастных оборотов. Так, часто встречающиеся в тексте-оригинале слово «сказал» можно заменить синонимами, при этом конкретизируя ситуацию: пробормотал, проговорил, промямлил, прокричал и так далее.

Подобный прием можно применять к любой лексической единице, которая часто встречается в оригинале, а переводчику необходимо избежать ее частого повторения (смотрите Табл. 7).

Таблица 7

Конфликт прямой и косвенной речи

Оригинал	Перевод №1 Мовенко Е.	Перевод №2 Дятлова А.	Перевод №3 Гусаркина П.
1. "Would you like to join me for lunch?" asked Hoot.	– Время обедать, – сказала Хут.	Приземлившись рядом со Старым Медведем, Совушка спросила: – Хотел бы ты, Медвежонок, пообедать со мной?	– Может, пообедаем? – предложила Совушка.
2. "Hold tight," she called as she launched herself into the air.	– Держись крепче, – приказала она и сразу расправила крылья в воздухе.	– Держись крепче, – услышал Медвежонок, прежде чем они резко взмыли в воздух.	– Взбирайся мне на спину и держись крепче, – сказала она и расправила крылья.

В первом примере слово «спросить» под влиянием контекста грамотно заменено на «сказать» и «предложить». Во втором примере слово «позвать» передано с помощью слов «предложить» и «сказать», в переводе №2 была изменена сама структура высказывания, и слово было опущено.

В результате детального анализа текстов начинающих студентов-переводчиков можно сделать несколько выводов. Прежде всего, стоит отметить, что выбор стратегии перевода напрямую влияет как на сам процесс перевода, так и на конечный результат.

В нашем переводческом проекте все участники придерживались трансформационной модели перевода, но, несмотря на это, переводы имеют значительное количество отличий. В переводах №2 и №3 чаще всего встречаются такие грамматические приемы, как объединение и членение предложений, с другой стороны перевод №1 очень часто представляет собой синтаксическое уподобление. Лексические трансформации: конкретизация, генерализация, транскрипция, модуляция и калькирование присутствуют во всех переводах и являются наиболее часто используемыми способами перевода в данном про-

изведении. С другой стороны, синтаксические трансформации встречаются в переводах реже и представлены в основном компенсацией, экспликацией и целостным преобразованием, которые помогают полнее раскрыть замысел автора и сюжет произведения. Изменениям в переводах подверглись, прежде всего, имена собственные, разнообразные лексические единицы, варианты соответствия и синтаксис предложений. Значительные трансформации коснулись также и названия произведения, так как каждый автор перевода стремился передать его максимально адекватно.

Таким образом, выбор верной стратегии перевода, правильное и своевременное применение переводческих приемов и трансформаций, кропотливая работа над текстом помогли начинающим переводчикам адекватно передать текст оригинального произведения в русском переводе, что, на наш взгляд, является хорошей перспективой для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Лаврентьева А.П. Становление английской литературной сказки / А.П. Лаврентьева, М.А. Аксютенко // Молодой ученый. – 2015. – № 22.1 (102.1). – С. 196–199 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/102/23256/>, свободный. (Дата обращения: 25.12.2020 г.).
2. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки / М.Н. Липовецкий. – Свердловск, 1992. – 183 с.
3. Цикушева И.В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) / И.В. Цикушева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portal.tpu.ru/SHARED/t/TATVLAD/four/Tab6/Tsikusheva2008_2.pdf, свободный. (Дата обращения: 25.12.2020 г.).
4. **Biography** [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.janehissey.co.uk/52/Biography>, свободный. (Дата обращения: 14.01.2021 г.).

**Bogacheva V.E.,
Dyatlova A.M.**

Translation Specifics of Modern English Author's Fairy Tale

This article describes the main methods and strategies for translating author's tales into Russian. The authors carried out a comparative analysis of the translation techniques used in the translations of the fairy tale «Hoot» by J. Hissey, and also revealed the translation specifics of the English author's fairy tale into Russian. The article gives a modern look at the literary tale in the aspect of translation.

Key words: English author's fairy tale, translation, translation transformations, translation method, translation strategy.

УДК 811'42'271

Дубинина Виктория Александровна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
dubinina_v@mail.ru

Исследование категории прецедентности в рамках лингвокультурологического подхода

В статье анализируется категория прецедентности в рамках современной лингвокультурологической парадигмы. Акцентируется внимание на том, что прецедентность – это свойство сознания человека. За прецедентностью всегда стоит некое общее и необходимое представление о понятии, которое делает все ссылки на прецедентный феномен понятными и коннотативно окрашенными.

Ключевые слова: прецедентность, язык, культура, сознание, лингвокультурология.

Язык, как явление уникальное, имеет способность обеспечивать информационную наследственность, фиксируя духовный и культурный опыт человека и передавая его следующим поколениям. С помощью языкового информационного кода формируется этническое и языковое сознание, ядро которого составляют прецедентные феномены.

Прецедентные феномены являются объектом изучения теории прецедентности, которая сформировалась в рамках лингвокультурологии. Она является довольно молодой наукой, которая возникла в конце XX века. Лингвокультурология развилась на стыке лингвистики и культурологии, на сегодняшний день она является важным направлением в языкознании. Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры, это определенное видение мира сквозь призму национального языка. Лингвокультурологический подход базируется на положении, что культура воплощает свой ценностный смысл в языке как средстве обозначения окружающего мира.

Цель статьи – изучение категории прецедентности в рамках лингвокультурологического подхода.

Прецедентность как категория, которая представляет собой «непосредственный синтез языка и культуры», играет ключевую роль в современной лингвокультурной парадигме [3]. Понимание прецедентности как одного из свойств сознания человека, безусловно, делает ее предметом изучения когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, психолингвистики, коммуникативной лингвистики, социолингвистики и других направлений современного языкознания, что формирует антропоцентрическую парадигму лингвистики.

Впервые о категории прецедентности начал писать Ю.Н. Караулов, введя в научный оборот понятие «прецедентный текст». Ученый определил,

что прецедентные тексты – «это готовые интеллектуально-эмоциональные блоки-стереотипы, образцы для сопоставления, которые используют как инструмент, который облегчает и ускоряет переход языковой личности из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а, возможно, и наоборот» [4]. Позже ученые предложили другие термины, которые в дальнейшем составили систему прецедентных единиц: «прецедентное имя» (Д. Гудков), «прецедентная ситуация» и «прецедентный феномен» (В. Красных, Д. Гудков, И. Захаренко, Д. Багаева), «прецедентное высказывание» (В. Костомаров, Н. Бурвикова). Однако понятие «прецедентный феномен» считается наиболее широким по значению, поскольку оно соответствует каждой из названных терминологических единиц.

Многочисленность исследований и разнообразие предлагаемых в них определений, во-первых, создают почву для многоаспектного изучения вопроса прецедентности, во-вторых, усложняют понимание сути этого феномена, в-третьих, фиксируют развитое функционально-терминологическое поле с ядром «прецедент». В нашем исследовании мы под прецедентом понимаем свойство человеческого сознания использовать в создаваемых текстах вербальные и невербальные (паралингвистические) знаки-символы (прецедентные феномены), которые являются носителями определенной смысловой информации, значимой для носителей определенной языковой культуры в определенный период ее развития.

Прецедентные феномены представляют собой своего рода тайник культурно значимой информации и, вследствие этого, являются маркерами коллективной культурной идентичности, раскрывая при этом связь с ценностными доминантами того или иного сообщества. Многоаспектность изучения этого языкового явления не только расширяет границы познавательного представления о категории прецедентности, но и углубляет степень проникновения в его сущность, создавая условия для его всестороннего изучения.

Устройство и основные характеристики прецедентных феноменов определяют особенности их функционирования. Среди основных функций прецедентных феноменов можно выделить следующие: аттрактивную, которая основана на использовании прецедентных феноменов в новом контексте для привлечения внимания адресата; экспрессивную, которая базируется на апелляции к определенному образу с присущими ему качествами; персуазивную, которая основывается на авторитетности и культурной значимости прецедентных феноменов; аргументативную, которая основана на высоком ассоциативном потенциале прецедентных феноменов; основывается на имплицитных оценочных свойствах прецедентных феноменов; компрессивную, которая базируется на способности прецедентных феноменов минимизировать текст; лудическую, которая основана на привлечении адресата к языковой игре.

Ю.Е. Прохоров, вслед за Д.Б. Гудковым, соотносит прецедентные феномены с уровнями языковой личности и выделяет четыре уровня прецедентности. Первый уровень прецедентности соответствует языковой личности как индивидууму «со своим собственным сознанием, объемом памяти, лексиконом». Второй уровень прецедентности характеризует языковую личность как члена определенного социума. Языковая личность этого уровня имеет «об-

щие знания, представления, ценностные ориентации и средства их семиотизации с другими членами этого социума». Третий уровень прецедентности свидетельствует о сформированности языковой личности как члена определенной национально-культурной общности, «который обладает общим для всех включенных в данное сообщество набором «культурных предметов и их символов». Четвертый уровень прецедентности – это языковая личность как член рода человеческого, «который владеет общими для всех людей знаниями и представлениями» [7, с. 148; 6].

В.В. Красных дифференцирует три основные группы прецедентных феноменов по «широте охвата – от социума к общечеловеческому сообществу», то есть в зависимости от степени их универсальности.

1. Социумно-прецедентные – феномены, известные любому представителю того или иного социума (конфессионального, профессионального и т. д.), входящие в коллективное когнитивное пространство. Примером могут послужить прецедентные феномены, которые являются общими для представителей того или иного профессионального сообщества (например, педагогического социума).

2. Национально-прецедентные – феномены, известные любому средне-статистическому представителю того или иного национального лингвокультурного сообщества, входящие в национальную когнитивную базу. Например, для русской лингвокультуры характерны следующие прецедентные феномены: «Кому на Руси жить хорошо?», «К нам едет Ревизор», «Ши да каша – пища наша», «Великий и могучий», Иван Сусанин, *кот Леопольд*, *Обломов*, *семибоярщина* и т.д.

3. Универсально-прецедентные – феномены, известные любому средне-статистическому современному человеку, входящие в «универсальное» когнитивное пространство [5, с. 50–51]. Например, Наполеон, улыбка Джоконды, «Быть или не быть», Гитлер, *Дон-Жуан*, *Отелло*, *Золушка*, *Красавица* и чудовище и др.

Помимо этих трех групп, Ю.Е. Прохоров выделяет также автопрецеденты, составляющие отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающей среды, которые имеют определенное познавательное, эмоциональное или аксиологическое значение для отдельной личности и связаны с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды [7].

Несколько иной вариант классификации прецедентных феноменов представлен у Г.Г. Слышкина, который выделяет микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие прецедентные тексты [8].

Таким образом, прецедентными являются феномены, хорошо известные и понятные всем представителям национального лингвокультурного сообщества, апелляция к которым постоянно возобновляется в речи. Основу классификации прецедентных феноменов составляет критерий словесного их выражения / невыражения, в соответствии с которым выделяют вербальные и невербальные прецедентные феномены. Еще одним признаком дифференциации прецедентных феноменов является возможность / невозможность

реализации их в речи, согласно которой их разделяют на вербализованные и невербализованные. Вербализованными могут быть как вербальные, так и невербальные прецедентные феномены; к невербализованным же принадлежат лишь невербальные прецедентные единицы. По степени универсальности среди прецедентных феноменов разграничивают социумно-прецедентные (в состав которых входят автопрецеденты, являющиеся известными лишь в микросоциумах, которые могут включать лишь несколько человек), национально-прецедентные и универсально-прецедентные. Подтипами вербальных феноменов являются прецедентные имена, высказывания, тексты и ситуации. Прецедентные тексты и ситуации по возможности вербального выражения можно отнести к вербализованным единицам, прецедентные имена и высказывания – к собственно вербальным.

Использование прецедентных феноменов является способом косвенной коммуникации, то есть содержательно усложненной коммуникации, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретационных усилий со стороны адресата. Перспективность дальнейшего изучения категории прецедентности, прецедентных феноменов и их типологии обусловлена их распространенностью в современных дискурсах различных типов. Особенно, на наш взгляд, это касается политического, рекламного и медийного дискурсов, которые и будут составлять предмет исследования в следующих работах.

Список литературы

1. **Аникина Э.М.** Лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ (На материале англо-американской прессы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Э.М. Аникина. – Уфа, 2004. – 233 с.
2. **Банникова С.В.** Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Банникова. – Тамбов, 2004. – 182 с.
3. **Дюжева М.Б.** Прецедентность как ключевое понятие лингвокультурологии [Электронный ресурс] / М.Б. Дюжева. – Режим доступа: <http://www.abvproject.ru/412>, свободный. (Дата обращения: 15.06.2020 г.).
4. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
5. **Красных В.В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
6. **Красных В.В.** Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник МГУ. – 1997. – №3. – С. 62–75.
7. **Прохоров Ю.Е.** Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие / Ю.Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
8. **Слышкин Г.Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г.Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с.

Dubinina V.A.

**The Study of the Category of Precedent in the Framework of the
Linguoculturological Approach**

The article analyzes the category of precedent in the framework of the modern linguoculturological paradigm. Attention is focused on the fact that precedent is a property of human consciousness. Behind the precedent there is always some general and necessary idea of the concept, which makes all references to the precedent phenomenon clear and connotatively colored.

Key words: precedent, language, culture, consciousness, cultural linguistics.

Кисель Виктория Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
victoria_bessonnya@yahoo.com

Василькова Ирина Романовна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
irina_gukalova@mail.ru

Диалект как народное достояние: трудности перевода

Данная статья посвящена проблеме диалектизмов как явления языка. В статье приведена классификация диалектизмов и рассмотрены их примеры. Также освещены сложности перевода диалектной лексики и указаны способы её перевода. Проанализирован ряд примеров перевода диалектизмов в прозе и поэзии.

Ключевые слова: диалектная лексика, нормированность языка, способы перевода, нейтрализация, генерализация, приём опущения.

Каждый язык является уникальным, содержащим настоящую сокровищницу культуры и истории своего народа. Помимо литературного языка он содержит в себе ряд его разновидностей, одной из самых ярких являются, на наш взгляд, территориальные диалектизмы. «У народа есть известное – и очень почтенное и высокое нравственное миросозерцание..., вошедшее в его язык и нравы... Этот круг словесных запасов учит и воспитывает народ от детского до старческого возраста», – писал о диалектах известный русский советский языковед В.И. Чернышев [2].

Главное отличие диалектизмов от литературного языка – это отсутствие нормированности. Безусловно, в диалектной речи также можно выделить определённые правила, однако они не осознаются носителями языка и не имеют письменного воплощения, как в литературном языке. Диалект воспринимается многими учёными скорее как устная разговорная речь, говор, которая постоянно претерпевает изменения и развивается. Однако следует помнить о том, что данная речь является настоящим достоянием народа, отражающим его историческое и культурное прошлое.

«Диалект» понимается как разновидность общенародного языка, употребляемая сравнительно ограниченным числом людей, связанных общностью территориальной, социальной, профессиональной [1]. Диалект – это минимальная разновидность языка с точки зрения его территориальной принадлежности. Диалектизмы затрагивают все уровни языка и могут быть подразделены на следующие виды.

Лексические диалектизмы – это слова или понятия, распространённые в определённой местности. Они являются синонимами уже существующих литературных слов. Так, например: стежка – тропинка, дорожка; буряк – свекла; лента – пара в университете; тремпель – вешалка и т.д.

Этнографические диалектизмы – это слова, встречающиеся лишь на определённой территории, обозначающие местные особенности быта и труда. У них нет синонимов в литературном языке: торбаса – сапоги из оленьих шкур, туес – берестяной короб цилиндрической формы, коты – берестяные лапти, курлук – вид дикой гречи в Сибири.

Лексико-семантические диалектизмы – это слова, которые совпадают по написанию и произношению с литературными, но имеют другое значение. По сути, их можно назвать омонимами для слов литературного языка: погода – ненастье, пахать – подметать пол, бодрый – нарядный, красиво убранный.

Фонетические диалектизмы – это слова, которые меняют свой звуковой облик, показывая фонетические особенности того или иного говора: цай – чай, жисть – жизнь, хверма – ферма и так далее.

Словообразовательные диалектизмы – это слова, которые приобрели особое морфологическое оформление, зачастую при помощи аффиксов: ихний – их, гуска – гусыня, дарма – даром и т.д.

Морфологические диалектизмы – это такие слова, которые находятся в грамматических формах, не свойственных литературному языку. К примеру, у глаголов 3 лица множественного числа в окончаниях пишется мягкий знак: идутъ, моютъ, убираютъ. Также можно наблюдать изменение в употреблении местоимений: *у меня* – у мене, *у тебя* – у тебе и т.д. Могут отличаться от грамматической нормы и окончания в падежах: *слышал своим ушам, говорил с умным людям и т.д.*

Примеры, приведённые выше, для большинства людей будут звучать чужеродно и порой даже непонятно. Однако стоит помнить, что язык является подвижной и живой структурой и со временем некоторые диалектизмы благодаря разговорной речи проникают в литературный язык и больше не опознаются как нечто отличительное от нормы. Так, к примеру, из отрасли сельского хозяйства в литературный язык вошли такие слова как борозда, копна, стог, доярка. Довольно недавно нормированный русский язык обогатился следующими словами, пришедшими из диалектов: беспечный, жуткий, зазноба, мямлить, смекалка, корявый.

Как мы видим, диалекты являются очень распространёнными на всей территории практически любой страны и употребляются большей частью населения. Таким образом, цель нашей статьи – исследовать функции, которые выполняют диалектизмы, а также рассмотреть особенности их перевода.

Первостепенной функцией данной категории лексики, безусловно, является расширение русского языка и внесение разнообразия в него путём формирования большого числа синонимов, омонимов, антонимов. Диалектизмы, главным образом, употребляются в устной речи и таким образом делают её более понятной для жителей одной территориальной принадлежности и, конечно же, она становится значительно колоритнее. Именно данным фактором и объясняется употребление диалектизмов в художественных произведениях. Многие авторы

используют её для формирования яркого образа героев своего произведения, стремясь передать особенности его речи, образования и социального статуса. Так диалектной лексикой насыщены работы таких великих писателей и поэтов, как Н.В. Гоголь, М.М. Пришвин, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и многих других. Однако сейчас можно говорить о том, что данная тенденция уходит в прошлое и язык литературных произведений стремится к большей нормированности и становится понятным для жителей всех регионов страны. Использование диалектизмов можно также отметить в региональных печатных изданиях. Таким образом, информация для местных жителей становится более понятной и вызывает эмоциональный отклик. Стоит отметить, что именно благодаря литературе и публицистике ряд диалектных слов и может проникать в литературный язык. Тем не менее, необходимо помнить об умеренности употребления данного вида лексики, особенно в средствах массовой информации. Их обилие будет значительно отягощать речь и затруднять восприятие информации.

Из вышесказанного следует, что даже жители одной страны не всегда могут понять, что имеют в виду жители других регионов. Отсюда исходит проблема для переводчиков: как же передавать диалектную лексику на иностранный язык? Следует отметить, что, безусловно, даже для самого опытного и профессионального переводчика это является непростой задачей. Зачастую практически весь колорит использования диалектов будет утерян, так как его просто невозможно сохранить при переводе. Переводчику чаще всего приходится использовать несколько тактик: перевод диалектизма и объяснение его значения каким-либо из способов (между строк, сноски, переводческий комментарий) или же использовать генерализацию, то есть делать значение диалектизма общепонятным, или же использовать приём опущения – попросту отказаться от его использования в пользу нейтральной лексики. В одном из трудов Ньюмарка можно увидеть следующий способ перевода диалектизмов: «... никогда не пытаться переводить их диалектизмами, а лишь обозначать их присутствие разговорно-нелитературной лексикой» [4].

Предлагаем проанализировать некоторые варианты перевода диалектной лексики на примере романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон», который изобилует примерами диалектизмов: «And Quiet Flows the Don» by Robert DGLISH [5].

«... А он и говорит: «Ты, станишник, не сомневайся, я сам Каменской станицы рожак, а тут ученье прохожу в ниверси ... ниворситуте», али как там» [3]
«... Don't you worry, Cossack,' he says, 'I'm from Kamenskaya stanitsa myself. I'm only here to study at the uni- the university,' or whatever it is» [5].

В оригинале мы видим очень яркую лексику, которая сейчас будет понятна далеко не всем. Анализируя же перевод, можно отметить, что переводчик использовал нейтральную лексику и практически весь колорит был утерян.

«...Наш брат жив не будет, чтоб не слямзить.

– К казаку всяка вещь прилипает.

– Пушай плохо не кладет» [3].

«The likes of us can't help stealing».

«Everything sticks to a Cossack's hand».

«Let them be more careful about their things!» [5]

В данном переводе не осталось ничего из того, что хотел показать и сказать автор. Мы видим абсолютную нейтрализацию и, можно сказать, даже не совсем корректный перевод последней реплики. При чтении оригинала русскоязычным человеком у него в голове рисуется определённый образ, картинка того времени, характер казаков, их привычки. Однако если англоязычный читатель будет знакомиться с данным произведением, у него сложится абсолютно иной и даже неправильный образ казаков. В их мышлении они скорее представляются как некие воришки и мошенники.

Именно поэтому многие произведения, которые считаются шедеврами для жителей страны, в которой они были написаны, не представляются столь же великими для жителей других стран. Потери при переводе просто огромны. Это не говорит о некомпетентности переводчика, а лишь ещё раз подтверждает тот факт, что определённая лексика является изначально непереводимой. Любая компенсация при переводе не сравнится с оригиналом, если он действительно является шедевром литературы.

Теперь предлагаем вам рассмотреть пример перевода с английского языка на русский отрывка стихотворения Р. Бёрнса, перевод выполнен С.Я. Маршаком.

«Ae fond kiss, and then we sever Ae fond kiss, and then we sever; Ae fareweel, alas, for ever! Deep in heart-wrung tears I'll pledge thee, Warring sighs and groans I'll wage thee. Who shall say that Fortune grieves him, While the star of hope she leaves him? Me, nae cheerful twinkle lights me; Dark despair around benights me» [6].	«Расставание Поцелуй - и до могилы Мы простимся, друг мой милый. Ропот сердца отовсюду Посылать к тебе я буду. В ком надежды искра тлеет, На судьбу роптать не смеет. Но ни зги передо мною. Окружен я тьмой ночью» [6].
---	---

Безусловно, перевод является творческим процессом, а перевод поэзии – это, по сути, новое написание стихотворения, но на языке перевода. В строках Р. Бёрнса мы видим ряд диалектизмов, сокращённых грамматических форм, архаизмов. При прочтении же перевода наши мысли словно танцуют под ритм красивых фигур речи по безупречно подобранным рифмам. Читатель абсолютно не чувствует недостатка в диалектизмах и просторечной лексике. Данный пример подтверждает, что не всегда «дословный» перевод диалектизмов является уместным и необходимым. Подводя итог, можно отметить следующее:

- диалектизмы являются неотъемлемой частью любого языка;
 - при употреблении их в определённых ситуациях они делают нашу речь ярче и колоритнее;
 - необходимо быть умеренными при использовании данного вида лексики;
 - при переводе диалектизмы являются практически непереводимыми;
- «дословный» перевод диалектизмов не всегда необходим.

Таким образом, перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении диалектизмов и их значения для языка в целом, а также в поиске всё новых способов перевода для более достоверной и полной передачи диалектной лексики при переводе.

Список литературы

1. **Розенталь Д.Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М. : Искусство, 1976. – 456 с.
2. **Чернышев В.И.** Избранные труды. В 2 т. : Т. 2 / сост. А.И. Иорданский и др.; вступ. ст. В.В. Виноградова. – М. : Просвещение, 1970. – 478 с.
3. **Шолохов М.А.** Тихий Дон: роман: в 4 кн. / СК: Сов. классика: Золотой фонд. 3. – М. : Профиздат, 1990. – 384 с.
4. **P. Newmark** About translation MULTILINGUAL MATTERS 74 Series Editor: Derrick Sharp/ P. Newmark. – Centre for Translation and Language Studies, University of Surrey, 1991. – 207 с.
5. **R. Denglish** And Quiet Flows the Don / R. Denglish. – Carroll & Graf Pub, 1996. – 1362 с.
6. **Английская поэзия** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eng-poetry.ru/РоемЕ.php?РоемId=1272>, свободный. (Дата обращения: 12.02.2021 г.).

**Kisel V.S.,
Vasilkova I.R.**

Dialect as National Treasure. Difficulties in Translation

This article is devoted to the problem of dialectisms as a phenomenon of language. The article provides a classification of dialectisms and considers examples. The difficulties of translating dialect vocabulary have also been highlighted and methods of translation have been indicated. A number of examples of dialectisms' translation in prose and poetry have been analyzed.

Key words: *dialect lexis, norm of the language, translation methods, neutralization, generalization, omission technique.*

УДК 811.133.1

Лепешкина Наталья Ивановна,
преподаватель кафедры английской
и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
nil102@yandex.ua

Современный французский язык в условиях многоязычия и мультикультурализма

Автор статьи поставил своей целью проследить состояние современного французского языка в условиях многоязычия и мультикультурализма. Автор дает ответы на вопросы, связанные с культурной и языковой интеграцией мигрантов, прибывающих во Францию.

Источниками информации стали статьи французских газет национального значения «Фигаро», «Либерасьон», «Ле Монд».

Ключевые слова: миграция, многоязычие, языковая политика.

В своем стремлении сохранить и не обесценить свой язык французское сообщество столкнулось сегодня с большим разнообразием языков и культур, оказавшихся на его территории. Из-за постоянно растущей лингвистической неоднородности в самой Франции, и её заморских департаментах, возникает много вопросов, требующих решения: изучение французского языка детьми иммигрантов и межкультурные отношения в школе, потребности взрослого населения, признание родного языка мигрантов, их культурная и языковая интеграция.

Французский язык стал родным не только для своих исторических носителей. Им пользуются в бывших колониях Франции, которые теперь независимы. И в этих регионах на французском языке говорят даже больше, чем во времена колониализма. И если во Франции кто-то и склонен к американской мечте, то есть в погоне за прибылью не пренебрегает английским языком, то в странах Магриба французский язык становится языком экономики.

Французов очень беспокоит, почему английский сохраняет своё доминирующее положение. Кто-то считает достижением, что французский занимает четвертое место в Интернете, а для других это показатель его упадка. Французам ставят в упрек, что последние десятилетия они не воспринимали свою страну, вместе с её языком и культурой как великое государство. Они больше думали о своей стране как исключительно европейской. Одним словом, вопрос языка волнует определённые круги населения Франции.

Цель статьи – выяснить изменяется ли французский язык в условиях многоязычия и мультикультурализма, а также, какие решения принимает правительство в последние годы в целях упрочения позиций французского языка в стране и в мире. Мы решили проследить обеспокоенность французов судьбой своего языка на примере статей французских газет национального значения «Фигаро», «Либерасьон» и «Ле Монд».

Исследованием данной проблемы в разное время занимались У. Макбрайд, Т.П. Семенычева, О.А. Смирнова, Е.П. Челышев, Р. Шоденсон и другие.

Неоднозначную реакцию в обществе вызвал так называемый закон Ж. Фьоразо, принятый в 2013 году во Франции. В рамках образовательной реформы закон разрешал проведение в высших учебных заведениях занятий на английском языке. Это позволило бы привлечь больше иностранных студентов и помогло бы, по словам министра высшего образования Франции Ж. Фьоразо, искоренить неравенство в стране.

Одна из крупнейших и влиятельнейших газет Франции, основанная в 1973 году Жаном-Полем Сартром, газета «Libération» вышла с первой полосой на английском языке в дни принятия этого закона. «Французский язык и культура – это богатство, которым мир должен пользоваться. Но их распространение не должно идти какими-то законодательными методами, а путем привлечения студентов в наши университеты» [2].

Кто-то увидел опасность в этом законе, но были и сторонники. Это последний раз подтверждает, что одной из сфер, реагирующих на изменения в социальной и языковой политике, является пресса. С одной стороны, она как зеркало отражает всё новое, что появляется в обществе, в технике, в языке. Её как раз часто обвиняют в чрезмерном употреблении англицизмов. С другой стороны пресса может сама стать источником определенной языковой идеологии.

Идеалом нормы французского языка, конечно же, служит язык Франции, но не её заморских территорий, так как идеология стандарта устанавливалась веками. Но закрывать глаза на различия в языке в разных странах франкоговорящего мира нельзя, как и на идеологию отношения к языку. Роль французского языка изменяется в разных странах в зависимости от социально-исторического, политического и экономического контекста. В частности газеты «Le Monde», «Libération» уже много лет трубят об опасности, нависшей над французским языком [7].

Чаще всего используются в подобных статьях такие ключевые слова: опасность, гибель, упадок, исчезновение, защита, борьба, охрана. И такие заголовки статей: «Защита языка – это бой, который никогда не прекратится» [6], «Давайте сражаться за наш язык!» [6], «Французскому языку не угрожает маргинализация, он уже маргинален» [6] и так далее.

Языковая маргинальность, в той или иной степени, присуща любым государствам на разных этапах их развития. Сложившиеся социальные и этнические отношения на данный отрезок времени во Франции, возможно, дают почву для пессимистических прогнозов. Но, само появление таких обеспокоенных авторов статей в газетах говорит уже о том, что есть часть общества, представители умственного труда, интеллигенция, которые обеспечат передачу языковой культуры, ценностных стереотипов от поколения к поколению, что и будет способствовать целостности социума.

Много внимания газеты уделяют попыткам Французской академии каким-то образом регулировать языковые и литературные нормы французского языка. Как и англоговорящий мир, франкофоны волнует несправедливость в отношении многовекового неравенства в названии некоторых профессий,

специальностей и титулов, которые чаще всего имеют мужской род. Если правительство и вмешивается в этот вопрос, встают преграды юридического порядка.

Живой интерес вызывает у публики рубрика «dire, ne pas dire» в онлайн формате, где академики уточняют правила орфографии и сферу употребления тех или иных слов. Но не только это поможет укрепить позиции французского языка в мире. Так, большие надежды возлагаются на международную организацию Франкофония. Основная её цель – противостоять угрозе, которую представляет собой английский язык, прочно завоевавший звание международного.

Заголовки газеты «Le Figaro» пестрят: «Франкофония: сто человек призывают Макрона бороться против всего английского», «Французский язык больше не принадлежит только французам» [3], «Французский язык: в интернете организовывается сопротивление» [3], «Французский язык становится языком противодействия» [3], «Французский язык в состоянии войны?» [3], «Международная организация Франкофония прогнозирует, что к 2050 году франкоязычными будут 700 миллионов человек» [3], «Франкофония: Эммануэль Макрон представит свой план модернизации» [3], «Мы являемся свидетелями нового расцвета французского языка в мире» [3], «Успех франкофонии в XXI веке» [3], «Париж выделяет 25 миллионов евро на преподавание французского за рубежом» [3] и так далее.

И действительно, Агентство по французскому образованию за рубежом объявило о повышении своего бюджета, начиная с 2020 года. Это учреждение под управлением Министерства иностранных дел Франции, которое руководит школами, выполняющими французский национальный учебный план за пределами Франции. Предполагается и увеличение количества преподавателей в ближайшие годы. Министр иностранных дел Франции Жан-Ив Ле Дриан пообещал снизить оплату за учебу семьям, вернуть её к уровню 2016 года (в 2017 году она была повышена).

В своём интервью газете «Фигаро» в 2018 году член экономического, социального и экологического совета Франции Мари-Беатрис Лево обращает внимание на необходимость во время политических дебатов настойчиво продвигать решение вопросов, касающихся языковых проблем франкоязычного населения. Она назвала франкофонию и французский язык «сиротами» французской политики [3].

Выступая в этом же году 20 марта, в Париже, во Французской Академии, в честь ежегодного Международного дня франкофонии, президент Франции Э. Макрон представил целый ряд мер, которые планируется предпринять для усиления роли французского языка в мире. В основном, это увеличение финансирования различных образовательных программ. Не забыты и беженцы, прибывающие во Францию. Для них увеличили количество учебных часов на курсах французского языка [1].

Ж. Прювост, французский лингвист, тоже дал интервью газете «Фигаро» (30.12.2019 г.). Девиз всего интервью – «Давайте гордиться тем, что мы говорим по-французски!». Лексиколог определяет количество английских слов, попавших во французский язык за последние десятилетия словом мириады.

Это, по его мнению, влияние моды и похоже на то, как во времена Ж.Б. Мольера врачи злоупотребляли латинскими названиями, которые не были понятны народу. Но, он считает, что французский язык имеет все преимущества, чтобы сопротивляться влиянию английского языка [3].

Как автор книги «Секреты слов», появившейся в 2019 году, Ж. Прювост будет интересен тем, кто любит слово, может часами думать о его происхождении, следить за его историей и прогнозировать будущее. Относясь к слову именно таким образом, он сравнивает его с галькой, которая полируется, попадая в руки человека. Словари автор называет «консерваториями» слов. И какая поэзия звучит в той мысли, что в словарях, как и в нашем мире, населенном разными видами существ, есть слова, которые часто появляются перед нами, на бумаге или на экране. Но есть и такие, которые остаются в своей особой нише, где они родились, и предназначены только для одной семьи, одной пары и рассчитывают на конфиденциальность.

Помимо влюблённых в слово ученых, можно привести пример простой принципиальности франкоговорящего населения: два франкоговорящих пассажира добились возмещения ущерба у канадской авиакомпании в размере 14 тысяч евро за то, что некоторые французские надписи («выход», например) были менее заметны на борту самолета по сравнению с английскими. А канадские законы предусматривают равенство обоих вышеназванных языков [3].

Журналистка К. Конрют предлагает вспомнить уже существующие в канадском варианте французского языка слова и заменить ими чужие, английские слова. Например, слово *spam* (спам) можно заменить на квебекское *pourriel*. Слово *chat* в смысле обсуждение в сети, заменить на *clavardage*, а вместо *selfie* (сэлфи) приспособить *égoportrait* [3].

Кстати, если с появлением ресторанов «фаст фуд» французы быстро приняли названия хот-дог, гамбургер и попкорн, то в Квебеке это *chien-chaud*, *hambourgeois*, *maïs soufflé*. Так что, и благодаря, и вопреки французскому централизму, французский язык процветает. Достаточно простой поездки в Бельгию, Швейцарию или Бенин и мы услышим богатство языка и творческий потенциал франкоговорящего населения.

Э. Филипп, премьер министр Франции, выступая перед сенатом в 2019 году по вопросу миграционной политики, отмечая важность создания условий для изучения языка мигрантами, сделал упор на неоспоримую важность уважения последними культуры и традиций Франции. И этому тоже надо учиться вместе с получением знаний о языке. «Мы не можем, не должны и не хотим позволять интерпретировать наши ценности по-своему», – подчеркнул он. Министр призвал быть непреклонными в отношении этого требования [4].

На 28 октября 2021 года запланирован семинар стран, являющихся французскими заморскими департаментами, который состоится в Сен-Дени, главном городе Реюньона. Цель семинара – обсудить новую лингвистическую политику в этих странах. Учитывая языковые различия между некоторыми территориями, местные наречия и общий для всех французский язык, цель одна – жить в гармонии. Это событие названо на креольском языке «Langue kréol dann kèr», что переводится как «креольский язык в сердце» [3].

Итак, правительство Франции контролирует языковой вопрос и миграционные процессы в стране. Прогнозы по поводу увеличения франкоговорящего населения благоприятные. Некоторые, правда, предрекают, что это за счет роста населения в странах Африки. Сами французы тоже осознают, что если взять для рассмотрения целое тысячелетие, то и их корни окажутся далеко не французскими. Сопrotивляясь влиянию английского языка и одновременно обогащаясь за его счет, усваивая лексику других, малых народов, французский язык живет. Живет благодаря тому, что есть много людей, которым он небезразличен!

Дальнейшую перспективу исследований мы видим в необходимости проследить взаимовлияние языков в условиях мультилингвизма, положительные и отрицательные стороны языковых контактов. Интересно рассмотреть трансформации, происходящие с родным языком в условиях миграции.

Список литературы

1. **Actualités et évènements liés à la francophonie** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/francophonie-et-langue-francaise/actualites-et-evenements-2018>, свободный. (Дата обращения: 10.01.2021 г.).
2. **Газета Сартра** вышла с передовицей на английском в поддержку образовательной реформы: Пресса: Интернет и СМИ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Lenta.ru https://lenta.ru/news/2013/05/22/letsdoit/](https://lenta.ru/news/2013/05/22/letsdoit/), свободный. (Дата обращения: 06.01.2021 г.).
3. **Le Figaro. Lire le journal** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/francophonie>, свободный. (Дата обращения: 07.01.2021 г.).
4. **Discours de M. Édouard PHILIPPE, Premier ministre, Déclaration du Gouvernement sur la politique migratoire de la France et de l'Europe, en application de l'article 50-1 de la Constitution, suivie d'un débat Sénat Mercredi 9 octobre 2019.** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gouvernement.fr/partage/11182-declaration-du-gouvernement-sur-la-politique-migratoire-de-la-france-et-de-l-europe-en-application>, свободный. (Дата обращения: 14.01.2021 г.).
5. **Jean Pruvost. Les Secrets des mots / Editeur : Gui Saint-Jean.) – 2019** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.la-croix.com/Culture/Livres-et-idees/secrets-mots-heros-langage-2019-05-23-1201024000>, свободный. (Дата обращения: 06.01.2021 г.).
6. **Sur France Info, le 31 mars, Michel Serres donne l'alerte. Le Monde, 10 mai 2013** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/10-05-2013/3/>, свободный. (Дата обращения: 05.01.2021 г.).
7. **Libération. Lire le journal** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lepoint.fr/tags/liberation>, свободный. (Дата обращения: 25.02.2021 г.).

Lepeshkina N.I.

Modern French in the in the context of Multilingualism and Multiculturalism

The author of the article aimed to trace the state of the modern French language in the conditions of multilingualism and multiculturalism. The author provides answers to questions related to the cultural and linguistic integration of migrants arriving in France. Sources of information were articles from the French newspapers of national importance «Le Figaro», «Liberation», «Le Monde».

Key words: migration, multilingualism, language policy.

УДК 81'255

Некрутенко Елена Борисовна,

канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
elena.summerhill@yandex.ua

Галак София Романовна,

студентка магистратуры 2 курса,
специальность «Лингвистика»
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
soffia.0206@gmail.com;

Особенности перевода художественного текста

В данной статье рассматриваются некоторые особенности художественного текста как объекта переводческой деятельности, определяются главные отличия перевода художественного текста от других видов перевода. Выделяются основные критерии художественного перевода, отдельно исследуются роль переводчика и формирование картины мира в переводах художественных произведений.

Ключевые слова: *перевод, художественный текст, литературный перевод, культура, искусство перевода.*

Среди многих проблем, которые исследует современная лингвистика, немалое значение имеет изучение лингвистических аспектов языка, в том числе «перевод» или «переводческая деятельность».

Актуальность исследования определена особым интересом к проблеме понимания и адекватной передачи смысла иностранных художественных текстов.

Цель статьи – это исследование и выявление особенностей при переводе художественных текстов.

На сегодняшний день принято различать три вида письменного перевода [1, с. 49].

1. Пословный перевод (буквальный или подстрочный) представляет собой механический перевод слов иностранного текста. Такой перевод нарушает нормы и узус языка перевода, так как сохраняет порядок слов и грамматические структуры текста оригинала, не учитывая синтаксических и логических связей. Данный вид перевода, как правило, используется в учебных целях и в качестве основы для дальнейшей переводческой работы.

2. Дословный перевод. Если пословный перевод представляет собой механический перевод всех слов, с учётом предлогов и артиклей, в результате чего смысл текста теряется, то в данном виде перевода сохраняется мысль исходного текста, но наблюдается максимально приближенное воспроизведение лексического состава и синтаксических конструкций подлинника. При обнаружении в тексте перевода конструкций, не соответствующих нормам языка перевода, дословный перевод обязательно должен быть отредактирован и заменен литературным вариантом [1, с. 49].

3. Литературный, или художественный перевод. В этом виде перевода содержание текста оригинала передано в форме правильной литературной речи, которая не должна нарушать норм переводящего языка. Данный вид перевода является причиной большого количества разногласий среди исследователей относительно того, какие составляющие текста оригинала важно сохранить при художественном переводе, а чем можно «пожертвовать» [1, с. 49].

Сравнивая художественные виды текста с прагматическими, В.В. Слобников и О.В. Петрова выделяют ряд принципиальных отличий. Художественные тексты отличаются от нехудожественных следующими характеристиками.

1. Способом описания действительности, представленной в художественном тексте в виде образа.

2. Целью создания текста: помимо эстетического воздействия на читателя художественный текст формирует отношение читателя к содержанию художественного произведения.

3. Характером и способом передаваемой информации: для художественных текстов характерна высокая степень образности, помимо этого часть информации в таких текстах закладывается имплицитно, то есть через способности писателя при помощи определенных языковых единиц и особого построения предложений сказать больше, чем говорит прямой смысл слов в их совокупности.

4. Степенью активности читателя: чтение художественных текстов требует определенной вовлеченности – представление образов, домысливание и т.д.

5. Наличием авторской позиции, образа автора, которые создают внутреннее единство художественного текста.

6. Композиционным разнообразием.

7. Высокой степенью национально-культурной и временной обусловленности [3, с. 87].

Художественный перевод текста считается наиболее сложным из письменных видов перевода. Можно сказать, что он представляет собой не столько особый вид перевода, сколько отдельный вид искусства. Что особенно справедливо в отношении переводов стихотворений и песен. И если технический перевод, перевод документов, юридических и финансовых текстов – это объекты мастерства опытного профессионального переводчика, часто обладающего талантом, то художественный перевод буквально стоит на развилке ремесла, профессии и искусства [1, с. 50–51].

Искусство перевода относят к области психологии переводчика, к его умению создавать полноценный текст перевода и делать правильный выбор языковых средств, учитывая всю совокупность факторов, которые влияют на результат перевода. При работе с художественными произведениями переводчику не обойтись без таланта писателя или поэта. Согласно известному теоретику перевода Л.К. Латышеву [4, с. 86], перевод как вид искусства представляет собой промежуточную категорию между исполнительским искусством и оригинальным творчеством. Многие великие писатели начинали с перевода произведений своих предшественников из других культур. Великие литераторы считали своим долгом владеть несколькими иностранными языками, включая мёртвые, чтобы читать в оригинале шедевры, прославившие своих авторов по

всему миру. Учитывая это, необходимо понимать, что не каждому опытному переводчику под силу достойный художественный перевод [2, с. 52].

Полноценный и адекватный художественный перевод – это воспроизведение художественного текста заново, при этом сохраняя его культурные особенности, и делая их понятными представителю другой нации и культуры. Данный вид перевода требует находчивости, сопереживания, умения сохранить темп и ритм произведения. От переводчика требуется раскрытие собственного творческого потенциала, при этом не заслоняя своеобразие авторского стиля.

Перечисленные нами требования к художественному переводу наводят на вопрос о допустимой степени близости перевода к тексту оригинала.

Данный вопрос бурно обсуждался переводчиками еще в античном мире. Так в ранних переводах произведений, считавшихся священными или образцовыми, таких как Библия, переводчики стремились к абсолютному копированию текста оригинала, что часто приводило к неясности или даже полной неадекватности перевода. Поэтому позднее были произведены попытки теоретически обосновать право переводчика на большую свободу в отношении оригинала, позволить ему воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление, так сказать «атмосферу» оригинала. Уже в этих первых высказываниях о целях, которые должен преследовать переводчик, прослеживается начало теоретических споров нашего времени о допустимости буквального или вольного перевода, о необходимости сохранить в переводе то же воздействие на читателя, которым обладает оригинал [2, с. 67–69].

Стоит также отметить, что не всегда очень хороший вольный перевод воспринимается вообще как перевод. Так, например, Н.В. Гоголь сравнивает переводчика в таких случаях с невидимым, прозрачным стеклом. По словам В.Г. Белинского, переводы К.И. Чуковского «даже нельзя назвать переводами, так как они читаются как оригиналы» [5]. Тем не менее, выбор между точностью и красотой всегда остается за переводчиком, но возникает еще вопрос – что понимать под точностью перевода? Следование букве или духу оригинала?

Отношение языковедов к данному вопросу было четко выражено в письме В. Гумбольдта к известному немецкому писателю и переводчику А. Шлегелю: «Всякий перевод представляется мне, безусловно, попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника» [6].

Так некоторые переводчики считают немаловажным соответствие перевода культуре, духу и привычкам носителей родного языка, что ведет к вольному переводу. Другие же настаивают, что гораздо важнее передать и научить читателя восприятию иного мышления и культуры. Второй способ ведет к переводу дословному, буквальному.

Такое расхождение во взглядах среди переводчиков относительно точности перевода привело к тому, что в научной среде традиционно сложились две противоположные точки зрения.

1. «Теория непереводаемости». Сторонники данной теории утверждают, что из-за значительного расхождения выразительных средств разных языков полноценный перевод с одного языка на другой вообще невозможен; перевод представляет собой лишь некое подобие текста оригинала, дающее о нем весьма отдалённое представление. Как верно заметила Т.А. Казакова: «Точный перевод, по определению, невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по простому количеству слов, не говоря уже о различии культур» [3, с. 56].

2. Противоположная теория основана на предположении, что любой развитый национальный язык является вполне достаточным средством общения для полноценной передачи мыслей, выраженных на другом языке. Данное предположение является особенно справедливым в отношении русского языка – одного из самых развитых и богатых языков. Данной точки зрения придерживается большинство исследователей, также она легла в основу деятельности многих профессиональных переводчиков.

Таким образом, можем сделать вывод, что перевод художественного текста – это трудоёмкий творческий процесс, при котором переводчику необходимо учитывать все присущие произведению особенности, культурно-национальные связи, а также оригинальный замысел автора. В целом суть этого процесса можно определить как попытку устранения языкового и межкультурного барьера между автором и читателем и прохождение оригинального текста через «призму восприятия» переводчика. Перспективы дальнейших исследований мы видим в рассмотрении и анализе переводов произведений какого-либо конкретного автора.

Список литературы

1. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. / О.С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 2013. – 608 с.
2. **Виноградов В.С.** Лексические вопросы перевода художественной прозы [Электронный ресурс] / В.С. Виноградов. – Режим доступа: <http://catalog.turgenev.ru/Opac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:150552/Source:default>, свободный. (Дата обращения 28.02.2021 г.).
3. **Казакова Т.А.** Практические основы перевода. English – Russian. Учебное пособие. / Т.А. Казакова. – СПб. : Лениздат; Издательство «Союз», 2002. – 320 с.
4. **Латышев Л.К.** Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
5. **Сдобников В.В.** Теория перевода: (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) [Электронный ресурс] / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Режим доступа: <https://superlinguist.ru/teoriia-i-praktika-perevoda-skachat-knigi-besplatn/sdobnikov-v-v-teoriia-perevoda.html>, свободный. (Дата обращения 01.03.2021 г.).
6. **Федоров А.В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие для ин-тов и факультетов иностр. языков / А.В. Федоров. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 348 с.

**Nekrutenko E.B.,
Galak S.R.**

Features of the Translation of a Literary Text

This article examines some features of a literary text as an object of translation activity, identifies the main differences between the translation of a literary text and other types of translation. The main criteria of literary translation are highlighted, the role of the translator and the formation of the world picture in the translations of works of art are separately investigated.

Key words: translation, literary text, literary translation, culture, art of translation.

УДК 811.161.1'373.2

Новикова Анна Анатольевна,
канд. филол. наук, доцент кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
anitabogdan@mail.ru

Мартынюк Лика Игоревна,
студентка филологического факультета
4 курса, специальность
«Английский язык и литература»
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
lika-romanuk@mail.ru

Семантические особенности слов-орнитонимов в русском языке

В статье рассматриваются семантические особенности слов-орнитонимов в русском языке как номинативных единиц, служащих для выделения, индивидуализации и идентификации определенной птицы среди других птиц. Авторы выделяют два периода в формировании символических образов птиц: языческий и христианский. Значение орнитонима как элемента структуры знаковой ситуации обеспечивает ассоциативную связь между планом выражения лексической единицы и ее наименованием, понятием.

Ключевые слова: орнитоним, слова-орнитонимы, культурный код, номинация.

Лексические единицы, содержащие в своём составе компонент в виде орнитонима, представляются интересным объектом для лингвистических исследований, поскольку несут в себе культурную и историческую самобытность отдельного народа. Помимо этого, они также являются главным источником образования национальных стереотипов, поэтому актуальность данной статьи не вызывает сомнения – изучение орнитонимов, а также фразеологических единиц с компонентами в виде орнитонимов, является необходимой мерой, поскольку мировое сообщество активно стремится искоренить, или хотя бы уменьшить этническую и национальную дискриминацию различных народов.

Термин орнитоним (от греч. *ornis (ornitos)* «птица», *onima* «имя, название») обычно характеризуют как номинативную единицу, представляющую собой слово или сочетание слов, служащих для выделения, индивидуализации и идентификации определенной птицы среди других птиц» [7, с. 8]. Эту группу слов можно обнаружить в любом языке, так как она имеет достаточно обширный спектр наименований. При этом многочисленная часть данной лексико-семантической группы имеет широкую сферу функционирования, ведь слова-орнитонимы могут использоваться как в литературном языке, так и в просторечии, диалектах, жаргонах и т.д. На наш взгляд, это объясняется

важной ролью пернатых в жизни людей, как с практической (экономической) точки зрения, так и с эстетической.

Изучением данного пласта лексики активно начали заниматься со второй половины XX века (Л.А. Булаховский, Л.Ю. Гусев, Н.Б. Неронова, О.Б. Симанова, Н.Ф. Сумцов, Л.А. Тульцева и другие). Работы о национально-культурной специфике фразеологизмов с ключевым словом-орнитонимом в русском языке исследовали М.М. Вознесенская, Е.В. Лысова, Е.Р. Малафеева; в русском, английском и французском языках данную проблему исследовали такие лингвисты, как Е.М. Маклакова и А.С. Савенко; в лексикографическом аспекте орнитонимы рассматривала Н.А. Курашкина. Вопрос номинации птиц также сильно интересует исследователей: Н.Д. Адилова, М.М. Гинатуллина, Н.Д. Голева, Л.Ф. Моисеева, Н.Б. Неронова и так далее.

Культура в языкознании является информационной системой, или даже системой коммуникаций, а все ее явления – совокупностью символов и знаков, поэтому понимание языка культуры – это путь к ее хранению и трансляции. Если мы воспринимаем культуру как знаковую систему символов, благодаря которой происходит общение, то в момент речи происходит общее их понимание, то есть, понимание жестов и слов, что снижает сложность передачи культурного наследия. Культурный код является средством преобразования различных значений в смысл, что дает возможность проникнуть глубже на другой смысловой уровень культуры, открытый лишь для носителей кода. Орнитоморфный код или система символов, основанная на образах птиц, является разновидностью подобных культурных кодов [1, с. 209].

Так, птицы становились предметом исследования еще со времен Аристотеля, но, что так привлекало ученых в них сказать очень сложно. Тем не менее, класс птиц – это самый изучаемый, в том числе и с лингвистической точки зрения. По мнению О.В. Береговой, среди славян символика птиц начала формироваться сначала в силу языческих представлений. Так, большинство языческих богов могли превращаться в птицу: «Перун – в орла или ворона, Волхв – в Финиста-Сокола» [1, с. 210], но данный период тесно взаимосвязан с магическим мышлением и обрядами, а с появлением христианства понимание роли птиц в устройстве мира стало перениматься из Библии [1, с. 210].

Польский исследователь, В. Копалинский утверждает, что у большинства разных народов значение символа «птица» частично совпадает, ведь оно несет в себе огромное количество смыслов: «Птица – символ Солнца, ветра, воздуха, тучи, грома с молнией, огня, Времени, божества, создателя, творца, божественного посла, бессмертия, духа, души; женской основы; приятности, чистоты, воздушности, вдохновения, пророчества; свободы...» [6, с. 187].

Огромное количество легенд, пословиц и поговорок, сказок связано с птицами. Птиц подразделяют на чистых (святых и добрых) и нечистых (дьявольских, злых). К нечистым исследователь фольклора относит всех птиц семейства вороновых, а также сороку, ястреба, коршуна, ночных хищников (сова, сыч, филин), воробьев, удода, уток, куликов, гагар и летающих мышей. К чистым – голубя, ласточку, жаворонка, журавля, лебедя, дрозда, клеста и чайку [5, с. 451]. Существует еще и нейтральная группа орнитонимов, на сим-

волике которых не сказывается отнесенность к той или иной категории: сокол, коростель, куропатка.

В славянском фольклоре птицам отводится отдельная и довольно внушительная по объемам ниша, а образом, синтезирующим все элементы мифологии, является мировое дерево. В подобной функции в славянских фольклорных текстах часто выступают Вырий, райское дерево, берёза, явор, дуб, сосна, рябина, яблоня [5, с. 452]. Так, например, к трём основным частям мирового дерева относятся различные животные: к ветвям и вершине – птицы (сокол, соловей, птицы мифологического характера), а также солнце и луна; к стволу – пчёлы, а к корням – хтонические животные (змеи, бобры и т. п.). При этом все дерево может сопоставляться с человеком, чаще всего с женщиной. По мнению В.В. Иванова и В.Н. Топорова, «с помощью мирового дерева моделируется тройная вертикальная структура мира: три царства – небо, земля и преисподняя; четверичная горизонтальная структура (север, запад, юг, восток, ср. соответствующие четыре ветра); жизнь и смерть (зелёное, цветущее дерево и сухое дерево, дерево в календарных обрядах)» и т. п. [5, с. 452].

В.И. Алатырев и Е.В. Лысова утверждают, что часто названия птиц основываются на звуковом, зрительном и осязательном образах [9]. Иногда к ним добавляют еще звуковые аспекты и географические особенности. Ученые выделяют две группы: по собственному и относительному признаку, которые, в свою очередь, делятся на несколько подгрупп.

Номинация по собственному признаку:

1) внешний вид: общий внешний вид, размер птицы, цвет оперения, примечательная часть тела или необычная черта внешнего вида;

2) поведение птицы, ее образ жизни: характерное движение или способ добывания пищи;

3) звуковой признак [9, с. 5].

Номинация по относительному признаку:

1) место проживания птицы;

2) употребляемая пища;

3) связь со временем [9, с. 6]

Значение слов-орнитонимов может быть прямым и переносным, но идентифицировать их можно, учитывая характер слова. Например, эпитет передает наиболее существенный признак в характеристике денотата, глагол характеризует предмет по присущим ему действиям, существительное-приложение через указание на предмет показывает совокупность качеств предмета, названного определяемым словом [4, с. 23]. Подобные кодифицированные переносные значения являются лингвокультурной особенностью многих народов.

Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» или «Названия птиц» получила следующее определение – «это часть лексического поля «Животные», представляющая совокупность номинативных единиц, объединенных категориально-лексической семьей птица и связанных между собой родо-видовыми, парадигматическими и словообразовательными отношениями» [7, с. 4]. Данная группа постоянно пополняется названиями новых видов. Мы рассматриваем тематическую группу «орнитонимы», не отходя от понятия «лексико-семантическая группа», поэтому такой подход связан с включением в

исследование не только названий птиц, но и характерных для них действий и признаков. Таким образом, мы сможем охватить более широкий спектр понятий, связанных с птицами и их жизнью.

Лексическая группа «орнитонимы» испытала на себе влияние мифологической, религиозной, а также обрядовой символики, поэтому в формировании символических образов птиц выделяют два периода: языческий и христианский. Их отличие очевидно: в языческом периоде символика связана с магическим мышлением, а на дохристианские символические образы птиц оказала влияние греко-римская мифология, в которой птицы считались посланцами богов: «ворона – Аполлона, бога Солнца; орел – Юпитера, бога войны; павлин – Юноны, богини красоты; сова – Минервы, богини мудрости; воробей, голубь и лебедь – Венеры» [7, с. 13]. При этом в христианскую эпоху главными источниками информации о птицах стали Библия и Евангелие, что стало основой для деления птиц на святых и дьявольских.

Значение орнитонима, как и значение любого слова, является «элементом структуры знаковой ситуации, обеспечивающей ассоциативную связь между планом выражения лексической единицы и ее наименованием и ее понятием» [4, с. 16]. В нашем случае денотат означает как отдельную птицу, так и филогенетическое сообщество птиц, и под этим понятием мы называем понятие денотата в языковом или социальном сообществе.

Птиц можно отнести к особой группе на основе двух признаков – локуса («воздух») и модуса («летать») передвижения (иногда появляется дополнительный признак «плавать», являющийся отличительным признаком рыб, но он приписывается только таким группам птиц, как утка, гусь, лебедь), то есть, птицы – это летающие в воздухе (но не ползающие) существа, представленные в народной культуре как собирательно, так и индивидуально [5, с. 452].

Так, Н.Д. Голев утверждает, что одинаковый мотивировочный признак может иметь разные способы выражения: шилохвост (метафорический способ) и острохвост (прямой способ), хуркук (звукоподражательный способ) и кряхтун (опосредованно-метафорический), малый дятел (прямой) и дятлик (морфологический) и т.д. [2]. При этом большая часть орнитонимов имеет переносные значения, связанные с человеком. К примеру, журавль – это очень высокий и неуклюжий человек, а тетерев – глухой, что является одной из причин использования орнитонимов в составе фразеологизмов.

Национальный язык воздействует на отражение поэтической картины автора, что приводит к появлению смыслов, понятных лишь в связи с особенностями этнической культуры. Символика является носителем подобных смыслов, а сам лирический текст наполнен повышенным символизмом и условностью номинаций. Сюжет лирического текста чаще всего передает не внешнее событие, а – душевные переживания субъекта [3, с. 65], поэтому орнитоморфные символы занимают в текстах лирического фольклора важное место.

Исследователь Т.А. Бернштам, например, впервые предложила опыт трактовки орнитоморфной символики восточных славян в иной плоскости – в системе половозрастного символизма. Она объединила птиц в две группы: диких (водоплавающие обоего пола; лесные всегда одного пола) и домашних обоего пола. Так, образы первой группы связаны с половозрастными группами молоде-

жи и «молодых» в различных обрядовых ситуациях, поэтому образы домашних птиц часто символизируют молодую девушку после бракосочетания и просто семейных женщин. При этом и в обрядовом, и необрядовом фольклоре восточных славян среди домашних птиц немаловажное место занимает также петух, являющийся символом подросткового и юношеского возраста, и одновременно прослеживается связь с хищными птицами: соколом и орлом [10, с. 88].

У древних славян образ петуха был очень распространен. Его изображали на крышах домов, сундуках, гробах, изготавливали флюгеры. Основная функция данного символического образа – это быть охранником жилища, прогнать злых духов и заманивать добрых. Кроме этого брачная мужская символика образа петуха в экспрессивной лексике славянских народов подчеркивала сексуальную озабоченность, мощь и силу; его образ связывали также с обрядовой сферой молодежных собраний: вечерниц, досвиток и подночевок [10, с. 89].

Сокол имеет сложную полисемантическую символику. К XIX веку наиболее распространенной была свадебная функция (сокол выбирает суженую среди водоплавающих). Данная птица символизирует представителя возрастной организации «молодцев», то есть, парней и молодых женатых мужчин. Основные черты сокола – это залетность, чужесть, а также таинственность происхождения, склонность к насилию [10, с. 91]. По мнению М.А. Рыбловой, образы орла и сокола соотносятся между собой, так как в народной поэзии сокол-орел – это, как бы одна двойственная птица. Хотя по наблюдению лингвиста, между этими двумя образами существуют и отличия: орел «заключает в себе более суровости и мрачности» [10, с. 94].

При толковании орнитоморфных символов необходимо обязательно учитывать контекст, так как они могут толковаться по-разному.

Необрядовый лирический фольклор, в том числе и фразеологизмы, выполняют иные функции, преимущественно – художественную и психологическую, ведь «их основное предназначение заключается в выражении определенного отношения к фактам и явлениям бытовой и общественной жизни народа, в показе богатства народных мыслей, чувств и переживаний» [8, с. 16].

Таким образом, если подмеченное языковой личностью сходство между поведением или внешним обликом птицы и человека выразительно и является универсальным в смысловом отношении, то его можно назвать метафорической моделью или метафорической проекцией, поэтому у нее есть шанс закрепиться в узусе, а затем кодифицироваться в словаре, поэтому, выражая незримые сущности через зримые данности, люди постепенно окружают себя призраками именно таких, а не иных представителей фауны, флоры и бытийно-предметного континуума [8, с. 18].

Духовная жизнь народа протекает в сфере разнообразных ассоциаций, а также в общепризнанных в данной лингвокультуре номинантах. Носители языка обычно не понимают, почему их спрашивают, что за человек такой, например, журавль, колибри, петух или кондор, ведь тут и так всё понятно. В дальнейшем слова-метафоры обрастают морфологическими дериватами и задают определенный шаблон восприятия, трактовки и оязыкования новых понятий, явлений и субъектов, при этом порождая уникальные идиоматические смыслы.

Итак, раскрытие содержания символов слов-орнитонимов убеждает нас в том, что подавляющее их большинство не связано с выражением религиозных представлений, но – с обычной жизнью народа. Перспективы дальнейших исследований мы видим в сравнительном изучении слов-орнитонимов в русском и английском языках.

Список литературы

1. **Берегова О.В.** Символы славян / О.В. Берегова. – СПб, изд-во «Диля», 2008. – 432 с.
2. **Голев Н.Д.** «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами / Н.Д. Голев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z64.html>, свободный. (Дата обращения: 15.04.2017 г.).
3. **Гладких Ю.Г.** Этнопоэтика художественного и фольклорного текста: учеб. пособие / Ю.Г. Гладких, Е.М. Гордеева, И.А. Подюков; ПГГПУ. – Пермь, 2013. – 91 с.
4. **Гусев Л.Ю.** Орнитонимы в фольклорном тексте / Л.Ю. Гусев. – Курск, 1996. – 20 с.
5. **Иванов В.В., Топоров В.Н.** Славянская мифология / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Мифы народов мира. В 2 т. : Т. 2. – М. : Искусство, 1980. – С. 450 – 456.
6. **Копалинский В.** Словарь символов / В. Копалинский. – Калининград, 2002. – 263 с.
7. **Костина Н.Ю.** Названия птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Ю. Костина. – Орел, 2004. – 31 с.
8. **Кутьева Н.В.** Национально-культурная специфика переносных значений орнитонимов в русском и испанском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.В. Кутьева. – М., 2009. – 23 с.
9. **Лысова Е.В.** Орнитонимия русского севера: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Лысова. – Екатеринбург, 2002. – 19 с.
10. **Рыблова М.А.** «Взвейтесь, соколы, орлами»: орнитоморфная символика в восточнославянской воинской традиции / М.А. Рыблова // Этнографическое обозрение. – 2007. – №2. – С. 86–106.

**Novikova A.A.,
Martynyuk L.I.**

Semantic Features of Words-Ornithonyms in Russian

The article discusses the semantic features of words-ornithonyms in the Russian language as nominative units that serve to highlight, individualize and identify a certain bird among other birds. The authors distinguish two periods in the formation of symbolic images of birds: pagan and christian. The meaning of an ornithonym as the structure element of a sign situation provides an associative relationship between the expression plane of a lexical unit and its name, concept.

Key words: *ornithonym, words-ornithonyms, cultural code, nomination.*

УДК 811.111'253'373.23

Сухаревская Дарья Александровна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dashas332@gmail.com

Махтеева Елена Николаевна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
bisilla40@gmail.com

Антропонимика в закадровом переводе: транскрипция или транслитерация (на материале сериала «Портал юрского периода»)

Статья посвящена анализу антропонимов в закадровом переводе, а также выяснению частотности использования транскрипции и транслитерации при переводе данного вида имен собственных и возможных других способов их перевода на русский язык на примере закадрового британского научно-фантастического телесериала «Портал юрского периода» («Primeval»). В свою очередь, антропонимы делятся на реалионимы и мифонимы.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, закадровый перевод, оним, имя собственное, антропоним, реалионим, мифоним.

В настоящее время одним из самых популярных переводов является аудиовизуальный перевод. Перевод данного вида считается еще малоизученным, хотя, по словам А.В. Козуляева, с недавнего времени это уже не разновидность теории перевода, а отдельная область. Исследователь полагает, что аудиовизуальный перевод стал самостоятельной отраслью переводоведения благодаря следующим факторам:

- это перевод с внеязыковыми ограничениями;
- он пестрит многообразием значений выражений и множеством смыслов, которые могут быть скрыты в той или иной фразе;
- в этой области переводоведения требуются знания различных стратегий анализа и синтеза семантики текста [5].

Считается, что следует выделять два направления в аудиовизуальном переводе: киноперевод – письменный перевод текстов для фильмов, телесериалов и т.п. с последующим после этого озвучиванием или субтитрованием, а также телеперевод – устный, зачастую, синхронный перевод на телевидении, а сам киноперевод, в свою очередь, делится на субтитрование, дублирование и закадровый перевод.

Закадровый перевод – вид аудиовизуального перевода, при котором приглушается оригинальная звуковая дорожка и на нее же накладывается озвучивание на языке перевода. По причине того, что вышеуказанный вид перевода

аудиальный, ему полагается согласовываться с живой человеческой речью, а не с художественным текстом, поэтому нужно использовать естественную речь и убирать многосложные конструкции, термины, но при работе с документальным фильмом подобные действия невозможны [1].

Что касается недостатков псевдодубляжа, то к ним можно отнести трудность концентрации на одном языке, ведь язык оригинала, хоть и приглушен, но всё же может отвлекать зрителя от просмотра картины. При закадровом переводе остается оригинальная звуковая дорожка, поэтому мы не можем услышать эмоции в голосе человека, озвучивающего текст перевода. Зрителям тяжело воспринимать такой перевод, ведь им приходится слушать сразу два языка и два голоса, одновременно, сопровождающие весь фильм [6].

Так же к свойствам «закадра» относится трудность перевода прямой речи, идиом и юмора. С целью правильного и качественного перевода художественных кинофильмов, прежде всего, требуется безупречно знать родной язык. Необходимо ориентироваться на культурный уровень разговаривающего, возрастные данные; значение сказанных фраз и образность слога у всех народов разнятся, по этой причине от переводчика зависит, способен ли он перевести правильно комическую ситуацию или нет, а также донести до слушателя точность сказанного в оригинальном тексте [20, с. 144; 15].

Другой характерной чертой полудубляжа является то, что переводчику приходится воспринимать текст в письменном виде, а после ему нужно прибегнуть к стратегиям устного перевода кинофильма, ведь полагается, что следствием его перевода должен оказаться озвученный текст. Вдобавок, существуют некие ограничения при отборе переводческих стратегий из-за визуального компонента кинотекста [14].

Основной сложностью в указанном виде перевода является его адаптация, то есть, должен соблюдаться хронометраж, доступное содержание монтажных листов для актера озвучивания, который будет первый раз видеть текст, когда придет уже на запись. Так же, не нужно записывать междометия и даже необязательно тщательно следить за орфографией. Но при этом необходимо сосредоточиться на правильной расстановке ударений, выговоре онимов, длительности высказываний и паузах речи. Некоторые кинопереводчики именуют это укладкой и антиукладкой, сокращением и растягиванием текста. Периодически в этом случае используют ускорение или замедление темпа речи, но на самом деле темп требуется оставлять ровным. С текстом единственная возможность поэкспериментировать – убрать повтор или что-то добавить, но и в этом случае необходимо ориентироваться на визуальный ряд или же могут возникнуть нелепые ошибки [1].

Этапы закадрового перевода, которые выделяет М.В. Савко:

- 1) детекция (обнаружение свойств речи и шумовых эффектов оригинальной звуковой дорожки);
- 2) художественный перевод кинодиалогов;
- 3) синхронизация;
- 4) озвучка [9, с. 356].

Таким образом, проблемами закадрового перевода являются сложность перевода шуток, идиом и прямой речи, ограничение при выборе переводче-

ских стратегий, необходимость восприятия текста фильма переводчиком в письменной форме и использование стратегий устного перевода фильма после этого; но основной сложностью является его адаптация, которую переводчики достигают на этапах работы с закадровым переводом фильма.

Изучением аудиовизуального перевода занимались такие исследователи, как М.Ю. Бродский, А.В. Козуляев, К.Е. Костров, М.В. Савко, С.В. Суслова, Е.А. Филатова и другие.

Цель статьи – исследовать антропонику в закадровом переводе сериала «Портал юрского периода».

Для этого нам необходимо рассмотреть имена собственные, которые реализуют функцию индивидуализирующей номинации, подразделяемой на прямую (первичную) и переносную (вторичную) номинативные функции. В первичной номинативной функции он употребляется для индивидуализации предмета, а во вторичной номинативной функции он используется для того, чтобы перенести характеристики одного объекта на другой [3; 9].

Функцией ономастики является выявление с помощью ономастических исследований путей миграций и мест расселения народностей, языковые и культурные связи, языки древних людей и соотнесение их диалектов [8]. В свою очередь имена собственные в ономастике подразделяются на две группы – реалионимы, представляющие собой предметы, существующие и существовавшие и мифонимы – имена, названия вымышленных живых существ и предметов [4]. Считается, что самыми используемыми переводческими приемами имен собственных являются транскрипция и транслитерация, а вторичными – калькирование и транспозиция.

В нашей статье мы будем рассматривать антропонимы, а также частоту использования нижеприведенных переводческих трансформаций, опираясь на классификацию В.Н. Комиссарова на примере закадрового перевода британского научно-фантастического сериала создателей Эдриана Ходжеса и Тима Хейнса «Портал юрского периода» («Primeval»), который транслировался в 2007 – 2011 гг. Мы решили разобрать вышеуказанный сериал, поскольку в нем обнаружено обширное число примеров имен собственных, в том числе антропонимов, что дает нам возможность применить сопоставительный анализ различных способов перевода онимов [2].

К реалионимам, переведенным с помощью транслитерации, относятся такие антропонимы как: *Darwin*, *Frank Sinatra*, *Nelson Mandela*, *Einstein*, *Seth Rogen*. Их транскрипцией являются: [ˈdɑːwɪn], [fræŋk sɪˈnɑːtrə], [ˈnɛls(ə)n mænˈdɛlə], [ɑːnstɑːn], [sɛθ roʊɡən], а переводом в сериале соответственно: «Дарвин», «Фрэнк Синатра», «Нельсон Мандела», «Эйнштейн» и «Сет Роген» [7; 10; 11].

Транскрипцией переведены такие имена собственные, как: *Galileo* [ˌɡælɪˈleɪʊ], переведенное как «Галилей», и *Zuo Zhuan*, переведенное как «Чжоу Чжуан», что с точки зрения официальной фонемной транскрипции китайской письменности кириллицей неправильно, в связи с тем, что имя *Zuo Zhuan* на русский должно переводиться как «Цзо Чжуань» [7; 13].

Такой оним как *Rameses the second* переводчики решили подвергнуть смешанному переводу (транслитерация + калькирование) по причине того,

что невозможно перевести такое словосочетание с помощью лишь одного переводческого приема. Транскрипцией указанного ранее имени существительного является [ˈɡamisɪːz], а переводом «*Рамзес второй*» [7].

К антропонимам-мифонимам относятся имена вымышленных персонажей сериала и других вселенных. С помощью транскрипции были пофонемно переведены такие они́мы, как: *Allison* [ˈælɪsən] (также допустим перевод с помощью транслитерации «*Алиссон*»), *Diane Johnson* [daɪˈæn ˈdʒɒnsən], *James Bond* [dʒeɪmz bɒnd], *Peter Campbell* [ˈpiːtə kæmbl] (в случае с историческими личностями, либо же намеренном переводе иностранного имени на русский язык, подошёл бы соответствующий аналог «*Петр*», который представляет собой такую переводческую трансформацию, как транспозиция), *Dave* [deɪv], *Steve* [stiːv], *Jake* [dʒeɪk], *Lorraine* [ləˈreɪn], *Abby Maitland* [ˈæbi ˈmeɪtlænd] (другим вариантов может быть транслитерация имени «*Аббу*»), *Christine Johnson* [krɪˈstiːn ˈdʒɒnsən], *Claire* [ˈkleər], *Ryan Mason* [ˈraɪən ˈmeɪsən], *Mick* [mɪk], *Katherine* [ˈkæθrɪn] (транспозиция – «*Катерина*» или «*Екатерина*»), *Stanley* [ˈstænli], *Jack* [dʒæk], *Danny Quinn* [ˈdæni kwɪn], *Lloyd* [ˈlɔɪd], *Wilder* [ˈwɪldə] (могла быть более точная трансформация данной фамилии с помощью транскрипции – «*Уайлдер*»), *Jen* [dʒen], *Brian* [ˈbraɪən], *Elizabeth Langley* [əˈlɪzəbəθ ˈlæŋɡli] (транспозиция имени персонажа – «*Елизавета*»), *Jackie* [ˈdʒæki], *Joe* [dʒəʊ] (возможна полная транскрипция имени – «*Джоу*»), *Barbie* [ˈbɑːbi], *Philip Burton* [ˈfɪlɪp ˈbɜːtən], *Matthew* [ˈmæθjuː], *George* [dʒɔːdʒ] (при переводе имени исторической личности возможна транспозиция – «*Георг*»), *Charlotte Cameron* [ˈʃɑːlət ˈkæmərən], *Connor Temple* [ˈkɒnə ˈtempəl], *Shelley* [ˈʃeli], *Warren* [ˈwɔːrən], *Charlie* [ˈʃɑːli], *Lucien Hope* [ˈluːsjən həʊp], *Taylor Praed* [ˈteɪləɹ ˈpreɪd], *Luke Skywalker* [luːk ˈskɑɪwɔːkə].

Их переводом соответственно будут такие слова и словосочетания, как «*Эллисон*», «*Дайан Джонсон*», «*Джеймс Бонд*», «*Питер Кембел*», «*Дэйв*», «*Стив*», «*Джейк*», «*Лоррейн*», «*Эбби Мэйтлэнд*», «*Кристин Джонсон*», «*Клэр*», «*Райан Мэйсон*», «*Мик*», «*Кэтрин*», «*Стэнли*», «*Джек*», «*Дэнни Куинн*», «*Ллойд*», «*Уайлдар*», «*Джен*», «*Брайан*», «*Элизабет Лэнгли*», «*Джэки*», «*Джо*», «*Барби*», «*Филипп Бёртон*», «*Мэттью*», «*Джордж*», «*Шарлотта Кеммерон*», «*Конор Темпл*», «*Шелли*», «*Уоррен*», «*Чарли*», «*Люсьен Хоуп*», «*Тейлор Прэйд*», «*Люк Скайуокер*». Некоторые из них были уподоблены русскому языку, в связи с тем, что женские русские имена обычно имеют окончания -а, -я, а не нулевое как в случае с именем *Charlotte*, или же в конце добавлена буква -р, что также связано с уподоблением иностранных имен и фамилий для русского зрителя как в последнем, нами указанном словосочетании [7; 10; 11].

Транслитерацией воспользовались при переводе таких имен собственных, как: *Nick Cutter* [nɪk ˈkʌtə], *Tim Parker* [tɪm ˈpɑːkə], *Trent* [trent], *Conn* [kɒn], *Duncan* [ˈdʌŋkən], *Gerry Anderson* [ˈdʒeri ˈændəsən] (возможен такой перевод имен персонажей, как «*Данкан*» и «*Джерри*» с помощью транскрипции), *Davis* [ˈdeɪvɪs], *Tom* [tɒm], *Han Solo* [hɑːn ˈsəʊləʊ], *Jeff* [dʒef], *Terry* [ˈteri], *Nagata* [ˈnægətə], *Kenny* [ˈkeni], *Cruella De Vil* [kruːˈelə diː vɪl], *Ed* [ed], *Dina* [ˈdiːnə], *Mark Becker* [mɑːk ˈbeke], *David Lodge* [ˈdeɪvɪd lɒdʒ], *Tony* [ˈtəʊni], *Abigail* [ˈæbɪgeɪl] (более подходящим переводом этого имени был бы «*Эббигейл*»; его можно достичь, применив транскрипцию), *Indiana Jones* [ˌɪndiˈænə dʒəʊnz], *Emily Merchant* [ˈemɪli ˈmɜːʃənt],

Beth [beθ] (еще одним вариантом перевода данного имени существительного могла бы стать его полная транскрипция «Бесс»), *Darren* [ˈdɔːrɪn], *Richard Bentley* [ˈrɪtʃəd ˈbentli], *Mitchell* [ˈmɪtʃəl], *Jessica* [ˈdʒesɪkə], *William de Mornay* [ˈwɪljəm di ˈmɔːneɪ], *Oliver Leek* [ˈɒlɪvə li:k], *Marion* [ˈmæriən], *Lancelot* [ˈlɑːnsəlɒt]. Вышеперечисленные имена собственные имеют следующий перевод: «Ник Каммер», «Тим Пракер», «Трэнт», «Конн», «Дункан», «Гэрри Андерсон», «Дэвис», «Том», «Хан Соло», «Джефф», «Тэрри», «Нагата», «Кэнни», «Круэлла дэ Вил», «Эд», «Дина», «Марк Бекер», «Дэвид Лодж», «Тони», «Абигайль», «Индиана Джонс», «Эмили Мерчент», «Бет», «Даррен», «Ричард Бэнтли», «Митчелл», «Джессика», «Уильям де Морней», «Оливер Лук», «Марион», «Ланселот» [7; 10; 11].

Смешанный перевод применялся в таких случаях, как: *Stephen Hart* [ˈstiːvən ha:t], *Helen Cutter* [ˈhelən ˈkʌtə], *James Lester* [dʒeɪmz ˈlestə], *Matt Anderson* [mæt ˈændəsən], *Valerie Irwin* [ˈvæləri ˈɜːvɪŋ], *John Morton* [dʒɒn mɔːtən], *Anthony Barton* [ˈæntəni ˈbɑːtən], где имена персонажей сериала переводятся с помощью транскрипции, а фамилии – с помощью транслитерации; было употребление транслитерации при переводе имен и транскрипции – при переводе фамилий таких персонажей, как *Claudia Brown* [ˈklɔːdʒə braʊn] и *Sarah Page* [ˈseərə peɪdʒ]; словосочетания *Chuckle Brothers* [ˈtʃʌkl ˈbrʌðəz] и *Doctor Dolittle* [ˈdɒktə ˈduːlɪtl], которые являются персонажами из других фильмов, подверглись смешанному переводу с помощью транскрипции и калькирования в первом случае и транслитерации и транскрипции – во втором. «Стивен Харт», «Хелен Картер», «Джеймс Лестер», «Мэтт Андерсон», «Велери Ирвин», «Джон Мортон», «Энтони Бартон», «Клаудия Браун», «Сара Пэйдж», «Братья Чакл», «Доктор Дулиттл» – это соответствующие переводы вышеупомянутых антропонимов [7; 10; 11].

Также был случай употребления такого переводческого приема, как калькирование. Переводом словосочетания *Sleeping Beauty* является «Спящая красавица» – персонаж известной детской сказки и по этой причине является мифонимом.

Результатом нашего исследования стали следующие цифры.

Всего нами было отобрано 86 единиц онимов из сериала «Портал юрского периода», являющихся антропонимами. Только 8 из них оказались реалионимами, а остальные 78 – мифонимами, что в процентном соотношении соответственно 9% и 91%.

Нами было установлено, что чаще всего при переводе антропонимов применяются транскрипция и транслитерация, как нами и было сказано раньше. Также были случаи применения смешанного перевода в различных вариациях, основными из которых были всё те же транскрипция и транслитерация. Вдобавок, был найден один случай использования калькирования. Всего было зафиксировано 86 случаев применения этих способов перевода. В процентном соотношении это выглядит так: транскрипция – 43%, транслитерация – 42%, смешанный перевод – 14% и калькирование – 1%.

Итак, итогами нашего исследования является тот факт, что при переводе антропонимов в сериале «Портал юрского периода» транслитерация и транскрипция применяются в равной степени, хотя и допустимы вариации других способов перевода. В данном случае, это смешанный перевод и калькирование. Транспозиции же нами выявлено не было, поскольку в этом сериале не

встречались имена исторических личностей, которые можно было бы перевести этим способом, но нами были даны возможные варианты перевода с помощью этой переводческой трансформации на примере некоторых имен, не относящихся к истории.

Поскольку же этот сериал не основан на реальных событиях, то и имена в нем используются чаще всего выдуманные, а не настоящие, что показано в нашем анализе выше. Перспективу дальнейших исследований мы видим не только в изучении антропонимов в закадровом переводе, но и всех онимов в различных современных сериалах.

Список литературы

1. **Виды кинематографического перевода** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studbooks.net/2592801/literatura/vidy_kinematograficheskogo_perevoda, свободный. (Дата обращения: 07. 03. 2021 г.).
2. **Виды переводческих трансформаций** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://poisk-ru.ru/s45039t1.html>, свободный. (Дата обращения: 07.03.2021 г.).
3. **Ермолович Д.И.** Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи / Д.И. Ермолович // М. : Р. Валент. – 2005. – 416 с.
4. **Имена собственные в ранних повестях и рассказах В.И. Белова** в контексте лингвистического комментирования текста художественного произведения в школе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirrorref.ru/ref_rnabewjgemerjge.html, свободный. (Дата обращения: 07.03.2021 г.).
5. **Козуляев А.В.** Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности. Обучение данному виду перевода / А.В. Козуляев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian-translators.ru/about/editorial/audiovizualnyyperevod/>, свободный. (Дата обращения: 07.03.2021 г.).
6. **Костров К.Е.** Аудиовизуальный перевод: проблемы качества / К.Е. Костров // Вестник ВолГУ. Серия 9. Лингвистика, лингводидактика и переводоведение. – 2015. – №13. – С. 142–146.
7. **Образовательный сайт, для изучающих английский язык** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://envoc.ru/>, свободный. (Дата обращения: 07. 03. 2021 г.).
8. **Ономастика** [Электронный ресурс] / Википедия. Свободная энциклопедия – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ономастика>, свободный. (Дата обращения: 07.03.2021 г.).
9. **Савко М.В.** Аудиовизуальный перевод в Беларуси / М.В. Савко // Мова і культура. – 2011. – №14 – С. 353–357.
10. **Сервисы и материалы для изучающих английский язык** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://myefe.ru/>, свободный. (Дата обращения: 07.03.2021 г.).
11. **Словарь Abby Lingvo** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvo.ua/ru>, свободный. (Дата обращения: 07.03.2021 г.).
12. **Субтитры, закадровый перевод или дублирование?** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://озвучить.рф/blog/studijnoe/subtitry->

zakadrovuj-perevod-ili-dublirovanie#.WGjotClvUjJ, свободный. (Дата обращения: 07. 03. 2021 г.).

13. **Транслитерация китайских имен собственных** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kiev-bridge.com.ua/blog/chinesenames-transliteration.html>, свободный. (Дата обращения: 07. 03. 2021 г.).
14. **Филатова Е.А.** Переводческие стратегии при закадровом переводе / Е.А. Филатова. – М. : МАКС Пресс, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ua/?url=http%3A%2F%2Fyoungresearchersjournal.org%2Fwp-content%2Fuploads%2F2014%2F08%2Ffilatova-vo.doc&name=filatova-vo.doc&lang=ru&c=5868c9fe8999>, свободный. (Дата обращения: 07. 03. 2021 г.).
15. **Voice-Over Translation** [Электронный ресурс] / Wikipedia. The Free Encyclopedia. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Voice-over_translation, свободный. (Дата обращения: 07. 03. 2021 г.).

**Sukharevskaya D.A.,
Mahteeva E.N.**

Anthroponimics in Voice-Over Translation: Transcription or Transliteration (based on Serial «Primeval»)

The article is devoted to the analyse of anthroponyms in voice-over translation and finding out of frequency usage of transcription and translation while translating a particular kind of proper names and other possible ways of their translation into Russian on the example of British sci-fi TV serial «Primeval». Also, anthroponyms are distinguished into realionyms and mythonyms.

Key words: audiovisual translation, voice-over translation, onym, proper name, anthroponym, realionym, mythonym.

УДК 811'25:93-021.321

Харченко Лариса Ивановна,
канд. пед. наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
larissa7474@yandex.ru

Некрутенко Елена Борисовна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
elena.summerhill@yandex.ua

Специфика перевода текстов исторической направленности

Статья посвящена специфике перевода исторических текстов. Показаны трудности, возникающие при переводе данных текстов. Рассмотрены отличительные характеристики, возникающие при переводе исторического текста. Дан анализ переводческих стратегий и переводческих приемов, используемых при переводе. Проанализированы характерные отличия художественного текста и исторического, как разновидности научно-популярного текста.

Ключевые слова: перевод, специфика перевода, переводческие приемы, исторический текст.

С древнейших времен и до наших дней происходит активное развитие международных контактов между государствами, что определяет интерес к изучению культуры и истории этих стран. Без знания особенностей культуры людей, живущих в разных государствах, сближение стран было бы невозможным. Исторические произведения раскрывают идеологию, быт, обычаи, общественную деятельность, эпоху в целом, а также способствуют приобщению к изучению истории. Тексты исторической направленности на протяжении многих веков являются популярными среди различных писателей, поэтому цель нашей статьи – изучить специфику перевода текстов исторической направленности.

Данная тема является актуальной в связи с востребованностью переводчиков текстов исторической тематики. С древнейших времен появился спрос на переводы летописей, свитков, книг и других литературных источников. Благодаря переводчикам обычные люди, не знающие иностранных языков, смогли получить доступ к текстам, написанным на языке оригинала, познакомиться с традициями и обычаями других народов. Перевод исторических источников не только связан с хорошим знанием иностранных языков, но и предполагает соприкосновение двух культур и двух языков; он помогает взглянуть на духовные ценности того или иного народа [6].

На современном этапе сохраняется схожая ситуация, только все большей популярностью пользуется научно-популярный жанр исторической направленности. Следует отметить, что перевод исторических источников представляет собой разновидность перевода, а также вид научной деятельности, результатом которого является создание нового по отношению к оригиналу текста, передающего содержание источника. Очевидно, что только комплексный подход, учитывающий исторический, философский, лингвистический, культурологический и другие аспекты, может обеспечить эффективность перевода [2].

Практика перевода исторического текста находится в сфере деятельности переводчика и историка. Однако, переводчик специально не изучает исторические дисциплины в своей профессиональной деятельности, а историк, соответственно, не обладает знанием в области теории и практики перевода. Адекватный перевод текста исторической направленности может быть выполнен на высоком уровне благодаря знанию истории соответствующего периода и государства, а также навыков и умений переводческой деятельности. Историк, как и писатель, описывает события прошлого, но эта научная реконструкция исторической эпохи отличается от художественного произведения. Писатель, используя исторические факты, всегда идет по пути своего творческого вымысла, а историк опирается только на исторически обоснованные факты. Информативный исторический текст не содержит художественного вымысла и таким образом представляет собой важный источник получения знаний и изучения исторического прошлого [4, с. 203–204].

Задача переводчика заключается в том, чтобы разобраться в культурном фоне языка источника и реализовать свой определенный способ передачи стремлений автора. Искусство перевода и состоит в том, чтобы максимально точно сблизить два языка и две различные культуры. При этом переводчику необходимо передать полный объем содержания текста при сохранении исторической достоверности и стилистического своеобразия. Текст оригинала и текст перевода должен восприниматься читателями как стандарт и, напротив, авторское в языке оригинала должно иметь аналог авторского в языке перевода [8].

Эта задача обычно выполняется в следующих направлениях: а) воссоздание реальной действительности «чужой» среды; б) пересмотр фактов данной действительности и описание их средствами, которые удовлетворяют восприятие иноязычного реципиента [3, с. 311–312].

Перевод исторических текстов, также, как и перевод художественной литературы, имеет одну главную трудность – в точности передать стилистические особенности оригинала посредством живого, естественного языка. Эта задача является довольно сложной, поскольку ее выполнение требует большого опыта переводческой деятельности и высокого профессионализма.

Переводчики текстов исторической направленности часто стараются более точно придерживаться текста оригинала, тем самым они избегают субъективности. Из-за этого они вынуждены искусственно расширять границы целевого языка. Однако переводчик порой заимствует отдельные слова или фразеологизмы для того, чтобы ярче и точнее передать «местный национальный и исторический колорит» [6].

В последние десятилетия среди лингвистов появилось много сторонников так называемого «непрозрачного перевода», среди них – Антуан Берман (французский переводчик, историк и теоретик перевода), Лоренс Венути (американский переводчик, крупнейший теоретик и историк перевода) и др., которые предлагали переводчикам применять не «доместицирующие», а «форенизирующие» стратегии, т.е. не переводить идиомы, устаревшие слова и др., а, напротив, пытаться передавать их как можно ближе к оригиналу.

Порой переводчики прибегают к методу обратного перевода. Это происходит в том случае, если оригинал исторического документа утерян, а данный текст сохранился только в переводе. Таким же образом поступают и историки, если они сомневаются, что текст на самом деле представляет собой перевод с другого языка [1, с. 68–70].

Важным приемом при переводе текстов исторической направленности является историческая стилизация. Данный термин представляет собой последовательное, сознательное проведение автором характерных особенностей стиля, которые являются типичными для определенной эпохи, а также передача этих особенностей в переводе.

Историческая стилизация является важным приемом при переводе в том случае, если время написания оригинала в значительной степени дистанцировано от времени создания перевода. Лингвисты выделяют два вида перевода: а) диахронный художественный перевод (выполнен намного позже появления подлинника) и синхронный художественный перевод (выполнен в период создания оригинала, когда авторы являются современниками) [4, с. 206–207].

Переводчик в своей работе сталкивается с ситуациями, когда возникает необходимость исторической стилизации, а именно: а) время написания исторического текста значительно отдалено от времени создания перевода; б) автор подлинника сознательно использует прием исторической стилизации и выполняет перевод в период, который близок современному переводчику; в) автор оригинала сознательно прибегает к данному приему, но время создания оригинала значительно отстоит от времени выполнения перевода.

Переводчик обычно использует различные переводческие стратегии в вышеуказанных ситуациях. Он может прибегнуть к историзации, тем самым приблизить время исторического текста, например, использовать архаизмы или модернизировать данный текст, то есть отдалить время источника. Наиболее приемлемым выбором стратегии перевода текста исторической направленности станет смешение двух типов [5, с. 25–27].

Лингвист Б. Хохел в работе «Время и пространство в переводе» пишет, что пространственно-временная дистанция, отделяющая оригинал и перевод, несомненно влечет за собой культурные сдвиги, которые следует учитывать при создании текста перевода, адекватного тексту оригинала. Поэтому, теоретики и практики перевода считают, что при переводе на русский язык текстов, написанных несколько столетий назад, описание исторического колорита проводилось языковыми средствами, характерными для более поздних периодов [7, с. 158–170].

Переводчик в своей работе должен ориентироваться на явления языка, которые остаются постоянными на протяжении веков. Национальный и исто-

рический колорит эпохи создается умелым использованием всех средств стилизации, а не с помощью малопонятных, устаревших слов или вообще совершенно непонятных читателю.

Переводы, выполненные известными советскими и российскими переводчиками, позволяют нам увидеть, какие из принципов, которые были описаны теоретиками перевода, успешно применяются на практике. Так, переводы известного советского переводчика Н.М. Любимова знакомят с произведениями далеких эпох. Они написаны в основном современным языком, но читатель сразу замечает временную дистанцию, которая отделяет его от времени написания книги. Переводчик добивается этого определенными приемами. Во-первых, в его переводах практически отсутствуют модернизмы, и он использует лексические анахронизмы, которые понятны читателю. Он придает большое значение ориентации на русское литературное наследие. Во-вторых, Н.М. Любимов добивается ощущения временной отдаленности при помощи грамматических средств стилизации. В-третьих, он использует архаичные синтаксические средства: отглагольные существительные, которые в современном языке практически не употребляются; порядок слов, который был характерен для сказа; рамочную конструкцию (порядок слов, заимствованный из немецкого языка, и был типичным для послепетровских времен); большое количество причастных оборотов и др. [5, с. 26–28].

Исторический текст имеет ряд отличительных характеристик, что создает определенную сложность при переводе, поэтому переводчик не всегда использует стандартные правила перевода. Например, имена собственные обычно переводят путем транскрипции. При переводе названий исторических событий и географических названий переводчику необходимо выяснить, о каком именно месте или историческом факте идет речь в тексте, поскольку очень часто они были известны под разными названиями. Многие географические объекты получали новые имена или им возвращали старые названия при смене идеологий или правящих режимов (например, Ленинград – Санкт-Петербург). Иногда в текстах географические названия, исторические события или имена собственные могут употребляться иносказательно, как метафоры, метонимии и др., например «В Берлине считали ...» – «При дворе Прусского короля считали ...». При переводе следует подобрать аналогию или эквивалент в своем языке или сделать объяснительный перевод [2].

Таким образом, благодаря переводчикам люди получили доступ к новым знаниям. Главной целью работы над текстами исторической направленности, как вида творческой и научной деятельности, является постижение и изучение другого языка и культуры. При переводе исторических текстов важным является выбор переводческих стратегий и переводческих приемов.

Список литературы

1. **Габунина З.М.** Культурологический аспект перевода художественного исторического текста / З.М. Габунина // Сопоставительная филология и полилингвизм. – Казань : Тирадо, 2003. – С. 67–71.
2. **Кноль М.В.** Особенности перевода исторического текста / М.В. Кноль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/1_

- NNM_2015/Pedagogica/5_185386.doc.htm, свободный. (Дата обращения: 13.02.2021 г.).
3. **Козлова В.Г.** Грамматические особенности перевода текстов исторической направленности / В.Г. Козлова // Молодой ученый. – 2019. – №16 (254). – С. 310–313. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/254/58170/>, свободный. (Дата обращения 07.02.2021 г.).
 4. **Комлева Ю.Е.** Проблемы и методы исторического перевода / Ю.Е. Комлева // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. – 2008. – № 5. – С. 202–212.
 5. **Мешалкина Е.Н.** Историческая стилизация в понимании теоретиков и практиков перевода. К постановке проблемы / Е.Н. Мешалкина [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 488. – 2004. – С. 23–28. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ua/view/03D&lang=ru>, свободный. (Дата обращения: 13.02.2021 г.).
 6. **Миньяр-Белоручева А.П.** Особенности перевода исторических терминов / А.П. Миньяр-Белоручева, М.Е. Покровская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-istoricheskikh-terminov>, свободный. (Дата обращения: 13.02.2021 г.).
 7. **Хохел Б.** Время и пространство в переводе / Б. Хохел // Поэтика перевода. – М. : Радуга, 1988. – С. 152–171.
 8. **Чепель Н.П.** Прагматические аспекты перевода исторических реалий с русского языка на английский язык: авторефер. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.П. Чепель. – М., 2005. – 24 с.

**Kharchenko L.I.,
Nekrutenko E.B.**

Characteristic Aspects of Translation of Historical Texts

The article is devoted to characteristic aspects of the translation of historical texts. The difficulties encountered in translating of these texts are shown. The distinctive characteristics that arise when translating a historical text are considered. The analysis of translation strategies and translation techniques used in the translation is given. The characteristic differences between the literary and historical text as a variety of popular science text are analyzed.

Key words: translation, characteristic aspects, translation techniques, historical texts.

Чумак-Жунь Татьяна Владимировна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
chumak_tv04@mail.ru

Трансформационные приёмы при передаче имён собственных с английского языка на русский

В данной статье рассматриваются имена собственные как объект перевода. Представлены основные трансформационные приёмы, которыми пользуются переводчики при переводе имён собственных с английского языка на русский. Также проводится детальный анализ данных приёмов.

Ключевые слова: *имя собственное, перевод, переводчик, трансформация, транскрипция, транслитерация, калькирование.*

В наше время расширения межкультурных связей, а также стремительного развития общества и науки перевод оказывает важное влияние на все сферы человеческой деятельности. Тем самым данные причины создают условия для непрерывного обмена информацией, а вместе с этим возрастают и требования к качественному переводу. Ведь благодаря переводу жители одной страны получают знания о жизни, истории, быте, литературе других стран, а также знакомятся с достижениями других культур.

Одной из языковых универсалий являются имена собственные, к которым повышен научный интерес, обусловленный спецификой их образования и функционирования в языке. Имя собственное как явление языка, которое развивается по его законам и подвергается влиянию других языков, в первую очередь нуждается в изучении. Перевод имён собственных для любого переводчика является интересной, но в то же время тяжелой и ответственной работой, поэтому важно изучить все теоретические аспекты специфики трансформационных приемов при передаче имён собственных с английского языка на русский.

Целью данной статьи является подробное рассмотрение наиболее распространенных трансформационных приемов, которые переводчик может использовать при переводе англоязычных имён собственных, а также детальное рассмотрение и сравнение примеров и исключений.

Имена собственные привлекали внимание многих учёных, а именно: Л.А. Автеньевой, Л.С. Бархударова, А.В. Бока, В.В. Виноградова, С.И. Влахова, Д.И. Ермоловича, О.Н. Живоглядова, И.В. Корунец, М.П. Кочергана, Т.Р. Левицкой, А.А. Реформатского, А.И. Рыбакина, А.С. Сухановой, А.М. Фитермана, С.П. Флорина, Л.А. Черняховской и др., которые исследовали переводческие приёмы и тактики.

В первую очередь, перевод имён собственных ориентирован на достижение коммуникативной и функциональной эффективности. Данная группа лексики труднее всего поддается иноязычной трансформации, но, несмотря

на это, её эквивалентный перевод необходим и важен для того, чтобы достичь равноценной эффективности воздействия на читателя. При передаче имени собственного с одного языка на другой возможна потеря основной части свойства имени. Следовательно, если не учитывать все особенности (стилистические, этимологические), то имя собственное, которое предоставлено на другом языке, может затруднить восприятие.

Существует несколько способов перевода имён собственных и решить, каким именно пользоваться в конкретном случае, не всегда легко. Следовательно, выбор того или иного способа трансформации имён собственных, таких как – транскрипция, транслитерация или калькирование, которые сохранили определенную семантику, обусловлен традицией, на которую не могут не обращать внимания переводчики даже в тех случаях, когда они встречаются с вымышленными названиями или прозвищами. Но в любом случае именно переводчик принимает окончательное решение о том, какой способ перевода применить в соответствии с различными факторами.

«Транскрипция (буквально с лат. – переписывание) – это приём перевода лексической единицы оригинала путём воссоздания её звуковой формы с помощью букв языка перевода, когда «каждой фонеме исходного языка найдено соответствие в фонемном составе другого языка» [2, с. 202]. Однако существуют определенные трудности с транскрипцией имён собственных с английского языка: существуют значительные различия между английской орфографией и произношением; а также трудность из-за отсутствия в русском языке фонем, которые существуют в английском языке, например, английские фонемы [θ] и [ð], представленные буквосочетанием «th», передаются на русский как «т» (*Agatha* – Агата, *Thorn* – Торн).

Транскрипция или транскрибирование заключается в фонетической передаче названий так, как они звучат на английском языке, другими словами, это передача английских звуков русскими буквами. Например: *George* – Джордж (а не Георг); *William Blake* – Уильям Блейк (а не Вильям или Вильгельм); *Newfoundland* – Ньюфаундленд (но никак не «Вновь найденная земля»); *Mayflower* – Мэйфлауэр (а не майский цветок); *New Press Quarterly* – НьюПрессКвотерли, *Wall Street* – Уолл Стрит.

Транскрибируют только те английские названия, в состав которых входят специфические гласные фонемы английского языка, образующиеся при помощи различных звуковых буквенных комбинаций [5, с. 106], например: «*Dogan Holding*» – «Доган Холдинг», «*Jumbo Electronics*» – «Джамбо Электроникс»; передача двойных согласных двойными – *Nikki Haley* – Никки Хейли; *Assad* – Ассад, *Shuttle* – Шаттл, *Bess* – Бесс.

При транскрибировании также уделяется внимание и орфографии. Примером могут стать такие случаи, когда некоторые согласные английского языка, которые не произносятся, в русском варианте все равно отражаются при их переводе с английского на русский язык: *Folkstone* – Фолькстон; *Malcolm* – Малькольм; *Palm* – Палм, а также сохраняется непронизносимое английское «г»: *Ford* – Форд, *Peter* – Питер, *Daily Worker* – Дейли Уоркер.

Прием транслитерации (дословно с латинского *trans litera* – через букву) заключается в замене английских букв русскими. Иначе говоря, транслите-

рация передаёт графическую форму английского слова на основе использования определённых буквенных соответствий английского и русского языков [3, с. 217]. Например: *Boston* – Бостон, *Arabella* – Арабелла, *Airbus Group* Эербас Групп, а вот звуковое воспроизведение может измениться в связи с попыткой переводящего языка навязать своё произношение, которое четко отвечает правилам чтения в языке перевода. В таком случае лучшим выходом будет передать исходное слово так, чтобы его звучание было наиболее близким к оригиналу.

Потребность в использовании транслитерации появилась в конце XIX в., именно в то время, когда создавались библиотеки, с целью сделать единый каталог работ, написанных на языках, которые базировались на кириллических, арабских, латинских и индийских системах письма. Сейчас правила транслитерации устанавливаются международным стандартом «ISO 9: 1995 Information and documentation – Transliteration of Cyrillic characters into Latin characters – Slavic and non-Slavic languages», который был принят Международной организацией стандартизации (International Organization for Standardization). Имя

Транслитерация, по определению С.В. Тюленева, – это «формальное воспроизведение начальной лексической единицы с помощью алфавита языка перевода; буквенная имитация формы исходного слова» [6, с. 176]. Например, название компании «Зеленая кульбаба» будет передаваться как «*Zelena kulbaba*», если конечно в уставе фирмы не указано название на иностранном языке.

Транслитерируются также хремотонимы, например: «*Earl Grey*» – «Эрл Грей», «*Astin Martin*» – «Астон-Мартин»; «*Audi*» – «Ауди»; «*Subaru*» – «Субару» и др., а также некоторые антропонимы, теонимы и топонимы, например: *Andorra* – Андорра; *Big Ben* – Биг Бен; *Hotel Ritz* – Отель «Ритц».

На протяжении почти всей истории перевода транслитерация конкурировала с другим методом – транскрипцией. В последние десятилетия транслитерация уступила первенство транскрипции, но, несмотря на то, что метод транскрипции стал ведущим, некоторые элементы транслитерации сохраняются, в частности в письменном переводе [5, с. 106]. Так, при передаче английских имён с удвоенной согласной, этот элемент сохраняется и в русском языке: *Collins* – Коллинз, *Betty* – Бетти. Отсутствие в русском языке некоторых звуков английского языка также вынуждает переводчика применить транслитерацию: «*Morning Star*» – Морнинг Стар (газета).

Что касается названий предприятий, то они транскодируются. Иногда к названию добавляется общее существительное, которое может указывать на вид некоего предприятия: «*Dow Chemical*» – «(концерн) Доу Кемикал», «*Coca-Cola*» – «(компания) Кока-Кола». Если общий элемент входит в состав названия, тогда он остается без перевода: «*Sony Corporation*» – «Сони корпорейшн». Обычно, аббревиатуры в составе предприятий также транскрибируются: «*LG*» – «Эл Джи», «*CHC Ltd*» – «Си-Эйч-Си Лимитед».

При переводе названий организаций обычно используется прямой перевод, но иногда встречаются случаи транскодирования: «*Federal Bureau of Investigation*» – «Федеральное бюро расследований», «*Central Intelligence Agency*» – «Центральное разведывательное управление», «*Scotland Yard*» – «Скотланд Ярд» (а не Шотландский Двор).

К сожалению, в последнее время многие журналисты не утруждают себя, чтобы передать названия фирм, газет и т.д. на русский язык, в результате этого в русском тексте присутствуют английские названия, например: «*McDonald's*» вместо «Макдональдс», «*The Financial Times*» вместо «Файнэншел Таймс». Иногда встречаются случаи употребления сразу двух алфавитов: «Киностудия “XX век Fox”», «FM-станция».

Транспозиция – также один из распространённых способов передачи имён собственных. Транспозиция – использование одной языковой формы у функции другой формы – противоположной ей в парадигматическом ряде формы. В общем смысле, транспозиция – это перенос любой языковой формы, например, транспозиция времен (использование настоящего времени вместо прошлого или будущего) [4, с. 81]. Другими словами, **транспозиция** применяется, когда имена собственные имеют отличные формы в разных языках, но общую этимологию. Имена монархов, святых и религиозных деятелей и некоторые географические названия передаются традиционно при помощи транспозиции. Так, например, имя короля *James* передается не как Джеймс, а как Иаков, *John* – не как Джон, а как Иоанн, *Charles* – как Карл, Папа Римский «*John Paul*» на русском будет Иоанн Павел, а не Джон Пол, «*Edinburgh*» – Эдинбург.

Калькирование – переводческий приём, заключающийся в том, что составные части слова или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями языка перевода [2, с. 83]. Этот способ чаще всего применяется: 1) при передаче значения сложных слов и терминов словосочетаний, как: «*Westerner*» – «Западники», «*unitary board of directors*» – «унитарный совет директоров», «*out-of-the-box thinking*» – «креативное мышление»; 2) названий государственных учреждений, общественных организаций – «*National Commercial Bank*» – «Национальный коммерческий банк», «*Global Investment House*» – «Всемирный инвестиционный дом»; «*League of Nations*» – «Лига Наций»; названий художественных произведений: *The White Guard* – «Белая гвардия»; титулов: *First Duke of Lancaster* – первый герцог Ланкастерский [2, с. 84].

Однако недопустимым будет калькирование в случае перевода на русский язык названия известной международной компании «*PricewaterhouseCoopers*». Если использовать кальку, то перевод будет: «Цена водного дома Куперсов», который вызовет только недоумение, именно поэтому для передачи этого названия лучше употребить приём транскрипции.

Еще один вариант использования калькирования – при передаче «говорящих» имён и кличек. Как известно, подобные имена собственные помимо того, что они называют человека, также содержат некую его характеристику: «*The Boston Strangler*» – «Бостонский душитель», «*Jack Sparrow*» – «Джек Воробей». Но встречаются случаи, когда переводчики прибегают к смешанному способу передачи: «*Jack the Ripper*» – «Джек-Потрошитель» (Джек – транскрипция, Потрошитель – калькирование).

Для передачи топонимов, состоящих из двух и более слов, также переводчики используют **калькирование**, например, Красная площадь – *Red Square*, Белый дом – *White House*, Дикий Запад – *Wild West*, Трафальгарская площадь – *Trafalgar Square*. Отметим, что и ряд других географических назва-

ний передаётся при помощи калькирования: «*Great Slave Lake*» – «Большое Невольничье озеро»; «*Lake Superior*» – «Озеро Верхнее»; «*Pacific Ocean*» – Тихий океан; «*Gulf of Mexico*» – Мексиканский залив, «*Prince Edward Island*» – Остров Принца Эдуарда.

Но иногда встречаются случаи, когда при переводе топонимов приходится применять полукальку – слово, образованное путём буквального перевода части иноязычной языковой единицы, а дальше оставшаяся часть передаётся с помощью транскрипции или транслитерации. Полукалька – новые слова или словосочетания, состоящие в основном из своего собственного материала. В большинстве примеров это происходит, когда переводимый элемент выражен числительным, например, *Fifth Avenue* – Пятая авеню.

Если название состоит из двух элементов – имени нарицательного и имени собственного – в таком случае первый элемент иногда переводится, а второй транскрибируется: «*North Dakota*» – «Северная Дакота»; «*New Zealand*» – «Новая Зеландия» [1, с. 49]. При переводе с английского иноязычных названий (например, немецких, французских и др.) сохраняется устоявшаяся традиционная форма: *Mexico City* – Мехико; *Munich* – Мюнхен; *Venice* – Венеция; *Nice* – Ницца и т.д.

Итак, подводя итог нашего исследования, можем сказать, что основными и наиболее распространёнными трансформационными приёмами для воспроизведения авторской ономастики являются: переводческая транслитерация, транскрипция и калькирование. Также в некоторых случаях переводчики прибегают к использованию полукальки, транспозиции, прямого перевода. Все перечисленные приёмы помогают переводчику выработать нужные профессиональные навыки, однако, существуют также творческие проблемы перевода. Каждое имя собственное является кодированным когнитивным текстом, содержание которого переводчик должен не просто расшифровать, но и перенести на соответствующий культурный грунт.

Переводческий анализ имён собственных требует глубоких знаний переводчика не только в области лингвистики, но и во многих других отраслях разных наук; анализ онимов предусматривает изучение их структуры и семантики, учёта культурно-исторической информации. Таким образом, передача некоторых имён на русском и английском языках должна устанавливаться при сотрудничестве лингвистов с историками и географами.

Для того, чтобы преодолеть все трудности перевода имён собственных необходимо практиковаться в использовании трансформационных приёмов перевода на примерах художественных произведений. Дальнейшие перспективы исследования мы видим в углубленном изучении лексико-стилистических аспектов перевода имён собственных, а именно процесс передачи содержания фразеологических единиц с компонентом имён собственных с английского на русский язык.

Список литературы

1. Карпенко Ю.А. Теоретические основания разграничения собственных и нарицательных имен / Ю.А. Карпенко // Мовознавство. – 1975. – Вып. №4. – С. 46–50.

2. **Раренко М.Б.** Основные понятия переводоведения. Терминологический словарь-справочник / М.Б. Раренко. – М. : ИНИОН РАН, 2010. – 260 с.
3. **Сдобников В.В.** Перевод и коммуникативная ситуация / В.В. Сдобников. – М. : Флинта; Наука, 2015. – 464 с.
4. **Слепович В.С.** Курс перевода (английский-русский язык). Translation course (English-Russian) / В.С. Слепович. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 320 с.
5. **Суханова А.С.** Передача имен собственных с точки зрения теории перевода // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, октябрь 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 105–107.
6. **Тюленев С.В.** Теория перевода / С.В. Тюленев. – М. : Гардарики, 2004. – 336 с.

Chumak-Zhun T.V.

Transformational Techniques of the Transfer of Proper Names in Translation from English into Russian

This article presents proper names as an object of translation. It is presented the main transformational techniques for translating proper names from English into Russian which are used by translators. Also it is carried out detailed analysis of these techniques.

Key words: *proper name, translation, translator, transformation, transliteration, transcription, tracing.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 821.521-1/-9.09

Ли Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ekaterina.li.93@mail.ru

Ранобэ как уникальный жанр японской литературы

Данная статья посвящена рассмотрению жанра ранобэ. Раскрывается термин «лайт-новелла» и сравнивается японский комикс с японской новеллой. Акцентируется внимание на отличительных особенностях ранобэ как современного литературного жанра.

Ключевые слова: ранобэ, лайт-новелла, манга, литературный жанр.

Многие литературные эксперименты реформировали традиционную систему малой и минимальной прозы. Проблема жанровой дифференциации художественных произведений рассматривалась с древнейших времен до современности, причем каждый этап вносил свои коррективы, находил новые решения и выбирал разные точки зрения. Неизменны лишь роды литературы – эпос, лирика, драма, но их содержание менялось в ходе развития самой литературы, жанровых рамок, жанровой иерархии и др. Исследования литературных явлений выявили изменения качественных элементов и содержания каждого типа, а также количественных показателей общих форм прозы, в основном касающиеся малых жанров.

По мнению исследователя В.П. Скобелева, «рассказ (новелла) представляет собой интенсивный тип организации художественного времени и пространства, предполагающий центростремительную собранность действия, в ходе которого осуществляется испытание, проверка героя или вообще какого-либо социально значимого явления с помощью одной или нескольких однородных ситуаций, так что читательское внимание сводится к решающим моментам в жизни действующего лица или явления в целом» [3, с. 59].

В свою очередь, литературовед Б.В. Томашевский считал, что рассказ – это русская новелла [7, с. 218]. Данные два жанра нередко сопоставляют друг с другом по схожести в объеме произведений, однако различают по их структуре. Новелла – небольшое прозаическое произведение, которое имеет четкую и быстроразвивающуюся сюжетную линию, но мало описывающее события и чувства героев. В своей работе «Морфологии новеллы» М.А. Петровский акцентирует внимание на том, что новелла «требует особого, своего специфического сжатого интенсивного сюжета. Чистая форма замкнутого рассказа

– это повествование об одном событии» [2, с. 117]. Автор выделяет при этом некоторые особенности, присущие новеллам:

- предварительная часть, основной функцией которой является смысловая подготовка к развитию событий;
- центральное событие, занимающее срединную часть рассказа;
- заключительная часть;
- большая степень напряжения истории.

Впервые термин «новелла» можно встретить у итальянских писателей XIII в., когда были популярны небольшие рассказы, часто объединяемые в сборники. В первой половине XIX века феномен жанра «новелла» распространился в Америке, а после Второй мировой войны короткие рассказы «эмигрировали» в Японию, что и стало средством популяризации некоторых характерных произведений лучших японских писателей того времени.

Литература является неотъемлемой частью каждой культуры и отражает сущность того или иного этноса. И, конечно же, новеллы Страны восходящего солнца не являются исключением. Японская литература занимает особую нишу не только на азиатском, но и на европейском издательском рынке. Особенности, своеобразие, присущие лишь Японии, выражающиеся в произведениях, интригуют и, в то же время порождают вопросы.

Ранобэ – это разновидность современной японской литературы, которая может варьироваться от романтики до ужасов в своей жанровой классификации, но отличается по большей части фэнтезийным сюжетом. Будучи примером японского неологизма – «васэй-эйго», термин «ранобэ» или «лайт-новелла» происходит от английских слов *light* – *легкий* и *novel* – роман [4, с. 28].

Данные произведения в основном ориентированы на подростков и более молодое население, в связи с этим оформление ранобэ приобрело свои особенности. Оригинальные японские новеллы печатаются в небольшом формате, размером не больше почтовой открытки, которые представляют собой «карманные книги». Для сокращения времени прочтения авторы специально составляют текст в виде небольших абзацев, так как акцентирование внимания идет на диалогах персонажей.

Текст обычно набирается более крупным шрифтом (по сравнению, например, с текстом газет). Многие иероглифы подписываются фуриганой (чтение иероглифа), которая иногда используется для передачи авторского неологизма, показывая нестандартное чтение. Наличие иллюстраций похоже на стиль манги (японские комиксы) является отличительной особенностью данного жанра. Однако, несмотря на это, ранобэ можно назвать полноценным художественным произведением, не уступающий по своему содержанию, объемам и идейности классике [5, с. 23].

Возникает множество споров относительно жанровой принадлежности, так как одни ученые полагают, что ранобэ является производным продуктом манги, так как на одном листе новеллы описывается одна соответствующая страница манги, другие – что данный жанр представляет собой самостоятельную литературную единицу.

Однако было бы ошибочным воспринимать ранобэ лишь как «многословную» разновидность манги. Типичная структура ранобэ – это несколько

цветных иллюстраций в начале, после чего идет 200–400 страниц текста, где лишь изредка попадаются черно-белые картинки (Рис. 1).

21 狼と音字料

「ああ、これは、その村からもらってきた妻です」
 毛皮の山の隅に置いてある妻の束は、ロレンスが塩を売りに行った村で育てられているもの
 だ。寒さに強く虫にも食われにくい。去年北西のほうで冷害が猛威を振るったので売り込みに
 行くつもりだった。
 「ふん。まあ、いいだろう。行っていいぞ」
 呼びつけておいてずいぶん面白い草だが、ここでおとなしく「はい」と言ったら商人失格だ。
 ロレンスはわざと先ほどの皮袋をちらつかせながら、騎士のほうに向き直った。
 「何があつたんですかね？ 普段はここ、騎士様なんかいないでしょう」
 若い騎士は質問されたのが不快だったのか、少し眉根にしわを寄せたがロレンスの手の中に
 ある皮袋を見るとさらにしわを寄せた。
 うまく釣れたようだ。ロレンスは紐を解いて一粒つまむと、騎士にくれてやった。
 「うむ……うまいな。これは礼をしなければなるまい」
 騎士は理屈好きだ。ロレンスは商売用の笑顔で特にありがたそうに頭を下げた。
 「この辺りで異教徒の祭りが近々開かれると聞き及んでいる。そのためこの警備を任されて
 いるのだが、貴様、何か知らんか」
 「なんだ、という落胆の色を浮かべてしまうようでは三流もいいたところだ。ロレンスはしばし
 悩む振りをしてから、「存じませぬえ」と答える。実際は大嘘だが、騎士の言うことも間違

Рис. 1. Ранобэ «Волчица и пряности», том 1

В литературном переводе на русский язык текст страницы составит приблизительно 1500 символов. Объем произведений в целом также весьма значителен. Например, уже упомянутый первый том «Волчицы и пряности» в любительском переводе на английский язык включает в себя 65 485 слов. Первый том «Zero no Tsukaima» – 39 705 слов. Для сравнения: известный роман Клайва Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф» содержит в оригинале 37 467 слов. Таким образом, по своей структуре и объему «лайт-новел» – это, скорее, роман, пусть и с определенными стилистическими особенностями, а не повесть, и уж, тем более, не рассказ [6, с. 502].

Нередко складывается так, что ранобэ становится первоисточником для аниме и манги, например, «Великий из бродячих псов» и «Всадник без головы», кроме того по мотивам ранобэ делают визуальные новеллы. Книги из-

даются в небольшом формате, содержат цветные иллюстрации, выполненные в том же стиле, в каком делаются изображения в манге и аниме, текст обычно набирается более крупным шрифтом (по сравнению, например, с текстом газет или «взрослых» книг). Многие иероглифы снабжаются фуриганой, которая, помимо своего прямого назначения, порой используется для придания словам иных, нестандартных чтений.

Для европейских стран ранобэ, как и комиксовая культура, явление новое и только набирает обороты, в связи с чем на полках книжных магазинов и на онлайн-ресурсах выбор невелик. К тому же ранобэ сложнее в переводе, чем манга. В основном издательства и группы переводчиков берутся за то, что уже известно читателю по адаптациям в виде манги и аниме, такие как: «**Мастера меча онлайн**», «**Нет игры – нет жизни**» и «**Волчица и пряности**» [4, с. 56].

Однако при растущем интересе молодежи к азиатской культуре, будет расти и популярность лайт-новелл. Современные подростки предпочитают художественной литературе комиксы, ранобэ же нечто среднее. Они сделаны в удобном формате, их можно всегда носить с собой, в них нет долгих и пространных описаний, сложных и витиеватых предложений, да и сюжеты захватывают с первых страниц.

Итак, рассмотрев и проанализировав влияние современной литературы на японскую культуру, можно сделать следующие выводы. Японцы переняли некоторые особенности Запада и Америки, данный факт объясняется сотрудничеством японских кинокомпаний с Голливудом и др. Внедрение жанра лайт-новеллы в повседневную жизнь японцев выдвинуло их на новый уровень и позволило показать свои культурные ценности и обычаи всему миру.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в том, что на современном этапе развития литературного процесса заметна малоизученность жанра ранобэ, являющегося народным достоянием японцев и сочетающего в себе не только лингвистические, но и культурные особенности.

Список литературы

1. Дружников Ю.В. Жанр для XXI века / Ю.В. Дружников // Новый журнал. – 2000. – С. 218–225.
2. Основные течения американской мысли [Текст] : Американская литература со времен возникновения до 1920 г. / Пер. с англ. / [Ред. и коммент. В. Маликова]. – В 3 т. : Т. 2. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – 436 с.
3. Скобелев В.П. Поэтика рассказа / В.П. Скобелев. – Воронеж : Арфа, 1982. – 236 с.
4. Bergman G., Lambert J. Geektionary: From Anime to Zettabyte, An A to Z Guide to All Things Geek / G. Bergman, J. Lambert. – London : Adams Media, 2011. – 456 p.
5. Scott J.M. Historical Dictionary of Modern Japanese Literature and Theater / J. M. Scott. – London : Scarecrow Press, 2009. – 568 p.
6. Thompson J. Manga: The Complete Guide / J. Thompson. – New York : Del Rey Books, 2007. – 556 p.

Light Novel as a Unique Genre of Japanese Literature

This article is devoted to the consideration of the genre of light novel. The term «light novel» is revealed and the Japanese comic book is compared with the Japanese novel. The attention is focused on the distinctive features of the light novel as a modern literary genre.

Key words: *light novel, light novel, manga, literary genre.*

Найдёнова Виктория Максимовна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
vickynajdonova@gmail.com

Внешность героев как средство психологического анализа

В данной статье рассматривается определение внешности и ее характеристика. Исследуется портрет героя как сторона литературного образа и указываются его разновидности. Приводится особенность психологического портрета и выражение отношения автора путем его вариации к герою художественного произведения.

Ключевые слова: герой произведения, психологический портрет, внутренний мир, внешность, отношение автора.

Невозможно себе представить хоть какое-либо произведение, где бы ни упоминалась внешность его героев. Однако, сам внешний вид представляет собой не только эстетическую оболочку, но также и подразумевает психологический анализ героя. Целью данной статьи является характеристика психологического анализа героя путем описания его внешности.

Для начала стоит дать определение понятию внешности. С.И. Ожегов характеризует внешность как «наружный облик человека» [4, с. 77]. В литературе внешность выступает в качестве вспомогательного определения, не претендующего на терминологическую самостоятельность. В работе М.О. Габель «внешность» выражается через категорию «литературного портрета» и характеризуется как «частный вопрос создания и раскрытия действующих лиц» [1, с. 149]. Определение категории «портрета» становится описанием внешнего облика персонажа [3, с. 762].

Внешность в литературоведении зачастую подразумевает не только портрет, жест, одежду и т.д., но и является вспомогательным обозначением, указывающим на психологические особенности героя произведения, которые могут быть совсем неприметны на первый взгляд, однако в совокупности объединяющие многие из названных понятий.

В литературоведении портрет является лишь одним из средств характеристики, которое используется в композиционном единстве с другого рода средствами: изображением рассуждений персонажей и их настроений, рассмотрением действий в сюжете, описанием сложившейся ситуации, диалогом героев и т. п. Все эти средства характеристики образуют систему художественного литературного образа, а портрет становится одной из его сторон.

От всех других способов художественного изображения портрет отличается своеобразной зрительной иллюстративностью и, наряду с традиционными описаниями и пейзажем, придает художественному произведению характерную изобразительность [6, с. 64–70].

Портрет, являясь одной из сторон литературного образа, включает черты, предполагающие важность для художественного образа в его целом. В портрете героя существуют обобщенные и специфичные черты. С одной точки зрения, описание художественного персонажа представляется как образ исторического и социального человека, который показывает определенную социальную эпоху, определенное сословие или его группу. Общественная среда, которую писатель изучает в своем произведении и оценивает ее мировоззрение, характеризуется его внешним видом и манерами, движениями и жестами. С другой точки зрения, герой произведения демонстрирует себя как самостоятельную личность, а именно как неповторимую индивидуальность. Методом подбора и сочетания индивидуальных качеств портрета героя автор вместе с тем выражает свою личную позицию по отношению к той общественной группе, представителем которой является персонаж.

Целью любого портрета является характеристика героя, при этом он может выражаться путем авторского комментария, а может и действовать самостоятельно, но в последнем случае портрет требует большой читательской активности [2, с. 205].

Портретное описание считается наиболее простой формой портретной характеристики, заключающей в себе передачу портретных деталей, и иногда сопутствующее авторскими замечаниями или обобщающим выводом, при этом автор может выделять в портрете одну-две ведущих детали.

Портрет-сравнение является наиболее сложным видом характерологического анализа. Путем сравнения автор формирует у читателя то или иное впечатление от внешности героя [7, с. 9]. Сделав описание двух персонажей, сравнив их между собой, писатель делает их образы более яркими и запоминающимися для читателя: «They were both slender, with small chests and narrow hips. She knew she wasn't beautiful like her mother was. <...> Throw in carrot hair and a face full of freckles, and she was a Raggedy Ann to her mother's Barbie doll» [8, с. 25].

Наиболее сложной разновидностью портрета является портрет-впечатление. Его особенность заключается в том, что портретные черты и детали в нем отсутствуют и имеется лишь впечатление от внешности героя, производимое на какого-либо другого персонажа произведения или на стороннего наблюдателя. Например, «He looked up at her and smiled. He looked like a fair-haired angel from a Rembrandt painting, except for that devilish mouth» [8, с. 280]. Привести изображение героя на основе такой портретной характеристики практически невозможно, но это не является необходимостью автора – наглядное представление читателем портретных особенностей персонажа. Главным является возможность умозаключения о характере героя с помощью нужного эмоционального впечатления от его внешности.

Отдельного внимания заслуживает психологический портрет, демонстрирующий конкретное психологическое состояние личности при тех или иных обстоятельствах. Психологическую портретную особенность представляет, например, дрожащие руки Майи в цикле произведений К. Клэр «Орудия смерти», а также портрет Джослин: «Nor was her expression the one Clary had imagined: Instead of delight, there was something very like horror in the way she looked at Clary, her green eyes wide» [9, с. 382].

Психологический портрет является одним из методов изображения характеров героев произведений через их внешние признаки. Главной целью обычного портрета является описание облика человека, изображение его наружности (лица, фигуры, одежды) или же свойства поведения (жесты, мимика, походка) [4, с. 627], в то время как психологический портрет объединяет внешность героя с особенностями его внутреннего мира, акцентируя внимание на состоянии души героя и углубляясь в те детали внешнего облика человека, которые являются связующим звеном с мыслями, чувствами, переживаниями и настроением героя.

М.В. Рябинина выделяет следующие разновидности психологического портрета: 1) в портретном описании внешность героя соответствует его внутреннему миру; 2) внешность героя и его внутренний мир соотносятся по принципу контраста [5].

Суть первой разновидности психологического портрета заключается в убеждении автора и читателя в том, что внешность человека – «зеркало его души», особенно если это человек открытый, искренний, не умеющий или не желающий притворяться.

Так в произведении К. Клэр «Город костей» цикла «Орудия смерти» описание героев в основных случаях происходит от лица других персонажей. Главный герой Магнус Бейн своим внешним видом ничем не отличается от своего же поведения, тем самым делая его образ уникальным и непредсказуемым: «The man blocking the doorway was as tall and thin as a rail, his hair a crown of dense black spikes. <...> He wore jeans and a black shirt covered with dozens of metal buckles. His eyes were crusted with a raccoon mask of charcoal glitter, his lips painted a dark shade of blue. He raked a ring-laden hand through his spiked hair and regarded them thoughtfully» [8, с. 235].

Вторая разновидность портрета демонстрирует несоответствие внешнего облика героя его подлинному душевному состоянию.

В произведении К. Клэр «Механический ангел» цикла «Адские механизмы» дает первое описание главному герою: «He had the most beautiful face she had ever seen. <...> He looked like every fictional hero she'd ever conjured up in her head. Although she'd never imagined one of them cursing at her while shaking his bleeding hand in an accusing fashion» [10, с. 54]. Описание главного героя исходит от лица главной героини, где четко прослеживается ее восхищение касательно его образа и чье восхищение передается читателю, вызывая ощущение заинтересованности и заинтригованности данным персонажем.

Однако, далее читатель может наблюдать несоответствие внешности героя с его характером. Например, описание того же главного героя, но уже с другой точки зрения: «Sometimes she thought Will had been sent to her by the Angel specifically to try her patience. He was bitter, he had a tongue like the lash of a whip, and he met her every attempt to show him love and affection with venom or contempt» [11, с. 268]. Стоит отметить, что соотношение особенностей портрета особенностям характера достаточно неопределенно. Положительный характер не всегда подразумевает приятную внешность и наоборот.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что путем описания внешности героя читатель узнает его психическое и эмоциональное состояние. Суть

портрета как художественного средства заключается в том, что автор раскрывает характер изображаемых персонажей и высказывает свое отношение к ним путем описания их внешности, при этом его художественная ценность определяется зрительной наглядностью. Портрет является методом выражения автором особенностей социальной среды и своего личностного к ней отношения.

Данный анализ позволяет ближе познакомиться с персонажем и понять ход его мыслей и действий. Однако же не всегда возможно с первого раза дать точную характеристику тому или иному герою, так как необходимо тщательное наблюдение и анализирование его состояния.

Список литературы

1. **Габель М.О.** Изображение внешности лиц / А.И. Белецкий // Избранные труды по теории литературы. – М. : Просвещение, 1964. – С. 149–169.
2. **Кунавин О.Б.** Проблема портрета в художественной литературе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. – №2. – С. 202–207.
3. **Николюкин А.М.** Портрет / А.М. Николюкин // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М. : Лира, 2001. – 346 с.
4. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. **Рябинина М.В.** Портрет как средство психологической характеристики в повестях Г. Алексеева / М.В. Рябинина // Вестник Чувашского университета. – 2012. – №4. – С. 302–306.
6. **Савельева В.В.** Художественная антропология и творчество писателя / В.В. Савельевой, Л.И. Абдуллиной. – Усть-Каменогорск–Алматы: Надыр, 2007. – 456 с.
7. **Тамарченко Н.Д.** Теория литературы : в 2 т. : Т. 1 / под ред. Н.Д. Тамарченко. – М. : Высшая школа, 2004. – 513 с.
8. **Clare C.** City of bones / C. Clare. – New York: Simon Pulse, 2008. – 485 p.
9. **Clare C.** City of glass / C. Clare. – London: Walker Books, 2009. – 541 p.
10. **Clare C.** Clockwork angel / C. Clare. – New York: Margaret K. McElderry Books, 2010. – 481 p.
11. **Clare, Cassandra.** Clockwork prince New York: Margaret K. McElderry Books, 2015. – 500 p.

Naydenova V.M.

Appearance of characters as a means of psychological analysis

This article discusses the definition of appearance and its characteristics. The portrait of the character is analyzed as an aspect of the literary image and its varieties are stated. The article gives the feature of the psychological portrait and the expression of the author's attitude to the character of the art work by its variation.

Key words: *hero of the work, psychological portrait, inner world, appearance, attitude of the author.*

УДК 82-311.9.-312.9-344.09-029:9

Сухаревская Дарья Александровна,
преподаватель кафедры теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dashas332@gmail.com

Жанровое разнообразие фантастики от ее возникновения и до наших дней

Статья посвящена изучению такого жанра литературы, как фантастика и ее развитию в течение многих веков. Данный жанр разделяется в свою очередь на три другие основные поджанры, такие как научная фантастика, фэнтези и ужасы. В этой статье также говорится о свойствах и элементах фантастики, одним из них является новум, который в свою очередь делится на мановум, миновум и биновум. Развитие фантастики представляет собой четыре периода: ранняя фантастика, традиционная фантастика, современная фантастика и новейшая фантастика.

Ключевые слова: жанр фантастики, научная фантастика, жанр ужасов, фэнтези, новум, миновум, мановум, биновум.

Термин **фантастика** впервые появился в 1889 году, но определение ему дали только в 1977, куда включили такие поджанры, как научная фантастика, фэнтези, ужасы, сверхъестественная фантастика, фантастика о супергероях, утопическая и антиутопическая фантастика, апокалиптическая и постапокалиптическая фантастика и альтернативная история. С недавних пор фантастика рассматривается как наджанр трех жанров: научная фантастика, фэнтези и ужасы.

Целью данной статьи является рассмотрение жанра фантастики и ее поджанров, возникновение данного жанра, его развитие, а также характеристика, функции и свойства.

Жанр фантастики – это тип современного повествования, связанный с жанрами ужасов, фэнтези и/или научной фантастики, которые демонстрируют сомнительные социокультурные явления как вымышленные события таким образом, чтобы защитить писателей, развлечь публику, поднять вопросы, исследовать возможности в литературных произведениях и взглянуть на условия существования человечества [8, с. 21].

В статье А.Р. Байбулатова говорится, что обычно фантастическую литературу, основываясь на исторической типологии, подразделяют на три вида: мифологическую, религиозную и научную. В России же принята следующая классификация: научная фантастика, популярная фантастика и фэнтези [2, с. 1055].

По словам Ц. Тодорова, выражение «фантастическая литература» обозначает определенную разновидность литературы или литературный жанр [7, с. 1]. Он предложил свою категоризацию жанров фантастически: «необычное в чистом виде», «фантастическое необычное», «фантастическое чудесное» и «чудесное в чистом виде» [7, с. 1]. Несмотря на то, что вышеука-

занная классификация оказалось довольно оригинальной, ее посчитали неудобной и широкоупотребимой не стала.

Научная фантастика – это вид поджанра фантастически, который базируется на каком-то предположении, имеющем рациональный характер, подкрепленный научными законами, изобретениями, не противоречащими науке того времени, но в самом произведении встречается нечто необычное или сверхъестественное. Элементами данного поджанра являются новые открытия, изобретения, неизвестные науке факты, исследования космоса и путешествия во времени. Действия в произведении могут происходить зачастую в будущем [4, с. 64].

В книге «Беседы о научной фантастике» (1983) Г.И. Гуревич предложил следующую классификацию жанра научной фантастики: «фантастика-тема» и «фантастика-прием» [6].

Фантастика-тема делится на такие подвиды, как: 1) фантастика чистой мечты; 2) фантастика научных идей; 3) лабораторная; 4) производственная, или трудовая; 5) фантастика предостережения, или антиутопия; 6) утопия.

Фантастика-прием имеет следующие подвиды: 1) познавательная; 2) приключенческая; 3) психологическая; 4) сатирическая; 5) политическая сатира [6, с. 38].

Термин «фэнтези» имеет несколько значений. В узком смысле жанр сказочно-мифологической прозы, относящийся к англоязычной литературе второй половины XIX – первой половины XX века. В более широком смысле вышеупомянутое слово обозначает все направления «ненаучной» фантастики [1, с. 309–310].

Хоррор, или жанр ужасов – это такой поджанр фантастики, который создан для того, чтобы вызвать испуг, тревогу и страх у читателя, кроме этого в этом жанре используется достаточно напряженная атмосфера или читателя погружают в рамки мучительного ожидания чего-либо ужасного [3].

Согласно Дж. Клоту, хоррор или жанр ужасов существует для того, чтобы показывать источники кошмаров, различные реакции на страшное и жуткое, а также виды и способы сопротивления ужасам внешнего и внутреннего мира. По его мнению, этому термину подошло бы иное название *terror* (страх) вместо *horror* (ужас), что точнее отражало бы суть этого жанра [5, с. 35–36].

Фантастику можно разделить на четыре периода развития: до 1585 года – ранняя фантастика, 1585–1921 – традиционная фантастика, 1922–1985 – современная фантастика, 1986 – наши дни – новейшая фантастика.

Одной из отличительных черт ранней фантастики является изображение традиционного *нового* в традиционном контексте. Древние рассказы объясняют природные явления с помощью *новума*, где существуют мифологические, фольклорные, сверхъестественные или магические элементы с фантастическими существами и местными героями.

Если функцией традиционной фантастики было вовлечение читателей, развитие сюжета и персонажа в традиционном контексте, то целями фантастики этого периода стало развлечение, информирование или инструктаж. Так, повествования в современной фантастике обычно производится с мифологическими, фольклорными, сверхъестественными или магическими элементами, действие которых происходит в наше время.

Новейшая фантастика включает в себя текущие проблемы и опасения в повествовании как основная стратегия взаимодействия с читателями. На Западе новейшая фантастика начала формироваться с появлением журнала «Удивительные истории» Х. Гернсбака в 1926 году [8, с. 24–26].

К ключевым элементам жанров фантастики относятся новум, отчуждение, социальная значимость, а также взаимодействие с читателями, например, нечто знакомое, оригинальность. В литературе выделяется два набора установленных, наблюдаемых и учитываемых элементов, уникальных для каждого художественного жанра: повествовательные приемы или элементы, используемые для рассказа фантастических историй и приемы группирования или элементы, используемые для категоризации сюжетов, а также три эмпирических элемента приемов современного фантастического рассказа: новум, смена убеждений и социальность.

Новум – это все то, что в рассказе является «нереальным элементом», что-то знакомое, которое изображается как странное, или что-то странное, которое изображается как знакомое [8, с. 39–40]. Существуют две функции жанра новум: функции мановума (значимое новое) и миновума (малозначимое новое).

Значимое новое (мановум) – это новум, который управляет персонажем, который развивает истории, или развитием сюжета в рассказах, которые этот сюжет развивают.

Малозначимое новое (миновум) — это новум, который нацелен на другие элементы истории, такие как настроение, обстановка или характеристика.

Истории, в которых сочетаются как минимум два жанра новум, относящиеся к поджанру, называются биновум. При этом смена убеждений определяется как временная приостановка обычного мышления о реальном мире в пользу фиктивного набора верования с целью получения удовольствия от фантастических историй.

Наименование поджанров фантастики основано на бинарной системе именования Линнея, которая указывает на первичный и вторичный элементы. Три основных жанра в данном случае имеет следующую классификацию, где жанр фэнтези подразделяется на такие поджанры, как фэнтези с элементами ужасов и фэнтезийно-научная фантастика, жанр ужасы – на ужасы с элементами фэнтези и ужасы с элементами научной фантастики, а также жанр научной фантастики – на научное фэнтези и научную фантастику с элементами ужасов [8, с. 41–44].

Развивающиеся жанры – это фантастика с четкими элементами этого жанра, которые не отнесены ни к одному из трех основных поджанров: жанра ужасов, фэнтези или научной фантастики. К таким жанрам относятся фантастика о еде, историческая фантастика, мелодраматичная фантастика, юмористическая фантастика, романтическая фантастика и другие.

Фантастика о еде – это фантастика, где еда и/или питье служат элементами социальности, жанра новум и его функции [8, с. 45–49].

Юмористическая фантастика – это умозрительные юмористические рассказы, в которых используются новум и социальность, чтобы выявить легкость смены убеждений у читателей. Элементы юмора движут развитие сюжета и/или персонажа [8, с. 50–51].

Мелодраматическая фантастика повествует об откровенных эмоциональных проявлениях, преувеличивает достижения персонажей. Термин появился в 1941 году и характеризовал фантастику как масштабную, часто населенную слишком невероятными персонажами, темами и сюжетами. Мелодраматическая фантастика используется для обозначения истории о любви, влечении и увлечении, чем как классический роман в литературе [8, с. 39–53].

Таким образом, мы выяснили, какие существуют определения, классификации и элементы жанра фантастики. Для некоторых терминов до сих пор не существует одного определенного значения. Категоризации фантастики могут сильно отличаться и до сих пор возникают новые некоторые из которых так и не закрепляются в фантастиковедении. Также, появляются новые термины в данной тематике, поскольку такой наджанр, как фантастика имеет тенденцию меняться и дополняться новыми поджанрами, приемами, элементами и так далее, поэтому перспективы дальнейших исследований мы видим именно в изучении малоизученных поджанров фантастики.

Список литературы

1. **Алексеев С.В.** Фэнтези / С.В. Алексеев // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – №2. – С. 309–312.
2. **Байбулатов А.Р.** Фантастика в башкирской литературе / А.Р. Байбулатов // Вестник Башкирск. ун-та. – 2011. – №3–1. – С. 1055–1056.
3. **Белов Д.** Полезное: ужастики в книгах / Д. Белов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://litnet.com/ru/blogs/post/9462>, свободный. (Дата обращения: 01.03.2021 г.).
4. **Березовская Л.С.** Постапокалиптика как жанр научной/паранаучной фантастики / Л.С. Березовская, С.А. Демченков // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2016. – №4 (13). – С. 64–67.
5. **Головачева И.В.** О соотношении фантастики и фантастического / И.В. Головачева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2014. – №1. – С. 33–42.
6. **Гуревич Г.И.** Беседы о научной фантастике / Г.И. Гуревич. – М. : Просвещение, 1983. – 112 с.
7. **Тодоров Ц.** Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. – М. : Дом интеллектуальной книги. – 1999. – 144 с.
8. **Cabrera J.** Taxonomy of Contemporary Philippine Speculative Fiction / J. Cabrera. – London: School of Graduates Studies, the Philippine College of Health Sciences, 2016. – 340 p.

Sukharevskaya D.A.

**Genre Diversity of Speculative Fiction Since Its Inception and
to the Present Day**

The article is devoted to studying of such literature genre as speculative fiction and its developing during centuries. This genre is also classified into another three main subgenres such as science fiction, fantasy and horror. The article is also said about characteristics and elements of speculative fiction. One of them is novum that is divided into manovum, minovum and binovum. Evolution of speculative fiction is represented with four periods: Early Speculative Fiction, Traditional Speculative Fiction, Modern Speculative Fiction, Contemporary Speculative Fiction.

Key words: *speculative fiction, science fiction, horror, fantasy, novum, minovum, manovum, binovum.*

Шумская Анастасия Владимировна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
nastyashumsk@mail.ru

Вариативность рецепции текста художественного произведения

Автор анализирует разные точки зрения определения рецепции. В статье рассматриваются теоретические основы понятия рецептивности в художественном произведении. При этом «идеальный» читатель или зритель понимается как историческая категория: каждый текст, программирующий своего интерпретатора, предполагает, что получатель обладает определенной текстовой компетенцией и общим контекстом общения.

Ключевые слова: рецепция, восприятие, интертекст, автор.

Понятие «рецепция» (от лат. *receptio* – рецепция, принятие) использовалось в области естествознания и подчеркивало его важность в восприятии рецепторами энергии раздражителя и превращении ее в нервное возбуждение [4, с. 201]. Интерес к восприятию в качестве заимствования и процессу адаптации данным обществом различных культурных текстов, появившихся в другой стране или в другое время, возникает в рамках постструктуралистской (деконструктивистской, постмодернистской) исследовательской парадигмы анализа текста на фоне изменения интересов автора и текста для читателя. Рецептивный подход заключается в том, что произведение рассматривается не как отдельная художественная ценность, а как элемент системы, в которой оно взаимодействует с реципиентом, то есть с читателем. В результате произведение начинает исследоваться как исторически открытое явление, значение и значение которого исторически подвижны, изменчивы и осмыслены [5, с. 63]. Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена более глубоким исследованием факта рецепции художественного произведения и отношений автор-читатель.

Цель статьи – рассмотреть теоретические основы понятия «рецепция» в теории литературы.

Теория литературной рецепции как фиксации и изучения реакции человека на конкретное произведение искусства, в данном случае искусство письма, впервые появилась в трудах немецкого историка и теоретика литературы Ханса-Роберта Яусса в конце 1960-х. Начав изучать эту область, Ханс-Роберт не только не останавливался, но и каждые двадцать лет публиковал новые, подробные и дополненные материалы своих исследований. Стоит отметить, что эта тема интересовала не только данного исследователя.

В 1961 году американский литературный критик У. Бут упомянул «предполагаемого автора» в своей работе. Затем, в течение следующих двух десятилетий, параллельно развивались два независимых направления исследований,

каждое из которых до определенного момента игнорировало существование другого, структурно-семиотического и герменевтического. Неогерменевтическая линия представлена немецкой школой рецептивной эстетики. Наиболее представительными теоретиками этой парадигмы являются Х.Р. Яусс, В. Изер. Так, апрель 1967 года стал памятным событием, потому что в том же месяце в Констанцском университете Х.Р. Яусс прочитал лекцию, в которой изложил исследовательскую парадигму литературной критики, известную как «Rezeptionsästhetik» («поэтика восприятия») или «эстетика восприятия» [8, с. 34].

Основным понятием Х.Р. Яусса является термин «горизонт ожиданий», который описывает комплекс идей (эстетических, социально-политических, психологических и некоторых других), определяющих отношение автора к общественности и отношение читателя к произведению. Анализ горизонта ожидания, в котором произведение создавалось или воспринималось в прошлом, помогает восстановить историю восприятия конкретного текста и интегрировать ее в исторический процесс литературной эволюции. Х.Р. Яусс попытался преодолеть разграничение литературы и истории, исторического и эстетического знания и добавил идею Г.Г. Гадамера о необходимости исследовать текущую ситуацию для читателя.

Другой ученый-теоретик В. Изер подчеркивал расплывчатость литературы как фактор, влияющий на восприятие читателя. Вариативность восприятия реципиента, «блуждающая точка зрения» зависит как от индивидуальных психологических, так и от социально-исторических характеристик читателя. Читатель не имеет свободы в выборе точки зрения, так как художественный текст все же влияет на ее формирование, хотя «перспективы текста имеют только инструктивный характер, акцентируя внимание и интерес читателя на определенном содержании» [2, с. 201]. Также В. Изер использует категорию «неявный читатель». По мнению В. Изера, эта категория должна отображать потенциальное разнообразие смыслов текста. Работая с недавно написанным, но еще не прочитанным и, следовательно, еще не полностью понятым текстом, читатель может делать предположения, бессознательно активировать стереотипное восприятие и поддаваться многим факторам, например, реальному психоэмоциональному состоянию, факторам окружающей среды (национальности), что может существенно повлиять на его восприятие [2, с. 205]. Об этом свидетельствует тот факт, что один и тот же текст будет пониматься по-разному, в зависимости от местоположения, возраста, образования читателя.

Особое значение в контексте рецептивного подхода имеет концепция У. Эко, который посвятил этой проблеме множество работ, начиная с 1962 г. («Открытая работа») и продолжая работами 1990-х гг. («Пределы толкования», «Толкование и гиперинтерпретация», «Шесть прогулок в литературном лесу»). У. Эко разработал свою концепцию восприятия и интерпретации текста «примерным читателем» в духе наиболее влиятельной структурно-семиотической парадигмы того периода (начало 1960-х гг.). «Открытая работа» и «Роль читателя» – ключевые произведения У. Эко, первая из которых поставила вопрос об «открытости» текста для интерпретационных усилий читате-

ля, а вторая – закрепила неоспоримую позицию читателя. Уже первая из этих книг рассматривалась как интеллектуальная провокация, и автору впоследствии пришлось взять на себя ответственность за эскалацию «открытости» и бесконечность интерпретаций, за четко обозначенную иерархию между автором и читателем, которую он определил как воплощение в тексте, по его восприятию. В итоге концепция оказалась под сомнением. Исходя из этого, изменения в изучении рецептивных процессов являются результатом сложного переплетения различных подходов, давно сформировавшихся в эстетических и семиотических теориях [5, с. 250]. Эти подходы можно условно назвать теориями рецепции – это общее внимание современных гуманитарных наук к процессу восприятия, интерпретации и создания языкового образа мира реципиентом из произведения.

По словам М.М. Бахтина, целостность произведения включает «его внешнюю материальную реальность, его текст, представленный в нем мир, автора-создателя и слушателя-читателя» [1, с. 45]. М.М. Гиршман также включает в художественное произведение множественность восприятий своего читателя: «Художественный мир литературного произведения – это мир, который включает, внутренне объединяет как субъект высказывания, так и объект высказывания, и в некотором смысле получатель высказывания» [3, с. 342]. Литературное направление, тесно связанное с идеями М.М. Бахтина, получило дальнейшее развитие в творчестве А.А. Белецкого, Б.С. Мейлаха, М.Б. Храпченко и других. В результате деятельности этих ученых были разработаны основные методологические подходы – историко-функциональный и системный.

Термин «историко-функциональный подход» был введен М.Б. Храпченко и ориентирован на изучение восприятия произведений определенных исторических периодов читателями разного социального, профессионального и возрастного статуса. Ученый писал: «Историко-функциональный подход означает изучение литературных явлений, выдающихся по своему влиянию на чтение, и прежде всего, конечно, самых реальных, если можно так выразиться, произведений искусства» [7, с. 230].

Кроме того, «идеального» читателя или зрителя также можно понимать как историческую категорию: каждый текст, программирующий свой интерпретатор, предполагает, что получатель обладает определенной текстовой компетенцией и общим контекстом общения. Именно обращение к исторически конкретным событиям или фактам иногда обеспечивает последовательность воспринимаемого текста [1, с. 391].

В конечном итоге именно эта категория У. Эко находит отражение в других теоретиках. Они используют термин «образцовый читатель» не для того, чтобы прояснить его многочисленные реакции на художественное творчество, а для защиты текста от вариаций в восприимчивых решениях. Работая с неизвестным материалом, который кажется написанным, но непрочитанным и, следовательно, еще не существующим текстом, читатель имеет право делать выводы, которые способствуют раскрытию множества ссылок на произведение.

Благодаря настойчивости и влиянию ученых на теорию структурно-семиотической традиции текст изучается не только как литературное произведение, объективно выраженное, но и как часть культуры, общества, истории

и самого человека (поскольку каждая из них сформирована влияет на всю систему восприятия). Идея о том, что история и общество - это нечто, что можно «прочитать», привела к восприятию человеческой культуры как уникального «интертекста», который, в свою очередь, служит предлогом для любого возникающего текста [1, с. 139].

Следовательно, изменения, происходящие при изучении рецептивных процессов, обусловлены сложной взаимосвязью между различными подходами эстетической и семиотической теории. Эти подходы можно условно назвать теориями рецепции, в которых мы говорим об особом внимании современных гуманитарных наук к процессу восприятия, интерпретации и, в конечном итоге, создания лингвистического образа мира читателем через текст. Перспективы исследования мы видим в дальнейшем изучении вариативности восприятия художественного текста.

Список литературы

1. **Барт Р.** Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт; сост., общ. ред. Г.К. Косиков // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. – М. : Издательство Московского университета, 1987. – С. 387–422.
2. **Изер В.** Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер; сост. И.В. Кабанова // Современная литературная теория. Антология. – М. : Флинта; Наука, 2004. – С. 201–224.
3. **Современное зарубежное литературоведение** (Страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / научн. ред. и состав. Е.П. Ильин, Е.А. Цурганова. – М. : Интрада–ИНИОН, 1999. – 319 с.
4. **Усманова А.Р.** Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А.Р. Усманова. – Минск : ПроPILEI, 2000. – 200 с.
5. **Фуко М.** Что такое автор? / М. Фуко; сост. И.В. Кабанова // Современная литературная теория. Антология. – М. : Флинта; Наука, 2004. – С. 70–91.
6. **Эко У.** Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб. : Симпозиум, 2007. – 502 с.
7. **Яусс Х.Р.** История литературы как провокация литературоведения / Х.Р. Яусс; пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 6, № 12. – С. 34–84.

Shumskaya A.V.

Variability of the Text Reception of the Work of Art

The author analyzes different points of view for determining the reception. The article considers the theoretical foundations of the concept of receptivity in an artwork. In this case, the «ideal» reader or viewer is understood as a historical category: each text programming its interpreter assumes that the recipient has a certain textual competence and a general context of communication.

Key words: reception, perception, intertext, author.

МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 001.891.3 + 80-047.37

Аулов Анатолий Михайлович,
канд. филол. наук,
доцент кафедры русской и мировой литературы
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
mikhailovich-a@mail.ru

Методы достижения абстрактных истин, соответствующих реальности

Цель данной статьи по проблемам методологии научного исследования – обоснование равноценности с конкретно-всеобщим понятием познания в форме абстрактного понятия одного свойства, но которое соответствует реальности. Новизна заключена в задачах: определении ситуаций, в которых при помощи известных характерных свойств, а также метода сопоставления с другой подобной вещью выделяется предмет с искомой действительностью свойства; обосновании необходимости применения в этом комплексном познании также родового или родовидового исследования.

Ключевые слова: абстрактное, конкретное, истина, свойство, родовидовое исследование.

Отрицательное отношение к абстракции как не вполне определенной форме мысли – основная проблема нашей статьи. В статье мы рассмотрим также малоизученные в литературоведении методы поиска истины через абстрактную ее форму, ставя и разрешая связанные с основной трудностью обнажающиеся проблемы.

В качестве рабочих инструментов мы выбрали определения, следующие далее. Из *свойств, связей и отношений* вещи возьмем самое важное – свойство и будем все рассматривать относительно нее.

Истина – адекватное отражение объекта познающим субъектом [4, с. 226], и истина как соответствующая своему понятию [6, с. 124]. Но часть определения – вопрос, остро поставленный М. Лифшицем [6, с. 124], о соответствии или несоответствии понятий истине их в самой действительности, возьмем примеры В. Хазиева: леве, убегающем от ягненка, колоколе, который не звонит, философе, ненавидящем мудрость, обществе, уничтожающем своих граждан и т.д. [9], в которых нет полноты понятий льва, колокола, философа, общества, какими они должны быть, но ими не являются, поэтому оказываются ложью, этот вопрос *об истине в самом бытии*, или *онтологической истине* мы оставляем в стороне как выходящем за рамки нашей темы. Возьмем в качестве инструмента только соответствие *гносеологической истины* (здесь *абстракции*) реальности.

Рабочий термин абстрагирование – *отвлечение* от ряда *свойств* предметов и *связей* между ними и за счет выделения каких-либо свойств и связей

образование отвлеченных понятий – абстракций [7, с. 12]. Конкретный (от латинского «уплотненный») – реально существующий, вполне определенный, предметный, вещественный предмет, рассматриваемый во всем *многообразии свойств* и отношений, т.е. связей (в отличие от абстрактного, отвлеченного) [7, с. 300].

В методологии научного исследования существует *трудность* выделения понятий и законов. По нашему мнению, она возникает из-за ряда причин. Первая из них – это понимание, что при существовании, допустимости, бедности абстрактного знания, *полнота* ее, а значит *подлинность есть только в конкретной ее форме*. При этом понимают под конкретностью *множество* сторон вещи, исток такого взгляда был у Г. Гегеля: «Конкретное – есть единство *различных* (выделено нами. – А. Аулов) определений, принципов» [2, с. 133– 134]. У философа Э. Ильенкова, опирающегося на Г. Гегеля и К. Маркса, конкретное – это синоним объективной взаимосвязи *всех необходимых сторон* реального предмета, таким, например, является «зерно» в растении, которое есть, с одной стороны, «особенная форма существования растения, а с другой – подлинно всеобщая его действительность, в которой все другие части растения реально содержатся в „свернутом“, в неразвившемся виде», такое знание он называет *конкретно-всеобщим* [3, с. 81, 82].

При этом он возражает против рассудочно-формальной логики: бесплодной в познавательном отношении операции: «мы должны были бы „отвлекать общее“ между зерном, стеблем, листьями, цветком и плодом, – такое „абстрактно-всеобщее“, которое выражает собой лишь абстракт, но не содержит понимания ни одной из особенных форм развития растения...» [3, с. 82].

Современный словарь дает подобное описанному Э.Ильенковым определение *конкретный*: от латинского «уплотненный», «реально существующий, вполне определенный, предметный, вещественный, предмет, рассматриваемый во всем *многообразии* (выделено нами. – А. Аулов) свойств и отношений (в отличие от абстрактного, отвлеченного)» [7, с. 300]. (Мы из свойств, связей и отношений вещи возьмем здесь для удобства самое важное – *свойство* и будем все рассматривать относительно нее.) По сути, в этой формулировке – отрицательное отношение к абстракции как не вполне определенной форме мысли. Это *основная проблема*, рассматриваемая в нашей статье.

Негативная оценка абстракции, вероятно, есть попытка противостояния ошибочному методологическому уклону: издавна наиболее распространено в европейской науке мнению, что *степень абстракции* – это *наибольшая научность, познанность*. Однако максимально абстрактная наука – математика дает как правильные, так и совершенно пустые результаты, случающиеся потому, что не берут во внимание *предпосылки, условия*, в которых теоретические абстракции либо работают, либо нет, эти условия называют «краевыми». В основе такого широкого абстрагирования тоже, по сути, заблуждение: признаются не только соответствующие реальным, действенным свойствам и соответствующие своей полноте понятия, а всякие абстракции как средство истины. Положение, что любая максимальная абстрактность – это предельная научная познанность, есть ошибка. Но она воспроизводится вновь и вновь в разных формах.

Нельзя оспаривать значение конкретно-всеобщего знания для понимания *основы* множества характеристик и свойств вещи. Однако практика издавна пользуется и более простым методом определения понятий, истины вообще, которые будут не формалистическими. Существует минимум два основных значения понятия конкретной истины в материалистической науке. Так вот, первое значение понятия конкретной истины – это *совокупность, множество* свойств, второе – *лишь одно свойство*, выраженное в абстрактной форме, *но такое, которое реально существует* в действительности. Иначе говоря, *если в абстрактной форме гносеологическая истина обозначает реальность, то она будет истиной независимо от того, одно ли это свойство или основа множества элементов и свойств.*

Доказательство этого следующее: если под *свойством* предмета понимать то, что способно изменить другую вещь, то *и одно свойство*, отраженное, познанное *в форме абстракции* делает это успешно, например, способность пара расширяться, создавать давление позволяет вращать лопатки турбины, а *способность* Ахилла в Гомеровской «Илиаде» *глубоко чувствовать, любить: друзей, Брисеиду, отца рождает гнев против произвола Агамемнона, затем после убийства Патрокла – против троянцев, но – и гуманность в отношении врага, Приама, похожего на его отца.* И здесь нет необходимости познавать основу множества свойств, элементов персонажа.

Описанное не единственное препятствие для выхода из трудности: часто *мысль о неполноценности абстракций возникает из-за одного ошибочного приравнивания с нею совершенно иного:* в науке, в том числе литературоведении постоянно возникают примеры, когда вместо действенных понятий (*свойств* вещей) и законов используют недейственные их *признаки*. Если свойство – *это способность изменять другую вещь*, то признак не обладает такой возможностью, как например виляющий хвост поезда вовсе не есть способность улучшать настроение провожающих пассажиров на перроне вокзала. А вот энергично движущийся из стороны в сторону хвост собаки как раз обладает свойством воздействия, поднятия жизненного тонуса у людей. Это примеры из психологического ряда, есть и множество иных. Можно сказать, что есть *действенные абстракции – свойства*, а есть подобные, только подобные им формы отвлечений, поэтому *недейственные абстракции – признаки* вещей, взятые случайно.

Из-за повторения ошибочных подходов к рассмотрению подлинности истины требуются новые рассмотрения и доказательства.

Здесь мы выдвигаем гипотезу: *если в абстрактной форме гносеологическая истина обозначает реальность, то она будет истиной независимо от того, одно ли это свойство или основа множества элементов и свойств.* Для ее доказательства предлагаем выделить область познания, ситуации, в которых при помощи известных характерных свойств, а также метода сопоставления с другой подобной вещью выделяется предмет с искомой действенностью свойства; обосновываем также необходимость применения в этом комплексном познании родового или родо-видового исследования. Это составляет *новизну* материала.

Углубимся в вопрос области, границ применения абстрактного метода познания. Но одного абстрагирования бывает достаточно при нахождении

понятия вещи. Это происходит в случае, когда одно из свойств можно определить либо по заранее известным иным свойствам, либо *на практике* как *действенное и также* с помощью метода *сопоставления двух* понятий, *двух* вещей. Например, в строительстве методом сопоставления белых по цвету вещей (*мела и шпаклевки*) выделяют либо известные прежде свойства мела: *твердость* в сопоставлении с *вязкостью*, которая ему не присуща, являясь характеристикой шпаклевки, что позволяет вычленив мел из этих двух вещей, поэтому применить именно его, как обладающего *заранее* известным свойством «легкой растворимости» в воде, *легкой* по сравнению с той же шпаклевкой, применить для окрашивания стен. Либо *на практике* определяют свойство «легкой растворимости» в воде мела по сравнению с той же шпаклевкой. Но далеко не всегда мы можем проверить сразу наличие необходимого свойства у вещи, каким в этом примере есть «легкая растворимость», или вообще не в состоянии это сделать из-за отсутствия необходимых условий для организации *практики*. Поэтому должны быть использованы теоретические методы *сопоставления двух* вещей, выявляющие, отделяющие иные свойства, каким была в нашем примере *твердость* мела, но известно при этом, что подобные свойства связаны с искомым, необходимым.

Связь: «вещь (*растворенный в воде мел*) **плюс** другая вещь (*стена дома*) вызывает следствие (*«побелку», окраску стены, превращающую ее в вещь с новым свойством – иного цвета, новую, фактически третью вещь*)». Все это вместе есть **закон**, который основан на **абстракции** «легкой растворимости» в воде мела и «впитывания, окрашиваемости» поверхности стены. Он как применение именно этого свойства «*растворимости*» для связи со свойствами другой вещи – стены необходим в строительстве. Операция сопоставления двух вещей тем или иным способом позволяет определить как понятие, так и закон – все основное в познании.

Но существует множество других ситуаций, когда предметов **более, чем два**. Здесь *истина, понятия, законы открываются* с помощью не только *одной, но и ряда абстракций*. Если перед человеком, ищущим мел, есть совокупность *вещей*, допустим, после ремонта у строителей есть множество кусочков того же белого мрамора, мела и комочков белой глины, то необходимо в поиске использовать не единственную абстракцию. **Абстракция твердости** отделяет *мел и мрамор* от *глины*, которая в отличие от них – *мягкая*. Затем сравним между собой мел и мрамор, что позволит за счет использования свойства *некоторой мягкости* мела «узнать» его, отделив от мрамора.

То есть в двух операциях человек использовал уже не одно, а два свойства мела: и твердость, и относительную мягкость (но не такую, как у глины). Два – это уже *совокупность* свойств, ряд абстракций, который может быть еще длиннее.

Итак, абстракция – средство поиска истины, но не всякая абстракция может это сделать, не всякое абстрактное знание истинно, и еще: отвлечение эффективно в ситуациях рассмотрения *двух* вещей, а также *ряда* их.

Как понять, *в каких ситуациях можно* использовать абстракцию, *в каких – нельзя?* Нельзя же по абстрактному признаку округлости сравнивать

планету Земля и арбуз: практическая цель первой – существование на планете человечества, а второй – удовлетворение в еде. Землю нельзя есть, на арбузе нельзя жить. «Округлость» этих вещей есть *абстрактная* форма мысли, но она не есть их «сходство» – в значении *равенства какого-то признака, а определенного свойства* вещей [8, с. 666]. Вот пример попытки познания с помощью признаков. Известен случай: американцы во время второй мировой войны прилетели на океанические острова, где люди жили ещё первобытным строем. Аборигены думали, что мир заканчивается чуть выше верхушек деревьев, а так как американские летчики появились с большей высоты, – местные жители подумали, что те – боги!

Когда военнослужащие США отбыли с этого места, то аборигены стали строить из стволов деревьев, ветвей... самолёты, подражая богам. Но эти самолёты были только внешне, в чём-то похожи на действительное. В них не было пропеллеров, изгиб крыла не был рассчитан точно на создание необходимой подъёмной силы, прочность ветвей никак не подходила для маневров самолёта. Эти самолёты просто не могли взлететь: в них не было моторов! Во всем этом было выделение из целого *таких* частей, которые *не* оказываются основой *свойства* летать. *Аборигенами* были *выделены не свойства, а признаки*.

Необходимы именно абстракции, понятия, объединяющие собой *свойства* изменять другую вещь, которые можно применить и в законе. Где, в какой связи понятия оказываются содержащими действительные свойства, например, цвет, красота? Возьмем цвет. Цвет окраски *класса в школе* способен изменить настроение детей, отсюда усиление у них желания познать: производительность учебы повышается до сорока процентов. А вот другая абстракция, отвлечение, не обладающее свойством изменять другую конкретную вещь, например, *тот же цвет окраски самолета не изменяет* скорость его полета.

С чего начинать исследование?

Мы видели, что абстрагирование как инструмент добывания истины при сопоставлении двух вещей *следует* применять *не для всяких предметов, имеющих общие признаки*, а только *сходных в каких-то свойствах*, их понятий. Но такие группы вещей называются *классами* [5, с. 256]. Равенство, похожесть одних *свойств (способности* вещи *изменять* другую вещь), определяемых с помощью метода сопоставления (в литературоведении – называемом компаративным методом), позволяет отнести такие вещи к каким-то минимум двум классам (группам), называемым в науке логики *родом и видом*. Род – это класс, который *содержит в себе* другой – вид, а вид – такой, который содержится в роде [1, с. 82]. Например, есть род «человек», в котором есть виды: «человек *прямоходящий*» и «человек *разумный*». У них есть одинаковые биологические родовые свойства и различные – видовые: у первого – приспособление скелета для прямохождения, у второго в отличие от этого – увеличение полости черепа и объема головного мозга.

В художественной литературе род – это, например, тип («лишний человек», «интеллигент», «босяк» и др.), а вид – его своеобразие, разновидность: Пушкинский тип «*лишнего человека*», Онегин, своеобразное свойство которого – «*охлажденная душа*», и Лермонтовский – Печорин, тоже «*холодный*» в

нравственном отношении, *но своеобразие его* в том, что он «бешено гоняется за смыслом жизни». Конечно, это не все их родовые и видовые свойства.

Конкретно начинать исследование, чтобы применить абстрагирование, необходимо с тех *одинаковых* свойств вещей, образов, которые именуются *родовыми*. Как мы показали ранее, существует много ситуаций, когда одного метода абстракции, т. е. нахождения одного свойства, достаточно, если свойство действительно.

Если же действительность не определяется только родовой абстракцией, как холодностью характер Печорина, в котором есть и минуты теплой человечности, влияние на которую оказывает его попытка найти смысл человеческой жизни, погоня за ней, то далее необходимо уже сопоставлять их между собой для нахождения не родовой одинаковости, а видовых отличий. (Сопоставление свойств вещей, не относящихся к одному роду, одним свойствам, понятиям, например, пшеницы как «еды» и «меди» будет нелепо). Родовые свойства вещей позволяют отбросить все *неоднородные* с этой группой «предметы», обеспечивая возможность для соотношения, сопоставления именно этих близких вещей между собой с целью нахождения абстракций свойств *видовых*.

Затем уже в меньшей группе обнаруживают еще одно видовое *своеобразие* понятий, свойств, отделяя еще раз неодинаковое, непохожее в них. Так, одинаковость свойств: «белизна» мела, мрамора и глины позволила вычленивать их в род, обеспечив саму возможность дальнейшего сопоставления – уже внутри вида. Там «некоторая мягкость» мела отличила его от «твердости» мрамора, а «легкая растворимость» в воде – от глины.

Как видим, необходимо применять для поиска реальной истины реальной родовое и видовое, или родо-видовое исследование: выделение с помощью них абстрактных родовых и абстрактных видовых свойств.

Итак, ответ еще на вопрос: «В *каких ситуациях можно* использовать лишь абстракцию, а в *каких* применять *только сочетание, ряд абстрагирований, будет следующий*: там, где при сопоставлении двух вещей будет найдено действительное свойство, то достаточно будет использовать один раз метод абстрагирования, но опирающийся, что очень важно, на одинаковые, сходные, родовые, свойства вещей, там же, где свойств с действительной характеристикой не будет получено, то необходимо использовать ряд абстрагирований, основывающихся также на родо-видовом исследовании, его этапах.

Перспективой исследования проблемы будет интерпретация большого количества полученных абстрактных понятий как своеобразия вещи в единстве многообразия.

Список литературы

1. Вид и род / [Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев и др.] // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
2. Гегель Г. Лекции по истории философии / Г. Гегель // Соч. В 14 т. : Т. 10. – М. : Партийное издательство, 1932. – 490 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/%D0%B0%D0%B1%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0,

- свободный. (Дата обращения: 20.02.2021 г.).
3. **Ильенков Э.В.** Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)/Э.В.Ильенков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:bOSH0eY0ROwJ:https://royallib.com/book/ilenkov_eval/dialektika_abstraktnogo_i_konkretnogo_v_nauchno_toreticheskomi_mishlenii.html+%&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ua&client=firefox-b-d-, свободный. (Дата обращения: 22.02.2021 г.).
 4. **Истина** / [Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др.] // Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
 5. **Класс** / [Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др.] // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
 6. **Лифшиц М.А.** Об идеальном и реальном / М.А. Лифшиц // Вопросы философии. – 1984. – № 10. – С. 120–145.
 7. **Современный словарь иностранных слов.** – М. : Русский язык, 1992. – 741 с.
 8. **Сходство** / [Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др.] // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
 9. **Хазиев В.С.** О понятии «объективная истина» / В.С. Хазиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:SF9LjHXrgGIJ:https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-obektivnaya-istina+%&cd=10&hl=ru&ct=clnk&gl=ua&client>, свободный. (Дата обращения: 21.02.2021 г.).

Aulov A.M.

Methods for Achieving Abstract Truths, Corresponding to Reality

The purpose of A. Aulov's article «Methods for achieving abstract truths corresponding to reality» on the problems of the methodology of scientific research is the justification of equivalence with the specifically universal concept of knowledge in the form of an abstract concept of one property, but corresponding to reality. Novelty consists of problems: determining situations in which, using the known characteristic properties, as well as the method of comparison with another similar thing, an object with the desired effectiveness of the property is distinguished; substantiation of the need to apply also a generic study in this complex cognition.

Key words: *abstract, concrete, truth, property, generic study.*

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.881.1

Муравьёва Власта Станиславовна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
fulasidafulasida@gmail.com

Методы обучения интерпретации и пониманию фразеологии китайского языка

В статье рассматриваются основные методы обучения различным классам фразеологизмов китайского языка. Представленные методы нацелены не только на то, чтобы обеспечить понимание и запоминание фразеологизмов студентами, но и на расширение кругозора, развитие мышления, улучшение навыков устной речи и чтения на китайском языке.

Ключевые слова: метод, фразеологизм, чэньюй, яньюй, гуанюньюй, идиома.

На сегодняшний день в аспекте преподавания фразеологии китайского языка существует нехватка методических разработок. Это явление связано с тем, что такое направление, как целенаправленное обучение иностранных студентов фразеологии китайского языка, является достаточно малоизученным, но так как язык и наука не стоят на месте, данное направление постепенно развивается и уже сейчас можно выделить несколько наиболее распространенных и эффективных методов обучения.

Студенты, изучающие китайский язык, сталкиваются с большим количеством иероглифов и со сложными грамматическими структурами, что поначалу может вызывать страх перед трудностями. После накопления определенной базы иероглифов можно переходить к изучению идиом, но это может усилить страх перед обучением или желание полностью отказаться от их изучения.

Цель статьи – рассмотреть основные методы обучения различным классам фразеологизмов китайского языка.

Исследованием данной проблемы занимались такие ученые как П.П. Ветров, И.В. Войцехович, Чень Сяоди, Фэн Яньян и другие. На сегодняшний день в методической литературе выделяют ряд наиболее популярных методов обучения фразеологии китайского языка, которые будут описаны далее. Их применение может послужить оптимизации процесса обучения.

Одним из таких методов является цепочка из чэньюев (成语接龙). *Эта игра часто используется в китайских школах для определения уровня языка, но с нашей точки зрения она будет не менее эффективна в учебном процессе высших учебных заведений. Прежде всего, необходимо отметить, что этот*

тип игры должен использоваться после того, как студенты уже освоили определенное количество фразеологизмов. В противном случае, применение данного игрового метода может иметь обратный эффект и негативно повлиять на желание студентов изучать фразеологизмы.

Правила игры состоят в том, что преподаватель называет фразеологизм, например, 草木皆兵 [cǎo mù jiē bīng] – «и трава и деревья кажутся вражескими солдатами» («пуганная ворона и куста боится»), затем студенты используют последнее слово идиомы, в данном случае – 兵, как начало следующей, например 兵不厌诈 [bīng bù yàn zhà] – «на войне не возбраняются хитрости». Следующий ход игры, моделируемой вышеуказанными примерами, будет подразумевать использование иероглифа 诈. Игра продолжается до тех пор, пока у одной из команд не закончится запас известных фразеологизмов, позволяющих продолжить цепочку.

Тематической общностью значения чэньюев, используемых в данной игре, не отличаются, фразеологизмы касаются различных сфер, а выбор того или иного зависит исключительно от их внутренней структуры. Также можно сказать, что использовать данный метод в процессе обучения китайской фразеологии можно лишь в том случае, когда студенты обладают достаточной базой знаний о чэньюях, потому данный вид деятельности не подходит для студентов начального уровня подготовки.

Следующий метод – это передача значения фразеологизмов посредством рисунка.

Сокровищница китайской фразеологии обширна и многогранна. Многие идиомы возникли из сюжетов китайских классических произведений или легенд. После изучения этимологии фразеологической единицы, преподаватели могут проверить студентов, предложив им постараться посредством рисунков передать значения предложенных фразеологизмов. Такой метод не только производит глубокое впечатление на студентов, изучающих китайский язык, но и помогает лучше запомнить смысл идиом.

Например, фразеологизм 三顾茅庐 [sān gù máo lú] переводится как «трижды посещать шалаш» и трактуется как настоятельная просьба о помощи опытного человека. Этот фразеологизм связан с историей о трехкратном посещении Чжугэ Ляна – полководца, государственного деятеля царства Шу, героя классического романа «Троецарствие», Лю Бэем – одним из наиболее могущественных полководцев эпохи Троецарствия, основателем царства Шу. На рисунке можно изобразить некое жилище и человека, входящего в это жилище.

Ещё один метод – это работа с этимологией фразеологизмов. Использование данного способа предполагает чтение историй, которые являются основой происхождения фразеологизмов. Можно предложить студентам прочитать небольшой исторический сюжет, события которого, становятся источником происхождения того или иного фразеологизма. Например, история о матери Мэн-цзы, которая трижды сменила место жительства, для того, чтобы ее сын получил хорошее воспитание, легла в основу фразеологизма 孟母三迁 [mèng mǔ sān qiān] – «мать Мэн-цзы трижды переселяется» (подальше от кладбища и рынка, но поближе к школе; обр. в знач.: заботиться о воспитании детей;

хлопоты родителей по поиску хорошего учебного заведения для своих детей).

Использование этого способа в обучении не только помогает запомнить значение фразеологизма, но и развивает навыки чтения, поэтому отлично подходит для начального этапа обучения. Благодаря чтению такого рода историй у обучающихся расширяется словарный запас, активизируется, уже имеющийся, лексический минимум.

Метод работы с этимологией фразеологизмов предполагает наличие определенных исторических справок об истории возникновения фразеологизмов в процессе их изучения.

Далее представлены данные, которые могут применяться для занятий в группах начального уровня, в процессе усваивания такого типа фразеологизмов как привычные выражения – гуанюньюй и чэньюй.

Происхождение фразеологизма 穿小鞋 [chuānxiǎoxiē] – «чинить преграды, ставить в неловкое положение» (букв. «надевать тесные туфли») связано с тем, что в Древнем Китае было принято бинтовать девочкам ноги: чем меньше была ножка, тем красивее считалась. Так как браки в то время заключались по сватовству и воле родителей – будущие супруги не видели друг друга.

Поэтому определить, красива ли невеста можно было только по размеру ее ноги, и сваха, договариваясь о свадьбе, показывала семье жениха туфли невесты. Если семью жениха устраивал размер, то они договаривались о свадьбе, а туфли до момента торжества оставались в семье жениха в качестве гарантии того, что их не обманут. В день свадьбы невеста должна была надеть эти туфли, если же это была попытка обмана, то невеста в этих туфельках чувствовала бы себя очень неудобно или вовсе не смогла бы их надеть, а значит – была бы опозорена.

Происхождение фразеологизма 露马脚 [lùmǎjiǎo] – «выдать себя с головой, тайное стало явным» (букв. «показать ноги госпожи Ма») связано с легендой о том, как император династии Мин Чжу Юаньчжан, который был выходцем из простой семьи, женился на простой девушке с фамилией Ма (马), вопреки обычаю, ноги у этой девушки не бинтовались, а соответственно были «большого» размера.

Когда Чжу Юаньчжан стал императором, он сделал девушку из простой семьи императрицей. При дворе она больше всего страдала из-за своего изъяна, поэтому никто никогда не видел ее ног. Но однажды, во время прогулки в паланкине из-за дуновения ветра, занавески паланкина поднялись и все увидели ноги императрицы. Слух об этом мгновенно разнесся по столице, отсюда и появилось выражение «露马脚» – «показать ноги госпожи Ма».

Фразеологизм 打入十八层地狱 [dǎrù shíbā céng dìyù] – «пройти все круги ада, понести суровое наказание» (букв. «войти на восемнадцать этажей ада») появился в романе «Путешествие на Запад» авторства У Чэньэня. Там описывается «царство теней» и восемнадцать этажей «геенны огненной» – место наказания грешников (сравнимо с девятью кругами ада Данте).

Выражение 眼中钉 [yǎnzhōngdīng] – «бельмо на глазу, что-то мешающее» (букв. «гвоздь в глазу») возникло в эпоху Северная Сун, когда в годы правления императора Чжэнь Цзуна реальную власть захватил визирь Дин Вэй (丁谓) и свнухи. Прежний визирь Коу Чжунь, который верно служил императору

и был хорошим человеком, все еще находился при дворе. Что бы Коу Чжунь не раскрыл грязных умыслов Дин Вэя, тот постоянно пытался очернить бывшего визиря в глазах императора, и ему это удалось. Коу Чжунь был выслан из столицы.

Народ понимал, каким человеком был Дин Вэй, и вскоре в народе появилась песня: «Если хочешь, чтоб в Поднебесной было спокойно – убери с глаз долой Дина, если хочешь, чтоб в Поднебесной все было ладно, нет ничего лучше, как пригласить старину Коу» [2,с.218]. Так и возникло выражение 眼中钉, в котором со временем иероглиф «钉» изменился на «丁» – гвоздь.

Эффективность реализации данного метода на практике связана в первую очередь с подбором справочного материала. Он может быть как на русском языке (для начального этапа), так и на китайском языке (уровень сложности текста на китайском может варьироваться в зависимости от уровня студентов).

Также можно прибегнуть к такому методу как объединение фразеологизмов во фразеологические ряды.

Суть данного метода заключается в том, чтобы группировать фразеологизмы с одинаковой структурой. Данный тип работы является наиболее подходящим для такого класса фразеологизмов как чэньюй, поскольку их структура практически всегда идентична, но этот метод также можно использовать и с другими фразеологизмами.

Например, часто встречающаяся конструкция построения фразеологизмов 不А而В предполагает противопоставление второго и четвертого компонента чэньюя, этим самым задавая общее значение для всего фразеологизма:

- 不翼而飞 [bù yì ér fēi] – «без крыльев, а улетело; как в воду кануть»;
- 不谋而合 [bù móu ér hé] – «не сговариваясь, прийти к единому мнению: случайное совпадение мнений».

Другой часто используемой в построении чэньюев схемой является — А — В:

- 一驚一乍 [yī jīng yī zhà] – «дернуться, подскочить (от страха), перепугаться, пугаться каждого пустяка»;
- 一草一木 [yī cǎo yī mù] – «одна травинка и одно дерево (обр. о самом малом)».

Также, нередко употребляется конструкция А 如BC:

- 突如其来 [tū rú qí lái] – «свалиться как снег на голову, застать врасплох».

Конструкция 不А—В наглядно реализуется в таких фразеологизмах:

- 不名一文 [bù míng yī wén] – «не иметь ни гроша за душой, совершенно обнищать»;

- 不值一文 [bù zhí yī wén] – «ничего не стоит, не стоит и гроша».

Конструкция —А不В объединяет в общую группу такие фразеологизмы:

- 一丝不挂 [yī sī bù guà] – «ни нитки нет (на нём); обр. абсолютно голый, в чём мать родила»;

- 一毛不拔 [yī máo bù bá] – «не вырвет и волосок, не даст ни копейки».

Также, в качестве объединяющей структуры можно привести пример конструкции 不А不В:

- 不三不四 [bù sān bù sì] – «ни то ни сё, ни рыба ни мясо»;

– 不明不白 [bùmíng bùbái] – «ни с того ни с сего; туманный, неясный, смутный».

Данный метод больше ориентирован на повторение, систематизацию и закрепление грамматических конструкций фразеологизмов.

Резюмируя приведенную выше информацию о методах обучения китайской фразеологии, стоит отметить, что изучение фразеологических единиц китайского языка – процесс достаточно кропотливый, требующий больших усилий. Он связан с большим количеством трудностей таких как: запоминание, умение идентифицировать фразеологизм в тексте, распознавание связи между составляющими компонентами фразеологизма, знание истории возникновения, поэтому очень важно уделять внимание не только языку и его особенностям, но и культуре и истории. Не менее важным является применение разнообразных методик обучения фразеологическим единицам, в виду того, что это позволяет сделать учебный процесс более эффективным и дифференцированным. Дальнейшие перспективы исследования мы видим в более детальном изучении проблем методики обучения фразеологизмам, поскольку фразеологии китайского языка отведено достаточно скромное место, как в учебных программах, так и в методических пособиях.

Список литературы

1. **Ветров П.П.** Фразеология современного китайского языка: синтаксис и стилистика / П.П. Ветров. – М: Восточная книга, 2007. – 368 с.
2. **Войцехович И.В.** Практическая фразеология современного китайского языка / И.В. Войцехович. – М. : АСТ. Восток–Запад, 2007. – 509 с.
3. **Войцехович И.В.** Стилистические особенности основных разрядов фразеологических единиц современного китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / И.В. Войцехович. – М. : МГУ, 2000. – 26 с.
4. **Горелов В.И.** Лексикология китайского языка: учеб. пособие для пед. институтов / В.И. Горелов. – 3-е изд., стер. – М. : Просвещение, 1999. – 216 с.
5. **Демина Н.А.** Методика преподавания практического китайского языка / Н.А. Демина. – М. : Восточная литература, 2006. – 88 с.
6. **Кочергин И.В.** Очерки методики обучения китайскому языку / И.В. Корнилов. – М. : Изд-во Муравей, 2000. – 160 с.
7. **Масловец О.А.** Методика обучения китайскому языку в средней школе: учебное пособие / О.А. Масловец. – М. : Восточная книга, 2012. – 184 с.
8. **Холево А.С.** Эффективные способы изучения китайских фразеологизмов / А.С. Холево // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. – Минск: «Белорусский Дом печати», 2015. – С. 124–128.
9. 陈晓娣. 对外汉语教学中成语的研究与教学. – 西安: 陕西师范大学, 2008.
10. 冯艳艳. 对外汉语教学中的成语教学初探. – 上海: 上海外国语大学, 2008.

Muravyova V.S.

**Methods for Teaching Interpretation and
Chinese Phraseology Understanding**

The article discusses the main methods of teaching various classes of phraseological units of the Chinese language. The presented methods are aimed not only at ensuring the understanding and memorization of phraseological units by students, but also at broadening their horizons, developing thinking, improving their speaking and reading skills in Chinese.

Key words: *method, phraseological unit, chengyu, yanyu, guanyunyu, idiom.*

Батальщикова Эллина Юрьевна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
lina77@lds.net.ua

Использование технологии работы над дискуссионными вопросами в процессе профессионально-педагогической подготовки студентов-филологов

В статье рассматривается сущность и содержание технологии работы над дискуссионными вопросами во время профессионально-педагогической подготовки студентов-филологов, а также потенциальные возможности и позитивное влияние, которое имеет дискуссия на развитие личности студента, как активного субъекта общества. В статье рассматриваются различные формы и методы организации взаимодействия по данной технологии, а также даются рекомендации касательно планирования дискуссии.

Ключевые слова: интерактивные формы работы, дискуссия, дебаты ситуация успеха, «аквариум».

Идея активной роли студента в развитии его личностных и профессиональных способностей и качеств, усиление его субъективных функций, стала основной идеей гуманизации профессионально-педагогической подготовки будущего учителя, что определено в нормативных документах [5, с. 6].

Основная цель профессионально-педагогической подготовки рассматривается в нормативных документах, как формирование у студентов навыков к активной творческой познавательной профессиональной деятельности, таким образом, приобретая гуманистическую направленность.

Потенциальные возможности использования активных методов обучения были в центре научных интересов многих ученых: М. Артюшиной, В. Величко, М. Горбунова, Д. Карпиевич, Л. Кириллюк, В. Морозова, Е. Пехоты, Е. Полат, Е. Пометун и многих других.

Задача ВУЗа, по мнению В. Морозова, заключается в том, чтобы создать такие условия, при которых будущие учителя могли бы совершенствовать гуманистический потенциал своей личности, формировать общечеловеческий идеал, основу которого составляет общепринятая моральность, национальный характер и индивидуальное своеобразие личности [4]. Учителю необходимо создать такие условия, при которых студент будет ориентирован на сотрудничество, открытый диалог, обмен мнениями, активное участие в образовательной деятельности.

Продуктивные, творческие формы организации учебного процесса (создание ситуации успеха, драматизация, дискуссия, деловые игры, творческие работы, проблемные задания) должны стать неотъемлемой частью педаго-

гических и специальных дисциплин. По мнению Е. Пехоты, они помогают создать атмосферу совместного творчества, эмоционального возбуждения и радости от собственного успеха, удовлетворение от «быть услышанным», побуждение к творчеству [6, с. 4].

Целью статьи является раскрытие сущности и содержания технологии работы над дискуссионными вопросами во время профессионально-педагогической подготовки студентов, рассмотрение потенциальных возможностей и позитивного влияния, которое имеет дискуссия на развитие личности, как активного субъекта общества.

Мы уделяем дискуссии особое внимание, благодаря ее многофункциональности: постановка спорного вопроса и предоставление возможности группе самостоятельно выбрать правильную точку зрения; демонстрация разных подходов к решению одной и той же проблемы; обсуждение и решение сложных теоретических и практических проблем; обмен опытом между слушателями; разработка единого подхода к исследованию определенного явления; быстрое, всестороннее рассмотрение проблемы и нахождение нетрадиционного пути ее решения; формирование интеллектуальных умений конструктивного решения спорного вопроса; предоставление возможности проявления творческих способностей, инициативности, заинтересованности аудитории; стимулирование образовательной деятельности и др. [1, с. 44].

Дискуссия развивает критическое мышление студентов, учит их формулировать и высказывать собственную позицию, аргументировать свою точку зрения. Эта технология учит уважать точку зрения оппонента и человека, который ее высказывает, расширять свои знания. Польза дискуссии в период распространения инноваций заключается в том, что она позволяет уменьшить уровень субъективности по отношению к нововведению, выявить спорные моменты, чтобы в будущем их преодолеть; побуждает участников дискуссии к высказыванию своей позиции, касательно целесообразности введения инновации.

По нашему мнению, возможности дискуссионных форм работы недостаточно используются во время преподавания психолого-педагогических и специальных дисциплин в ВУЗе. Однако, это является крайне необходимым, так как дискуссия стимулирует самостоятельность и инициативность в процессе обсуждения проблемы, учит самостоятельно генерировать идеи, отстаивать собственную точку зрения, выступать полноправным партнером в обществе. Именно это должен уметь выпускник общеобразовательной школы в современном демократическом обществе. Но может ли учитель научить тому, чего не умеет сам; развить у ученика те качества, которые не развиты у него самого? Наш ответ – нет. Именно поэтому в современном ВУЗе должна проводиться комплексная целенаправленная работа, направленная на подготовку студента к профессиональной деятельности в современных условиях, к использованию интерактивных технологий обучения в общем и дискуссионным формам решения проблем в частности.

Самой простой формой организации дискуссии является фронтальная дискуссия, которая часто возникает в аудитории спонтанно. Непринужденность такой дискуссии, ее природный характер, когда студенты сами иници-

руют обсуждение вопроса, который их интересует, отсутствие подготовки со стороны учителя и студентов делает эту форму дискуссии достаточно распространенной в отечественной практике, однако, по нашему мнению, преподавателю не стоит увлекаться этой формой дискуссии по причине ее непредсказуемости и стихийности. Студенты должны четко знать правила проведения дискуссии и придерживаться их.

Мы считаем, что лучшая импровизация та, которая тщательно продумана и спланирована, потому что интерактивная технология требует особой подготовительной работы, умения создать доброжелательную атмосферу, которая побуждала бы студентов к высказыванию своей точки зрения, умения управлять дискуссией и подключать к ней менее активных и стеснительных участников. Учитель или преподаватель должен хорошо знать предмет дискуссии и быть готовым к определенному возбуждению участников дискуссии.

Крайне важным, по нашему мнению, является создание ситуации успеха во время работы над дискуссионными вопросами.

Ситуация успеха – это субъективное психическое состояние удовлетворения вследствие физического или морального напряжения того, кто выполняет действие [5, с. 198].

С педагогической точки зрения, ситуация успеха – это целенаправленное, организованное создание условий, при которых создается возможность достичь значительных результатов в деятельности, как отдельно взятой личности, так и коллектива в целом. Это результат продуманной и подготовленной стратегии и тактики учителя, семьи [2, с. 31].

По мнению Е. Пехоты, задача педагога – помочь личности ребенка расти и развиваться в ситуации успеха, дать почувствовать радость от преодоления трудностей, дать понять, что просто так в жизни ничего не дается, везде необходимо приложить усилия. И успех будет эквивалентен затраченным усилиям [5, с. 199].

У ученика, который однажды пережил чувство безнадежности и депрессии, как реакцию на какую-то отдельную неудачу, снижается уровень исследовательской активности в любой деятельности, а отсутствие исследовательской активности приводит к тому, что ученик оказывается беспомощным при любом столкновении с трудностями даже в таких ситуациях, которые при других условиях как трудности им не воспринимались [5, с. 202].

По мнению И. Зязюн, ситуация успеха, даже изредка пережитая студентом на лекции, во время семинарского занятия, педагогической практики может оставить незабываемое эмоциональное впечатление в его душе, резко поменять в положительную сторону отношение к будущей профессии, своего места в ней. Благодаря пережитому успеху, у студента открываются скрытые возможности личности, реализуется творческий потенциал. Студенту необходимо создать психоэмоциональный комфорт на лекции, во время семинаров, на практических занятиях, в неформальном общении с преподавателем [3, с. 32].

К технологиям работы над дискуссионными вопросами относят «Метод ПРЕС», «Займи позицию», «Измени позицию», «Непрерывная шкала идей», «Дискуссия», «Дискуссия в стиле телевизионного шоу», «Оценочная дискус-

сия» и один из самых сложных способов работы над дискуссионными вопросами – «Дебаты». Каждая из вышеупомянутых технологий является чрезвычайно интересной, на наш взгляд, и открывает большие возможности для развития и самореализации каждой личности.

Учитель должен тщательно спланировать ход дискуссии и ее подготовительный этап, продумать каждый шаг свой и своих учеников. Педагог должен осознавать, что первый опыт является крайне важным и от того насколько положительным он будет, зависит желание учащихся его повторить.

Приведем некоторые рекомендации, касательно планирования дискуссии.

1. Выберите тему для дискуссии. Она должна быть сформулирована проблемно, чтобы подходы к ее обсуждению были разно векторными.

2. Важным элементом дискуссии является план. Он может быть предложен участникам дискуссии заранее. Студенты, имея такой план, могут подготовиться к обсуждению: проработать литературу на эту тему, сделать записи.

3. Можно практиковать составлять план дискуссии, по объявленной заранее теме, в начале обсуждения. В таком случае преподавателю целесообразно привлечь к составлению плана самих участников.

4. Подготовьте материал, с которым студенты должны ознакомиться дома. Обратите внимание, чтобы в нем были отражены разные точки зрения по этому вопросу.

5. Составьте список вопросов, которые помогут вам управлять дискуссией и обращать внимание аудитории на обсуждаемую проблему.

6. Для того, чтобы дискуссия была откровенной необходимо создать атмосферу доверия и взаимоуважения, поэтому желательно выработать правила культуры ведения дискуссии [7, с. 72].

Можно привлечь студентов к созданию таких правил. Таким образом, они будут понимать, что учитель не навязывает им свою позицию, а прислушивается к их точке зрения, учитывает их пожелания. Е. Пометун предлагает следующие правила обсуждения дискуссионных вопросов, которые могут быть дополнены и модифицированы учителем:

- говорите по очереди, а не все одновременно;
- не перебивайте того, кто говорит;
- критикуйте идеи, а не личность, которая их высказывает;
- уважайте точку зрения каждого;
- не смейтесь, когда кто-то говорит, за исключением того, если кто-то шутит;
- не меняйте тему дискуссии;
- пытайтесь привлекать к участию в дискуссии других [7, с. 143].

Мы рассмотрели основные моменты планирования дискуссии. Однако, технология проведения самой дискуссии является не менее важной и учителю необходимо продумать каждый свой шаг, быть готовым к любой неожиданности во время обсуждения.

Интересным является подход Л. Столяренко, касательно организации дискуссии. Автор предлагает семь ролей-позиций: организатор, инициатор, спорщик, соглашающийся, оригинал, деструктор, молчун. Дискуссия ведется участниками «большой семерки» (по технологии «Аквариума»), другие

участники во время дискуссии становятся незаметными наблюдателями, которые в конце дискуссии должны ответить на вопрос «Каким образом та или другая роль влияла на ход дискуссии и на ее решение?»

Перед началом дискуссии, участники выбирают карточки, на которых указана их роль и ее короткая характеристика.

Инициатор захватывает инициативу с самого начала, отстаивает свою позицию при помощи аргументов и эмоционального напора.

Спорщик не соглашается ни с одной позицией и отстаивает противоположную точку зрения.

Соглашающийся одобряет все точки зрения и поддерживает все высказывания.

Оригинал не вмешивается в спор, но иногда высказывает неожиданные предложения.

Организатор стремится, чтобы все участники дискуссии имели возможность высказаться, побуждает их к этому, задает уточняющие вопросы.

Молчун избегает прямого ответа на вопрос, никто не должен понять какой точки зрения он придерживается.

Деструктор (разрушитель) все время нарушает ход дискуссии (что-то упускает, несвоевременно чихает, громким шепотом просит товарища подвинуться...) [8, с. 110].

Л. Столяренко определяет следующие условия успешного проведения дискуссии: учащиеся должны иметь определенные знания по обсуждаемому вопросу; участники должны вести себя согласно полученной роли; характер роли должен проявляться только в поведении, кто играл какую роль участники должны узнать только в конце дискуссии.

Учащиеся, которые находятся вне «аквариума», наблюдают за дебатами со стороны, определяют плюсы и минусы каждой позиции и решают для себя какая роль является оптимальной для общего обсуждения. Учитель может предложить учащимся ответить на вопрос «Будет ли успешной дискуссия, если все будут играть роль молчуна, спорщика или деструктора?».

Автор рекомендует придерживаться определенных рекомендаций, начиная работать по данной технологии.

1. Проведение дискуссии необходимо начинать с постановки конкретного дискуссионного вопроса (который не имеет однозначного ответа и допускает разные варианты решения, даже противоположные).

2. Не стоит формулировать тему дискуссии по примеру: кто прав, а кто – нет в том или ином вопросе.

3. В центре внимания должен быть вероятный ход событий (Что было бы возможно при том или ином стечении обстоятельств? Что могло бы произойти, если бы...? Были ли альтернативные возможности, действия?).

4. Все высказывания учащихся (студентов) должны быть только по обсуждаемой теме.

5. Учитель (преподаватель) должен исправлять ошибки и неточности, которые допускают учащиеся и поощрять, чтобы другие делали тоже самое.

6. Все утверждения участников дискуссии должны сопровождаться ар-

гументами, обоснованием, для этого учитель задает подобные вопросы «Какие факты свидетельствуют в поддержку твоей точки зрения?», «Каким образом ты пришел к этому выводу?».

7. Дискуссия может заканчиваться как консенсусом (принятием согласованного решения), так и сохранением существующих разногласий в мнениях между участниками дискуссии.

Известно, что мы хорошо обучаем тому, что пережили на собственном опыте. Именно поэтому, мы считаем, необходимым использование активных форм и методов работы в общем, и технологий работы над дискуссионными вопросами в особенности в процессе профессионально-педагогической подготовки будущих учителей. Только при условии, если студент сам «проживет» это преобразование, почувствует на собственном опыте как меняется его личность, насколько интересным может быть процесс познания, как повышается собственная самооценка при достижении успеха и как появляется желание достичь новых высот; только когда у него появится желание просить учителя «Помоги мне сделать это самому», только тогда он осознает всю ценность интерактивных форм учебного взаимодействия и, с благодарностью вспоминая своих педагогов, будет стремиться реализовать эти идеи в своей профессиональной деятельности.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в создании рекомендаций для преподавателей ВУЗ, касательно использования технологий работы над дискуссионными вопросами в процессе профессионально-педагогической подготовки студентов.

Список литературы

1. **Артюшина М.В.** Взаємозв'язок соціально-психологічних та дидактичних умов групової навчальної діяльності студентів : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Артюшина Марина Віталіївна. – К., 2000. – 195 с.
2. **Белкин А.С.** Ситуация успеха. Как ее создать : кн. для учителя / А.С. Белкин. – М. : Просвещение, 1991. – 215 с.
3. **Зязюн І.А.** Підготовка майбутнього вчителя до впровадження педагогічних технологій / І.А. Зязюн, О.М. Пехота. – К. : Віпол, 2003. – 426 с.
4. **Морозов В.В.** Формування готовності студентів вищих педагогічних закладів до діалогічного навчання : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Морозов Володимир Віталійович. – Кривий Ріг, 2000. – 196 с.
5. **Освітні технології** : навч.-метод. посіб. / [О.М. Пехота, А.З. Кіктенко, О.М. Любарська та ін.]; за ред. О.М. Пехоти. – Миколаїв : «А.С.К.», 2004. – 255 с.
6. **Пехота О.М.** Особистісно орієнтоване навчання : підготовка вчителя : монографія. – 2-е вид., допов. та переробл. / О.М. Пехота, А.М. Старєва. – Миколаїв : Вид-во «Іліон», 2007. – 272 с.
7. **Пометун О.І.** Сучасний урок : інтерактивні технології навчання : наук.-метод. посіб. / О.І. Пометун, Л.В. Пироженко. – К. : Вид-во А.С.К., 2004. – 192 с.
8. **Сторяренко Л.Д.** Основы психологии / Л.Д. Сторяренко. – Ростов н/Д : Март. – 1997. – 320 с.

Batalschikova E.Y.

Using the Technology of Working on Controversial Issues in the Process of Professional and Pedagogical Training of Students-Philologists

The article examines the essence and content of the technology of working on debatable issues during the professional and pedagogical training of students of philology, as well as the potential opportunities and positive impact that the discussion has on the development of a student's personality as an active subject of society. The article discusses various forms and methods of organizing interaction using this technology, and also gives recommendations for planning a discussion.

Key words: *interactive forms of work, discussion, debate, situation of success, «aquarium».*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

УДК 811'42:004.773

Дубинина Виктория Александровна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий,
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dubinina_v@mail.ru

Зайцева Анна Владимировна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языкознания
и коммуникативных технологий,
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dumayanna@mail.ru

Поликодовый характер компьютерного дискурса

Статья посвящена исследованию феномена поликодовости компьютерного дискурса. Установлено, что поликодовый характер общения в компьютерном дискурсе спровоцирован недостатком невербального компонента при текстовой коммуникации.

Ключевые слова: поликодовость, компьютерный дискурс, интернет-коммуникация, невербальный компонент.

Современное мышление все больше приобретает черты нелинейности, что сказывается на текстовом формате. Нелинейное написание текста устраняет его одномерность, высвобождает поток мысли, и, следовательно, позволяет переходить в другие измерения. В компьютерной среде общение может строиться на нелинейных или семиотически осложненных сообщениях – то есть текстах, которые включают в себя дополнительные элементы в виде специальных символов, пиктограмм, медиа-материалов. Все эти дополнительные элементы присутствуют по причине недостатка невербального компонента общения как при реальной беседе.

Такие термины как креолизованный текст, гибридный текст, супертекст; видеoverбальный, бимедиаальный, полимедиаальный, мультимедийный текст; полимодальный, вербально-визуальный текст, поликодовый текст вошли в научный оборот, что приводит ученых к пониманию: текст как коммуникативная величина в компьютерном дискурсе не ограничивается только языковой составляющей [6, с. 83].

Цель статьи – исследовать феномен поликодовости компьютерного дискурса, описать его особенности.

Поликодовость, как предлагает само название, – это свойство текста содержать несколько кодов (знаковых, графических, медиа-кодов). Несмотря на то, что проблема способов передачи невербального в компьютерном дискурсе

стоит острее, но и вербальный компонент – это неотъемлемая часть поликодового текста.

Обращаясь к анализу специфики компьютерного дискурса, следует отметить, что характерной его чертой является наличие в нем гипертекста. Это понятие, появившееся сравнительно недавно, возникло в связи с изучением электронных текстов. Термин «гипертекст» был введен Т. Нельсоном в шестидесятых годах для обозначения текстов, имеющих электронную форму, как радикально новый способ информационной технологии и новый метод публикации. Гипертекст – это «текст с рядом слов (как правило, каким-либо образом выделенных), которые выполняют роль ссылок и указывают либо на другие части этого же документа, либо вообще на другой документ» [1, с. 114].

Графическое оформление в интернет-коммуникации имеет ряд специфических особенностей. Так, слово, напечатанное крупными буквами, если это не заголовок, воспринимается как выделение главного, акцент на основном. Квадратными скобками выделяются комментарии, которые не имеют отношение к основному содержанию сообщения. В компьютерном дискурсе существует разделение традиционных графических средств на две группы: к первой относится пунктуация, ко второй – типографические средства. Наряду с функцией членения предложения на составляющие синтаксические части, пунктуация также указывает на многие элементы, которые передают эмоциональную окраску текста.

Пунктуации принадлежит важная роль в выражении отношения автора к высказанному: в намеке на подтекст, в показе эмоциональной реакции, которой ожидают от читателя. Пунктуация отражает также ритмично-мелодичное строение языка, то есть то, что в устной речи передается с помощью просодических элементов: ударением, тоном, паузами, удлинением или удвоением некоторых звуков. Наиболее информативными в тексте являются тире и многоточие. Тире передает значение неожиданности, внезапности, что усиливает обобщения. Многоточие обозначает прерывание речи, то есть, так называемая, парантеза, что выражает нерешительность, нервозность, невозможность или нежелание закончить высказывание.

Отличительной чертой графики компьютерного дискурса является также использование графических средств для личной подписи. Большинство публикаций в компьютерном общении в конце статьи включают блок, состоящий из нескольких строк, в которые входит имя автора публикации, его адрес и афоризмы, юмористические высказывания, или высказывания известных людей, которые добавляют публикациям индивидуального характера.

К типографическим средствам относятся различные шрифты, необычное размещение строк текста, деление на абзацы.

По мнению исследовательницы А.К. Гончаренко, объем вербального элемента в текстовой коммуникации и его коммуникативная установка являются переменными [2, с. 234]. Кроме вербального способа выражения мыслей и обозначения определенных явлений в интернет-коммуникации существует система невербальных компьютерных средств, которые так же являются чертами поликодового характера компьютерного дискурса. Из-за того, что сообщение должно набираться на клавиатуре, а это занимает время, была придумана

мана особая знаковая система, используемая в текстовых сообщениях. Анализ графики компьютерного дискурса позволил установить, что в компьютерном общении наряду с традиционными графическими средствами выделились также специфические.

1. Использование кавычек.

Кавычки выполняют различные функции в различных типах дискурса. В компьютерном дискурсе они применяются для подчеркивания и усиления отдельных слов, особенно жаргонных или разговорных. С целью выделения различных слов в компьютерном дискурсе наряду с обычными кавычками используются также их различные формы и виды.

2. Использование смайликов.

Поскольку при использовании графического канала общения возникают трудности с передачей интонации, мимики, жестов и других паралингвистических средств, то в компьютерном дискурсе существуют специальные отметки – «смайлики», которые образуются с помощью различных знаков препинания, скобок и имеют целью выразить настроение, реакцию говорящего (пишущего). Смайликов существует очень большое количество, и с каждым днем их становится все больше, благодаря широкому распространению компьютерного общения.

1. Дублирование одной и той же буквы. В компьютерном общении к числу графических средств, которые способствуют большей эмоциональности, принадлежит многократное дублирование одной и той же буквы, например: «Ммммм...», «Даааа...» и т.п. При этом дублирование может встречается и в начале, в середине и в конце слова.

2. Выделение целых предложений с помощью прописной буквы.

3. Повторение восклицательного знака и знака вопроса.

4. Использование звезд для замены грубых слов. В компьютерном общении графические средства, такие как * и – также могут служить для замены грубых слов.

Таким образом, вышеперечисленные графические средства помогают показать повышенную эмоциональность коммуникации и раскрывают нормы соблюдения определенного этикета общения в сети. Однако экспрессивность является одним из средств повышения влияния любого компьютерного жанра, которое является одним из главных задач компьютерного дискурса, поэтому количество орудий воздействия на собеседника ежедневно увеличивается и совершенствуется.

Восприятие изобразительных знаков связывается с когнитивным уровнем, который отражается в том, что большинство изображений не вызывают трудностей при интерпретации коммуникации. Проблемой поликодовых текстов в компьютерном дискурсе занимается Д.С. Мичурин. Ученый относит к поликодовым явлениям также эмодиконы (эмоджи или еще эмодзи), мемы, демотиваторы, комиксы и инфограммы [4]. К этому списку среди новых поликодовых систем необходимо добавить стикеры и гиф-изображения. Эмодиконы (emojis) с момента своего появления как своеобразных клавиатурных пиктограмм успели эволюционировать в целые каталоги миниизображений на любой вкус. Так, А.А. Матусевич вывела даже отдельную клас-

сификацию смайликов, которые применяются при общении в социальных сетях:

1) собственно эмотиконы: набор лиц (faces), чаще всего желтого цвета, передающие различные эмоции и мимику – радость, смех, гнев, плач, удивление, подмигивание, поцелуй и т.д.;

2) смайлики-люди – изображения людей, которые в свою очередь делятся по половому признаку, возрасту, роду занятий, статусом и т.д. (мужчина, женщина, парикмахер, невеста, сноубордист, пловец и т.д.); сюда же относятся изображения жестов и частей тела (палец вверх, глаза, губы, ухо, нос и т.д.);

3) природа – это изображение наиболее известных животных (собака, кошка, корова и др.), птиц (цыпленок, голубь, пингвин), водных обитателей (дельфин, кит), а также насекомых, растений, цветов, атмосферных и природных явлений;

4) пицца – изображения пиццы, которые в свою очередь делятся на блюда/десерты, фрукты/овощи и напитки;

5) предметы и символы – изображения различных объектов, которые представляют собой следующие классы: хобби, офисные/учебные принадлежности, мода, быт, транспорт, символы (такие как сердце, солнце, земля, дорожные знаки), флаги и т.д. [3, с. 65].

Наряду с эмотиконами функционируют стикеры. Наборы стикеров в сети можно описать как большие по размеру и совершеннее по анимации эмотиконы, представленные как вставки из реальных мемов или фотографий. Диапазон стикеров в зависимости от употребления чрезвычайно большой и охватывает бесконечное количество тематик, а главный фактор здесь – фантазия разработчиков.

Значительную часть медиаконтента в программах обмена информацией в компьютерной среде составляют гиф-изображения и мемы. Изображения (в частности, гиф-изображения – изображения небольшого размера, которые основаны на повторении, «прокрутке» определенного момента видео, без звука), и видеовставки также играют значительную роль в общении. Гиф-изображения используются для лучшей передачи определенной реакции касательно написанного, как правило, комической. Другая функция этих средств – обострение внимания на четко определенном моменте видеоряда. По словам М.В. Часовского, интернет-мем также выступает разновидностью письменной речи как часть виртуальной коммуникации [5, с. 125]. По его мнению, интернет-мем имеет такие признаки, как:

1) неофициальность (поскольку чаще всего социальные рамки в Интернете полностью стираются);

2) спонтанность (между возникновением желания или необходимости донести до собеседника любую информацию и его осуществлением проходит незначительный промежуток времени);

3) непрофессионализм (авторы интернет-мемов являются обычными пользователями, как и миллионы других);

4) юмор, непринужденность, непосредственность, которые вписываются в психологическое и социальное бытие автора [5, с. 125].

Важной особенностью интернет-мемов является отсутствие каких-либо

требований к оформлению информации: выбор используемой лексики, стиля, художественных средств, темы и способов ее подачи зависит исключительно от желания автора и его ориентированности на определенную аудиторию.

Еще один тип поликодового текста – демотиватор. Демотиватор представляет определенное сообщение большими белыми буквами на черном фоне с расположенной внутри картинкой. Специфика канонического демотиватора, как пишет Д.С. Мичурин, заключается в расположении текста за пределами изображения (обычно под ним), а также в двухъярусном использовании вербального элемента: первая строка набирается заглавными буквами, на который реципиент сразу обращает внимание, а вторая строка – строчными буквами. Возникновение феномена демотиваторов отмечается Д.С. Мичуриным как ответ на агитационные плакаты из прошлого [4, с. 71–72]. Сейчас демотиваторы могут состоять только из одной строки текста большими буквами под основным изображением, обычно из шутки, неожиданной комической или иронической реплики, которая не всегда трактуется однозначно.

Последним элементом проявления поликодности в компьютерном дискурсе является инфографика. Характерная особенность инфографики состоит в методах подачи информации схематично или иным способом структурирования информации, чтобы лишить реципиента избыточных данных.

Итак, поликодовый характер общения в компьютерном дискурсе спровоцирован недостатком невербального компонента при текстовой коммуникации, и, учитывая большую свободу мысли, хаотическим мышлением виртуального коммуниканта. Текст, в котором отсутствует или вербальный, или невербальный компонент, уже не может называться поликодовым. Однако, соотношение этих компонентов на одно сообщение может варьироваться в зависимости от ситуации. Особенности графики компьютерного дискурса связаны с удобством их использования и высокой эмоциональностью. И все же важнейшей функцией графики является экономия времени: вместо того, чтобы набирать на клавиатуре целые сообщения, можно поставить только несколько знаков. Средствами невербального компонента коммуникации здесь становятся эмодзи, стикеры, мемы, демотиваторы, гиф-картинки, инфографика.

Перспективы дальнейших исследований видим в анализе лексики, используемой в компьютерном дискурсе.

Список литературы

1. **Борзенко А.Е.** Компьютер дома / А.Е. Борзенко. – М. : ТОО фирма «Компьютер Пресс», 1996. – 244 с.
2. **Гончаренко А.К.** Вопросы теории поликодового текста / А.К. Гончаренко. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2011. – № 2. – С. 233–240.
3. **Матусевич А.А.** Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Матусевич. – Киров, 2016. – 190 с.
4. **Мичурин Д.С.** Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных

имидж-форумов) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.С. Мичурин. – Тверь, 2014. – 162 с.

5. **Часовский Н.В.** Интернет-мем как особый жанр коммуникации / Н.В. Часовский. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия : Филология, история, востоковедение. – 2015. – №2 (61). – С. 124–127.
6. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста : Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М. : Либроком, 2009. – 248 с.

**Dubinina V.A.,
Zaitseva A.V.**

The Polycode Nature of Computer Discourse

The article is devoted to the study of the phenomenon of polycode in computer discourse. It was found that the polycode nature of communication in computer discourse is provoked by the lack of a non-verbal component in textual communication.

Keywords: *polycode, computer discourse, Internet communication, non-verbal component.*

УДК: 32.019.52

Куянцева Елена Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
журналистики и издательского дела
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
elenakul@list.ru

Специфика современного информационного противостояния между Украиной и Россией в украинском медиапространстве

В статье сделана попытка исследовать современные проявления информационной борьбы с Россией в украинском медиаполе. Рассмотрена предыстория информационной политики Украины и ее состояние на данном этапе, показаны способы вмешательства в информационную сферу Украины другими странами, ведущими медийную войну с Российской Федерацией. Очерчены негативные последствия для Украины как государства контроля над СМИ другими странами.

Ключевые слова: медиа, информационная политика, информационное воздействие, информационное противостояние, блогер, медиакритик.

Современные условия функционирования украинского медиапространства и процессы, происходящие в этой сфере, параллельно с утратой суверенитета Украиной – тема актуальная и требующая пристального исследования. Маловероятно, чтобы на Украине объективно изучали проблемы, связанные с современной информационной политикой, меж тем, как изучение необходимо, поскольку результаты информационного воздействия в современных условиях трудно переоценить, последствия же утраты контроля над своим информационным полем губительны. Исследование этого печального опыта может стать может быть предостережением для других стран, в первую очередь для России.

Целью данного исследования является изучение новейших проявлений информационного противостояния Украины с Россией.

Задачи исследования:

- кратко обрисовать предысторию современной информационной политики Украины;
- показать способы вмешательства в информационную сферу Украины другими странами, ведущими медийную войну с Российской Федерацией.
- очертить проблемы украинского медиапространства как поля битвы с Россией, имеющие самые негативные последствия для Украины как государства.

Еще с начала 90-х гг. XX века Украина позиционировала себя как государство, выбравшее европейский путь развития. Украинское медиапространство, по мнению украинских исследователей в журналисткой сфере, почти три десятилетия активно развивается демократическим путем, беря за основу

позитивный опыт ведущих стран Европы. Вот что по этому поводу говорится в книге «Информационная Политика Украины: европейский контекст»:

– указывается на активное международное европейское сотрудничество Украины в контексте ускоренного развития информационного общества, позиционируется интеграция и конкурентоспособность на мировых рынках при условии сохранения многокультурности и национальной самобытности, обеспечения свободного выражения взглядов и свободы средств массовой информации, равного доступа к достижениям цивилизации в цифровой форме [2, с. 19];

– предполагается учитывать и активно перенимать позитивный передовой опыт европейских стран в медиасфере через стратегии, программы и проекты межгосударственных, региональных организаций (ЕС, ОБСЕ, НАТО);

– в числе важнейших приоритетов в развитии информационной политики Украины названы соблюдение прав человека, развитие плюралистичной демократии, внедрение европейских стандартов и принципов в национальные программы и законодательство, поддержка верховенства права, укрепление «исторически традиционных связей с европейским сообществом» [2, с. 20];

– среди ближайших перспектив информационной политики страны названа интеграция в мировую информационную систему <...> повышение информационной грамотности населения, поскольку строительство информационного общества предполагает и коренное изменение сознания человека и общественных отношений [2, с. 18–19].

Таким образом, заявления о реалиях и перспективах развития Украины из средств массовой информации, учебников, научных статей и других источников информации звучали весьма оптимистично. Украинские ученые не забывали постоянно приводить негативные примеры из общей с Россией истории. В таком контексте европейский путь развития Украины выглядел противоположностью всем пережиткам тоталитарной системы, в которой до сих пор, по их мнению, пребывает РФ – наследница СССР. Когда называются проблемы в современном украинском медиапространстве, то непременно одной из главных причин их существования указывается прошлый «советский опыт».

В реальности декларируемые Украиной принципы свободы слова и демократии в медиасфере оказались иллюзией. Очевидным это стало после известных событий 2014-го года, когда украинская власть решила резко ограничить влияние российского медиапространства. В украинском медиаполе вместо «европейской» демократии, о которой много говорили украинские ученые, журналисты, медиаэксперты, ясно обозначилось два основных явления: олигархизация СМИ и иностранный контроль за информационной картиной мира, создаваемой в медиа Украины. Все информационные каналы принадлежат влиятельным олигархам, оказывающим то или иное воздействие на политический курс страны. Например, телеканал «1+1» – детище И. Коломойского, «Украина» – Р. Ахметова, «Пятый» – П. Порошенко, «Интер» – холдинг InterMediaGroup, принадлежащий Д. Фирташу и т.д. Соответственно, сложно говорить о правдивости и объективности украинских средств массовой информации, поскольку каждый из названных СМИ так или иначе работает на

позицию, нужную собственнику. Но из-за разницы политических взглядов хозяев СМИ могло создаться впечатление наличия демократии в журналистской среде, поскольку каналы СМИ принадлежали не только провластным, но и оппозиционным политическим силам.

Например, «5 канал» во время событий Оранжевой революции считался едва ли не единственным телеканалом, предоставившим слово оппозиции в якобы давящем засилии цензуры правительства Кучмы–Януковича, круглосуточно информировал о событиях в горячие месяцы так называемой революции Достоинства (2013–2014 гг.), в условиях борьбы с «диктатором» В. Януковичем, получив весьма позитивную оценку от Н. Лигачевой, шеф-редактора портала «Телекритика» (теперь «Детектор Медиа»). Впрочем, она, «справедливости ради», все же отметила отсутствие сбалансированности в подаче материала, указав, что канал был оппозиционным. Во времена президентства П. Порошенко проблемы со «сбалансированностью» усилились. Телеканал подавал информацию предвзято, однобоко и выгодно для тогдашнего президента Украины, что неоднократно отмечали украинские медиаэксперты.

Отметим некоторые любопытные детали в работе канал «1+1» И. Коломойского. Уже с лета 2014-го года стали очевидны расхождения во взглядах одного из самых богатых и влиятельных олигархов и тогда новоизбранного президента. Знаменитый «Вечерний квартал» выходил в прайм-тайм на «1+1», и П. Порошенко был едва ли не главным персонажем телефельетонов команды В. Зеленского (по иронии судьбы, будущего президента Украины). Телеканал «Интер» выпустил известный документальный фильм «Приват, Хамелеон», в котором украинские журналисты показали результаты своего расследования деятельности И. Коломойского – самые неприглядные стороны его могущества, источники обогащения на донбасском конфликте.

Когда же информационное противостояние в украинской медисфере вышло на новый уровень, то прекратилась даже видимость соблюдения правил демократии. Если летом 2020 года можно было наблюдать попытку рейдерского захвата телеканала «112», принадлежащего народному депутату Т. Козаку, то уже в феврале 2021 года телеканалы ZIK, NewsOne и «112 Украина» подверглись санкциям – запрету вещать сроком на 5 лет. Каналы часто подвергали критике действующую власть на Украине и предоставляли эфирное время известному блогеру А. Шарию – самому беспощадному критику В. Зеленского, нынешнего президента Украины. Пока каналы имеют возможность вещать в сети интернет, но смеем предположить, что борьба за контроль над информационными потоками продолжится и доберется до запрета вещания и во всемирной сети.

В этой связи вспомним попытки принять закон «О медиа» и деятельности Национального совета по телевидению и радиовещанию: запрет на любое положительное упоминание советского прошлого и руководства СССР (борьба с прошлым); к огромным полномочиям Национального совета по телевидению и радиовещанию предложена возможность обращаться непосредственно к собственникам платформ общего доступа к информации, в том числе иностранным, с требованием ограничить доступ к пользовательской информации, которую распространяет медиа, к которым были применены санкции (а

это уже борьба за будущее, работа на перспективу). То есть, если ранее альтернативным источником информации, подаваемой традиционными СМИ, было интернет-пространство, то сейчас происходит попытка контролировать и этот новый канал массовой информации. На наш взгляд, это связано с возрастанием роли журналистов-блогеров в вопросах влияния на широкую аудиторию.

Приведем яркий пример того, как деятельность известных блогеров-оппозиционеров имеет влияние на общественное мнение. А. Шарий много своих видеообзоров посвящал раскрытию коррупционных схем команды президента, чем существенно понизил рейтинг партии «Слуга народа» в канун осенних выборов 2020 года: имитация работы региональных центров партии, кража «коронавирусного» фонда, средства которого ушли на ремонт дорог, чтобы было чем отчитаться перед избирателями, высмеивание предвыборных обещаний В. Зеленского, который говорил о передаче президентской резиденции под нужды детей, в итоге переехал туда вместе с семьёй после дорогого ремонта, количество машин в кортеже президента, позиционирующего себя прежде как скромного, близкого к народу лидера, которому чужд этот «пафос» и траты на содержание охраны, и т.д. и т.п.

Отдельно следует отметить выступление А. Шария, посвященное деятельности уже ранее упомянутой Н. Лигачевой, основательнице «Детектор медиа» (до 2016 года издания «Телекритика»). Обратим внимание, что этот проект «Медиа о медиа» финансируется на западные деньги (Фонд «Национальный институт демократии» (США), Фонд «Возрождение» и др.), и это финансирование объясняется якобы стремлением к независимости деятельности журналистов от украинских властей: «грантовая поддержка организации должна была гарантировать независимость от интересов украинских олигархов и политиков» [4]. Но на деле оказывается, что деятельность «Детектор Медиа» при финансовой поддержке США, создает иллюзию борьбы журналистского пространства от цензуры, несбалансированного освещения событий, российского влияния. По меткому выражению А. Шария, Н. Лигачева взяла на себя роль инквизиции в области журналистик: «Лигачева взвалила на свои хрупкие плечи такую обязанность – следить за исполнением, чтобы никто не ковырялся в носу из журналистов», при этом сама она не имеет никакого морального права это делать, поскольку никоим образом не придерживается принципов журналистской этики и занимается написанием заказных статей и ротацией определённых информационных потоков в угоду прозападной украинской власти (например, обвинение А. Шария в работе на Россию, «Русский мир» при президентстве П. Порошенко) [1].

А. Шарий, со свойственной ему прямоотой, в эфире канала «Зик» при обсуждении этой проблемы, сравнил деятельность Н. Лигачевой с оценкой студенток старой работницей борделя: «...сидит и смотрит... с папиросой во рту, оценивает длину юбок проходящих рядом студенток» [1]. Объясняя суть деятельности Н. Лигачевой, А. Шарий иронично называет ее «мамой СМИ» за попытки контролировать содержание каналов информации с помощью своих медиакритических материалов и подключения к обсуждению как можно большего количества медиаэкспертов и журналистов. Интересным было также его упоминание, что ранее таким «хедлайнером» СМИ была «Украинская

правда». В качестве средства борьбы с таким влиянием А. Шарий предлагает игнорировать деятельность Н. Лигачевой, что может быть эффективно в наш информационный век. Тем более, что, по мнению блогера, широкая публика статьи Н. Лигачевой не читает, она известна все же в узких кругах.

Приведенные примеры событий, происходящих в украинском информационном пространстве, свидетельствует о следующих проблемах.

На Украине по сути отсутствуют медиаканалы, работающие на интересы суверенного государства, создающие свое, украинское, информационное поле. Есть каналы, принадлежащие различным влиятельным политическим силам, за счет чего в более спокойные времена информационного противостояния могло сложиться впечатление о демократичности в украинской журналистике (о чем искренне говорили многие украинские журналисты, сравнивая атмосферу в медиа Украины и России). Но сейчас, когда информационное противостояние обострилось, мы можем наблюдать некую борьбу без правил в попытке зачистить информационное пространство Украины от «неправильных» точек зрения, особенно если эти взгляды имеют в себе элементы симпатии или хотя бы даже призыва к прагматичным отношениям с РФ. Русофобия является одной из главных движущих сил борьбы в информационной сфере Украины.

Еще несколько лет назад, характеризуя информационную политику Украины, Г. Почепцов писал, что «Украина не может выработать собственную модель действительности, собственную точку зрения. Поэтому мы и ходим между западным и российским вариантами взгляда на мир» [3]. В 2021 году из США последовала команда ужесточить борьбу с российским влиянием, отсюда практически ничем не объяснимые незаконные действия по отношению к закрытым телеканалам со стороны действующего президента и его команды, открытие уголовных дел против известного блогера А. Шария.

Все украинское медиaprостранство контролируется прежде всего США и ведущими странами ЕС. Упомянутый выше в связи с Натальей Лигачевой некоммерческий проект «Детектор Медиа» («Телекритика») создан на деньги правительства США, центр «Медиареформы», открытый на базе Национального университета «Киево-Могилянская академия» – имел поддержку правительства Великобритании, известный телеканал «Громадське ТВ» – при финансовом участии посольств США и Нидерландов на Украине. Поэтому не удивительно, что при всем «разнообразии» взглядов, демонстрируемых украинскими СМИ, наблюдается общая черта – русофобия.

Серьезная попытка оградить Украину от информационного влияния России была сделана при П. Порошенко, начиная с 2014 года. Упоминание РФ, президента В. Путина, политического курса РФ, событий, связанных с Россией, должно было происходить только в негативном свете. После ухода Крыма из состава Украины, войны на Донбассе в украинских СМИ произошел всплеск антироссийской агрессии. Такие маркеры, как «страна-агрессор», «аннексия», «сепаратизм», «террористы», «группировка ЛДНР» прочно укоренились в украинском медиаполе настолько, что в 2020–2021 гг. при президентстве уже В. Зеленского, за которого голосовали как альтернативу П. Порошенко, курс на жесткое регулирование всего информационного контента

Украины не только продолжился, но и стал более интенсивным.

Также хотелось бы обратить внимание на то, что украинские блогеры А. Шарий и О. Медведева разоблачают деятельность «Детектор Медиа» именно как некоммерческого проекта, претендующего на роль главного вочдога «украинских СМИ и независимый источник новостей о медиарынке в Украине» [4]. В чем опасность именно этого проекта «Детектор Медиа» как важной составляющей информационной борьбы? На наш взгляд, в том, что активно поддерживаемый на международном уровне и в украинском инфопространстве источник «правдивой», претендующей на профессиональную медиакритическую оценку уровня демократичности украинских СМИ в освещении социально значимых вопросов, этот проект вводит в заблуждение не просто отдельных людей, пользователей сети или обывателей. Создается ощущение объективности и авторитетности мнения именно «Детектор Медиа» как медиакритического проекта, имеющего влияние на журналистов-лидеров общественного мнения на Украине. Вот что об этом пишет Страна.ua: «“Детектор медиа” отчитывается перед грантодателями. А список международных доноров у “Детектор медиа” обширный: SIDA, DANIDA, NED, Internews, посольство США в Украине, посольство Нидерландов в Украине. Именно через “Детектор медиа” эти структуры черпают “правильную” информацию об уровне свободы слова в Украине»; «Работа “Детектора” устроена по простому принципу: множатся положительные новости, дозируются – плохие, с главной целью – убедить грантодателей и дипломатов в том, что со свободой слова в Украине все хорошо или не так плохо, как пытаются рассказывать» [4]. «Страна. ua» приводит несколько ярких примеров, которые, на наш взгляд, показывают уровень изысканной и очень продуманной лжи в попытке манипулировать общественным мнением: издание «Детектор Медиа» игнорирует заявления Национального союза журналистов о давлении на свободу слова и нападениях на журналистов, работу СМИ, которые критически оценивают власть, сотрудники “Детектора” анализируют более интенсивно, указывая на манипуляции и нарушение журналистских стандартов. А деятельность провластных медиа или замалчивают, или хвалят. «...президентский “5 канал” не критикуют. В их контенте чудесным образом нет ни джинсы, ни нарушения стандартов журналистики» [4]. Особенно впечатляет следующий пример «объективности» «Детектор Медиа»: «“Детектор медиа” не опубликовал открытое обращение украинских телеканалов к органам власти, включая президента, с требованием остановить цензуру в стране. Главный “вочдог”, который систематически мониторит медиарынок, не написал о заявлении, под которым подписались более 60 украинских журналистов и медиаменеджеров, даже короткой новости» [4].

Таким образом, о правдивой и сбалансированной медиакритики в лице проекта Н. Лигачевой говорить невозможно, но попутки повлиять на атмосферу в журналистской среде, эффективные по своей силе, наблюдаются и имеют последствия, одно из которых – это уменьшение влияния России на украинское медиапространство в сравнении, как это было до 2014-го года. Второе, не менее важное последствие – возможность «кошмарить» неудобные СМИ, принимать активное участие в создании цензурных ограничений с учетом но-

вых реалий и возможностей в сети интернет.

Итак, современное украинское информационное пространство не контролируется Украиной как суверенным государством, более того, на лицо многолетняя систематическая работа США и некоторых стран ЕС, проводимая в этой сфере, чтобы украинское медиаполе не только было враждебно по отношению к России, но и было эффективной площадкой для раздуваемой русофобии как одного из ведущих направлений информационной войны в современных реалиях, что дает перспективы для дальнейшего исследования данной темы. Для украинских журналистов такое положение вещей означает, что ужесточаются проявления цензуры, что делает сложной честную и объективную деятельность в интересах своего государства, утратившего свой суверенитет.

Список литературы

1. **Анатолий Шарий на телеканале Zic** от 28.02.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7-IeS7QSVys>, свободный. (Дата обращения: 19.01.2021 г.).
2. **Інформаційна політика України: європейський контекст** / под ред. Л.В. Губерського та ін. – К.: Вища школа, 2007. – 346 с.
3. **Почепцов Г.Г.** Информационные войны: базовые параметры / Г.Г. Почепцов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/psyops/infowar9.htm>, свободный. (Дата обращения: 19.01.2021 г.).
4. **Товт А.** Адвокаты беспредела. Кто и как помогает властям давить на украинские СМИ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://strana.ua/articles/analysis/131050-detektor-media-i-imi-iskazhajut-situatsiju-svobodoj-slova-v-ukraine.html>, свободный. (Дата обращения: 19.01.2021 г.).

Kuiantseva E.A.

The Specificity of Modern Media Wars between Ukraine and Russia in Ukrainian Media Space

This article attempted to investigate modern display of media wars against Russia in Ukrainian media field. The background of information Ukrainian policy and its condition at this stage was reviewed. Article also revealed the methods of intervention in information sphere of Ukraine by other countries that wage media wars against Russian Federation. Negative consequences for Ukraine were outlined as a state which media is under control of other countries.

Key words: *media, information policy, information pressure, media wars, blogger, media critic.*

УДК 811.161.1'38'42

Миргородская Анна Юрьевна,
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языкознания и коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
mirgorodskaya.a.u@mail.ru

Коммуникативно-прагматические аспекты научного дискурса

В статье систематизированы основные категориальные признаки научного дискурса, изучены функции интертекстуальных связей, параметры диалогичности. Особое внимание автор уделяет характеристике существующих подходов к изучению институционального дискурса. Проанализированы соотношения между различными научными жанрами, сформированными в результате установившейся традиции, а также сложной взаимосвязи прагматических и содержательных коммуникативных компонентов.

Ключевые слова: научный дискурс, системообразующие категории, интертекстуальность, диалогичность, научный жанр.

В центре внимания современных исследователей находятся определенные виды институционального дискурса, целью которых является регламентация общения между людьми в разных сферах, например, дискурс политический, рекламный, юридический, научный, педагогический и т. д. Институциональный дискурс характеризуется исторической изменчивостью, многомерностью и условностью. Особую актуальность имеет изучение научного дискурса, который характеризуется сложной многоуровневой структурой и обусловлен специфическими коммуникативными канонами.

Научным дискурсом считают систематический процесс речевого взаимодействия в сфере науки, участниками которого являются исследователи, принадлежащие в силу своих профессиональных интересов, к определенному научному сообществу. В более узком понимании научный дискурс – это функционирование научных текстов разных типов (диссертация, монография, статья, рецензия, отзыв), соотношение которых характеризуется системностью, упорядоченностью, направленностью на достижение эффективного обмена научной информацией.

Актуальность статьи состоит в том, что подробное исследование видов институционального дискурса, создает необходимость для комплексного анализа коммуникативно-прагматических аспектов научного дискурса.

Целью статьи является изучение и классификация системообразующих категорий научного дискурса, выделяемых в отечественной лингвистике. Достижение поставленной цели обуславливает выполнение ряда задач:

- определить основные категориальные признаки научного дискурса;
- рассмотреть существующие подходы к изучению научного дискурса;
- проанализировать соотношения между различными научными жанрами.

Свой вклад в исследование специфики научного дискурса внесли Р.С. Аликаев [1], Е.В. Бобырева [2], Л.Г. Васильев [3], Г.Ю. Гришечкина [4], Е.В. Михайлова [6], В.И. Карасик [4], Л.В. Красильникова [7]. Исходя из положений о системности дискурса в целом, научный дискурс имеет свои системообразующие категории, среди которых авторство, адресованность, информативность и интертекстуальность, а также системно-приобретенные категории – содержательность, структурность, стилевая и жанровая принадлежность, целостность, участники и обстоятельства общения [6, с. 5].

Совокупность четырех фундаментальных системообразующих категорий определяет тип дискурса – «автор в расчете на адресата выбирает те или иные элементы уже существующих текстов для передачи определенной информации» [6, с. 14]. Научный текст не может быть анонимным, указание авторства является нормой обязательной и строго регламентированной, в некоторых случаях допускается соавторство, если научная проблематика исследуется совместно группой ученых. Автор, как правило, продуцирует исследование, исходя из интенций, то есть целей побуждающих создавать текст. Адресованность научного сообщения определяется статусом автора, который может выступать как ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт, ученый-популяризатор [4, с. 230]. Так, ученый-исследователь адресует свои труды определенному узкому кругу лиц, вследствие терминологической и синтаксической усложненности текста, содержание и формулировки автора являются непонятным для не имеющих достаточных знаний читателей. Ориентация на начинающих исследователей и самую широкую аудиторию характерна для ученого-популяризатора, представляющего сложную научную информацию в упрощенном адаптированном виде. Именно информативность называют обязательной составляющей научного дискурса, что «обусловлено, с одной стороны, присущей научному тексту функцией хранения и передачи экспертного знания, а с другой стороны – относительно ограниченным количеством используемых лексических средств» [7, с. 6].

Среди основных характеристик научного дискурса ученые выделяют также интертекстуальность как опосредованную связь с «другими» текстами сферы научного общения, опору на прецедентные тексты и их концепты, без которой невозможен системный подход в изучении научной проблематики. Средствами выражения интертекстуальности становятся цитаты, косвенная речь, ссылки, сноски, вводные слова, словосочетания и предложения, указывающие на источник информации. Интертекстуальностью называют многоаспектную связь отдельного текста с разными текстами по содержанию, структуре, жанрово-стилистическим особенностям, формально-знаковому выражению [6]. В работе «Интертекстуальность в научном дискурсе» Е.В. Михайловой проанализированы такие функции интертекстуальных связей, как референционные, оценочные, этикетные и декоративные.

1. Референционная функция, по мнению ученого, представляет собой отсылку адресата к другому ранее созданному тексту для краткого сжатого представления информации, содержащейся в заимствованном тексте, пояснении положений, сформулированных автором, опоры на авторитетное мнение, служащее базисом для собственного исследования.

2. Оценочная функция состоит в передаче авторского отношения к заимствуемому тексту, оно может быть критическим (отрицательным) или эмпатическим (автор защищает позицию того, чей текст упоминается).

3. Этикетная функция интертекстуальных связей характеризуется уважительным отношением к научному сообществу, научной школе, ученым, а также текстам, созданным ими.

4. Декоративная функция заключается в добавлении в научный текст цитаты или ссылки на некоторый текст, принадлежащий иному типу дискурса, жанру и стилю, или на основании эстетических критериев (точность изложения мысли, удачный пример, формулировка) [6].

Значимой характеристикой научного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения, потому что никто из исследователей не обладает монополией на истину [4, с. 230]. Подход к познанию как бесконечному процессу поиска истины порождает множество методов, ценность которых обосновывается в процессе научного исследования. Поэтому главными критериями научности становятся объективность, логичность, точность, однозначность, обобщенность и диалогичность. Так, диалогичность научного дискурса достигается сопоставлением различных точек зрения, позиций [2]. Диалогичность научного знания демонстрирует множественность подходов к проблеме, ее актуальность и востребованность, новизну. Внутренняя диалогичность проявляется, если в научный текст вводится в формах прямой и косвенной речи научные позиции других ученых. Внешняя диалогичность достигается путем введения диалогических языковых форм – вопросно-ответных единств, вопросительных предложений, императивных конструкций, «мы»-форм, глагольных и местоименных форм 2-го лица множественного числа, обращений [3, с. 6] Таким образом, научный дискурс является своеобразным диалогом, ведущимся между учеными различных направлений и может иметь внутренний и внешний тип выражения.

В арсенале современных исследователей дифференцированы такие подходы к анализу институционального дискурса, как прагматический, психолингвистический, лингвостилистический, лингвокультурный, социолингвистический, структурно-лингвистический, когнитивно-семантический и лингвосемиотический.

Прагматический подход позволяет рассматривать институциональный дискурс как интерактивную деятельность с учетом времени и места общения, возрастных и социальных особенностей, стратегий и тактик участников коммуникации. Психолингвистический подход исследует институциональный дискурс как процесс развертывания и переключения от внутреннего кода к внешней вербализации в процессе создания речи с учетом типа языковой личности. Лингвостилистический подход ориентируется на определение параметров общения в связи с нормами и характеристиками функциональных стилей. Анализ особенностей национальных дискурсивных практик, установление специфики общения в пределах определенного этноса, характеристика культурных доминант сообщества представлена в лингвокультурном подходе. Социолингвистический подход исследует участников общения как представителей определенной социальной группы, изучает обстоятельства

коммуникации в широком социокультурном контексте. Структурно-лингвистический подход предполагает исследование собственно текстовых особенностей общения, а именно, содержательной и формальной связности текста, способов переключения тем, речевую модальность. Анализ институционального дискурса в виде фреймов, сценариев, ментальных схем характерен для когнитивно-семантического подхода. Лингвосемиотический подход предполагает анализ лингвокультурных кодов, правил построения знаков, их отношений между собой, что характеризует связь знака и объекта в сознании интерпретатора.

«Категориальные признаки научного дискурса – интертекстуальность, диалогичность, специфика прагматики и участников коммуникации – определяют жанровую дифференциацию моделей общения» [9, с. 7]. В научном дискурсе жанр статьи называют центральным, поскольку он содержит основные системообразующие категории и соответствует требованиям современного исследования и эффективного обмена научной информацией. Исследователи классифицируют первичные и вторичные жанры научного дискурса. Первичными жанрами ученые называют официальный доклад, выступление, диссертацию, монографию, статью; вторичными жанрами являются тезисы докладов, автореферат, аннотация, рецензия, перевод [6]. Создавая вторичный текст, «автор опирается на реальный первичный текст, изменяя его задачу, объем, структуру, канал, а также сложность и код» [6, с. 15]. Например, при написании автореферата на диссертацию изменяется задача и объем первичного текста, а при переводе тезисов доклада трансформируется объем, канал и код исходного материала.

Строгое соблюдение жанровых норм свойственно первичным жанрам. Например, рецензия относится к вторичным жанрам и выполняет функцию представления научного труда, его оценки и осмысления в контексте научного знания. Однако вместе с основополагающей целью рецензия может иметь рекламную функцию – привлечь внимание аудитории к работе, диалогический характер – сопоставление разных точек зрения на проблему, критическую оценку отдельных положений или работы в целом. Допустимым в рецензии считается проявление индивидуального авторского начала, использование средств выразительности [5].

Жанры в научном дискурсе отображают итоговый результат установившейся традиции, определенную форму, появившуюся вследствие сложной взаимосвязи прагматических и содержательных коммуникативных компонентов. Научные жанры могут иметь вариативность в организации, что в первую очередь связано с конкретной ситуацией продуцирования и восприятия, целями и стратегиями автора, видом референции, ракурсом рассмотрения вопроса, точкой зрения коммуникантов. Таким образом, «жанровое своеобразие научного стиля есть результат сформировавшейся в ходе исторического развития традиции, поэтому проблема научных жанров неразрывно связана с историей каждого из них на протяжении долгого исторического периода» [1, с. 25]. Так, в «Очерках истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.» под редакцией М.Н. Кожинной [8] представлены общие проблемы истории формирования научного стиля, проанализированы

вопросы периодизации, изучена лексическая и морфологическая структура научных текстов с применением статистических данных. История научных жанров складывается на протяжении трех столетий, а основой жанровой парадигмы этого стиля принято считать монографию и статью.

Таким образом, основными категориальными признаками научного дискурса являются информативность, интертекстуальность, диалогичность, принципиальное равенство всех участников научного общения. Научный дискурс представлен первичными и вторичными жанрами, сформировавшимися в ходе исторического развития. Анализ научного дискурса, как и других видов институционального дискурса, производится на основании определенных подходов, дифференцированных в современной методологии исследования. Подробное изучение и систематизация научного дискурса в рамках прагматического подхода станет перспективой для дальнейших исследований.

Список литературы

1. **Аликаев Р.С.** Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р.С. Аликаев. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 317 с.
2. **Бобырева Е.В.** Диалогичность научного текста : внутренняя природа и языковые механизмы реализации / Е.В. Бобырева // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 126–131.
3. **Вотрина Е.Н.** Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Вотрина Елена Николаевна ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2012. – 21 с.
4. **Карасик В.И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. **Красильникова Л.В.** Жанр научной рецензии : семантика и прагматика / Л.В. Красильникова. – М. : Диалог–МГУ, 1999. – 139 с.
6. **Михайлова Е.В.** Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Михайлова Елена Владимировна ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 1999. – 22 с.
7. **Нечепоренко Н.М.** Категория информативности в малоформатном научном тексте энциклопедического характера : когнитивный и дискурсивный аспекты : на материале английских и русских лингвистических энциклопедий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Нечепоренко Наталья Михайловна ; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2011. – 27 с.
8. **Очерки истории научного стиля** русского литературного языка XVIII–XX вв. : в 3 т. / под ред. М.Н. Кожинной. – Т. 2 : Стилистика научного текста (общие параметры). – М. : – 1998. – 395 с.
9. **Скрипак И.А.** Языковое выражение экспрессивности как способа речевого воздействия в современном научном дискурсе : на материале статей лингвистического профиля на русском и английском языках : автореф. дис.... канд. филол. наук : 10.02.19 / Скрипак Ирина Анатольевна ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 21 с.

Mirgorodskaya A.Y.

Communicative and pragmatic aspects of scientific discourse

The article systematizes the main categorical features of scientific discourse, studies the functions of intertextual connections, and the parameters of dialogicality. The author pays special attention to the characteristics of existing approaches to the study of institutional discourse. The author analyzes the relations between various scientific genres formed as a result of established tradition, as well as the complex relationship between pragmatic and meaningful communicative components.

Keywords: *scientific discourse, system-forming categories, intertextuality, dialogicality, scientific genre*

УДК 811. 161.1–14'2

Соболева Ирина Александровна,
канд. филол. наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой русского языкознания
и коммуникативных технологий
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
sobolevalugansk@mail.ru

О нарушении конвенций в современном медиадискурсе

В статье рассматриваются проблемы современной медиалингвистики, связанные с эскалацией агрессии и коммуникативной неадекватности. В погоне за экспрессией и выразительностью современные авторы нарушают как языковые, так и этические нормы. Все это приводит к искажению, деформации картины мира и снижению уровня речевой культуры современной языковой ситуации.

Ключевые слова: медиадискурс, жаргон, сленг, арго, современная языковая ситуация, неадекватный образ события.

Давно минули «лихие» 90-ые годы, наложившие неизгладимый отпечаток не только на жизнь социума, но и на состояние русского языка. Современная языковая ситуация характеризуется большей стабильностью и прогнозируемостью, русский язык пережил период хаоса, революционных преобразований своего лексического состава и неопределенных перспектив развития в будущем. Однако говорить о том, что для «великого и могучего» настали благополучные времена как-то не поворачивается язык.

Современный этап в развитии языка может называться временем нарушения всех конвенций. В прекрасном фильме «Доживем до понедельника» молодая учительница спрашивает у своей старшей коллеги: «Как объяснить детям, что читать чужие письма нельзя?». И умудренный жизнью педагог отвечает: «Нельзя, и все». И в жизни, и в языке существуют понятия, которые составляют суть наших изначальных конвенций с миром, и нарушение этих конвенций разрушает устой бытия.

Цель статьи – проанализировать основные аспекты нарушения конвенций в современном медиадискурсе.

Экспрессия, достигнутая любой ценой, как конечная цель усилий журналиста, и коммерческий успех в качестве эквивалента таланта – главные движущие силы языка современных медиа. В погоне за этими, на первый взгляд, разнородными понятиями, современные СМИ перешагнули все допустимые нормативы, запреты и нарушают все писанные и неписанные конвенции публичной коммуникации.

Назовем наиболее характерные, наш взгляд, примеры нарушения как морально-этических, так и лингвистических конвенций в современном медиадискурсе.

1. Насущной проблемой современной языковой ситуации стало не про-

сто вовлечение в массмедийное пространство жаргонизмов, сленгизмов и арготизмов, а использование их в манипулятивных, софистических целях как средства формирования искаженной, деформированной картины мира. Обладая мощным воздействующим ресурсом, эта языковая подсистема стала основным рычагом воздействия на читательское сознание. Прежде всего, с помощью арготических средств (уголовного жаргона) очень разные по уровню и содержанию медиаресурсы создают резко отрицательный образ как «бандитской, коррумпированной власти», так и «беззубой, продажной оппозиции».

К примеру, в одной из публикаций рейтингового и высокотиражного «Московского комсомольца» встречаем пример использования арготизма «смотрящий», неизвестного подавляющему большинству граждан России: «Губернатор Приморья пугает своих депутатов *«смотрящими»*» (в статье идет речь о том, что в данном регионе есть якобы доверенное высшей властью лицо, обладающее особыми неконституционными полномочиями). Но в конце публикации есть раздел «Для справки», в котором «ликвидируются» пробелы читателей в знаниях блатного языка: «Относительно понятия «смотрящий». В каждой тюрьме или зоне есть «смотрящий» за положением. «Смотрящих» ставят воры. Если нет вора, то все вопросы в тюрьме или зоне решает «смотрящий». Он собирает деньги, вещи, курево, наркоту для карцеров, для тех, кто идет на «крытую», а также для строгого режима. Со временем, в зависимости от поведения «смотрящего», воры могут взять его к себе в семью, и тогда он называется их братом – «вором в законе» [МК №148, 2020 г.].

Вот такая популяризация и насаждение уродливых и чуждых нормальному среднестатистическому читателю слов и реалий из уголовно-тюремного арго – отличительная особенность современного медиаполитического дискурса.

2. Современные медиа соревнуются в умении приклеивания ярлыков, то есть деления поляризованных политических сил на «своих» и «чужих», при этом, по справедливому замечанию Р.Г. Апресяна в статье «Сила и насилие слова», формируется нетерпимость к иному мнению, позиции, политическому убеждению [1, с. 133–137].

Вся или почти вся метафорика массмедийного дискурса выполняет опасный для демократического государства политический заказ отрицания инакомыслия. Агрессивная направленность функции «ярлыка» обусловлена тем, что языковая формула используется не столько для характеристики денотата или отнесения его к классу подобных номинативных или экспрессивно-выразительных средств, сколько для обвинения в опасных для общества намерениях, свойствах. В качестве «ярлыка» в массмедийном дискурсе используется устойчивый набор пейоративов, инвектив, антропонимов и этнонимов, которые служат средством для нагнетания отталкивающих образов-клише, сравнений-штампов, ассоциаций. Например: *политическое кидалово, депутатская мафия, крестный отец области, политическое судилище* и т.д.

В украинских СМИ прослеживается последовательное навязывание восприятие мира сквозь призму метафоры «борьбы» и «войны» (*воины света, политические саперы, капитуляция президента, штурмовой отряд партии, последний бастион власти* и т.д.), метафоры «охоты» (*политический охотник*

с разрешением на отстрел, охота на политического оппонента, попасть в капкан, завалить конкурента и т.д.). Для каждого из этих метафорических фреймов мотивирующей базой переноса значения является враждебность, антагонизм, нетерпимость к инакомыслию, призыв к насилию, что и обуславливает агрессивную заряженность этих дискурсивных единиц.

3. К фактам, иллюстрирующим нарушение определенных морально-этических табу, относится, на наш взгляд, использование эмоционально-экспрессивных окказионализмов, представляющих собой слова-телескопизмы с ярко выраженным пейоративным компонентом значения, эвфемизация и дисфеминизация значений слов. Например: *Стране пришел стабилизец* (заголовок); *Ноябрьская дипломатерица* (заголовок); *брехерендум, похерендум и др.* Все подобные выразительно-экспрессивные средства современного медийного пространства направлены на формирование негативного эмоционального и психологического состояния адресата.

Нарушается одна из важнейших конвенций журналистики – уважительное отношение к читателю или зрителю. Журналисты эксплуатируют страх, неуверенность в завтрашнем дне, политическую дезориентацию как базовые реакции человека.

Проявление агрессии стало доминирующим вектором развития речевого воздействия в современном массмедийном дискурсе. Однако агрессия сама по себе не может рассматриваться изолированно. Очень часто она ведет к искажению, деформации образа события или личности, является манипулятивной технологией.

Адресант по своей природе всегда стремится постичь истину и получить объективную информацию о происходящих событиях. Ангажированные медиа транслируют нам эту информацию в завуалированном, искаженном, деформированном виде.

В работе «Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности» А.А. Леонтьев выделил несколько видов деформации информации:

- 1) неадекватный образ события у самого журналиста;
- 2) неадекватность перевода образа события в текст;
- 3) деформация самого текста, который недостаточен или непригоден для восстановления рецепиентом образа события;
- 4) неспособность рецепиента или группы рецепиентов восстановить из текста правильный образ события [2, с. 158].

Понятия «адекватный образ события» и «неадекватное речевое поведение» приобрели и в массмедийном дискурсе и шире в современной коммуникации особую значимость и содержание. Современная неориторика постулирует принцип адекватности речевого поведения как доминирующий. При изучении курса риторики в университете студентам предлагается найти ответ на вопросы: «Как Вы понимаете выражение «неадекватность речевого поведения» и приходилось ли Вам сталкиваться с неадекватными моделями речевого поведения?» После недолгих раздумий они приводят множество примеров речевой неадекватности и приходят к выводу о том, что подобных деформированных коммуникативных моделей, к сожалению, чрезвычайно много в разных сферах нашей жизни. Не так давно мы анализировали возмутитель-

ный телевизионный рекламный слоган одной из сетей обувных магазинов: «Каждой твари по паре». Подобная рекламная «интерпретация» библейской строки – не только пример речевой неадекватности, но и нарушение важнейших морально-этических конвенций человечества.

Известно, что намеренные деформации – одно из средств манипуляции нашим сознанием, когда, к примеру, недостоверное событие представлено как достоверное. В современных СМИ, особенно в региональных, довольно часто встречаются намеренные деформации, к которым могут вести и речевые ошибки, и отсутствие языкового вкуса, чувства меры и т.д. В этом случае мы имеем дело со вторым (по А.А. Леонтьеву) видом деформации – неадекватностью перевода образа события в текст.

Так, в информационной заметке под заголовком «Опять какой-то козел ополчился на оленье рога» («Жизнь Луганска», №42, 2020 г.) речь идет о том, что какой-то вандал разрушил цветник, заботливо выращенный жильцами одной из многоэтажек. Цветник имел форму оленя. Хулиган, сообщает журналист, «оторвал оленю рога и уши». Автор публикации характеризует нарушителя с помощью таких лексем, как *козел двуногий, импотент, вандал, урод, дебил*. По отношению к действиям, совершенным гипотетическим хулиганом, используются следующие фразы: *демонстрирует свое половое бессилие, подсознательное желание избавиться от рогов, которые ему наставляет жена или подруга, его агрессия – один из симптомов борьбы с потенцией*.

Агрессивная оценочность данного дискурса очевидна, но опасно то, что медиадискурс такого рода дает возможность адресату считать допустимым, адекватным подобное речевое поведение. Кроме того, подобные тексты содержат практически нулевую информацию, так как событие подменяется поверхностной, чрезмерно эмоциональной оценкой. Агрессивная авторская позиция навязывается адресату, формируя у него предвзятое впечатление о событии, а не достоверную информацию о нем.

Другой пример деформации информации связан с неправильным, неточным, стилистически неадекватным отбором лексических средств: без учета широкого контекста, коннотаций, уместности / неуместности и т.д., что ведет к искажению образа события, к формированию у адресата искаженной оценки события.

Так, в публикации «Из мемориала на Змиевке торчит арматура» («Комсомольская правда», №83, 2020 г.) идет речь о некачественной реставрации памятника Великой Отечественной войны в небольшом поселке Воронежской области, и приурочена заметка к празднику Победы. Общая тональность повествования задается контекстуальным употреблением разговорно-просторечной лексики, диссонирующей с темой публикации: *у солдата уперли автомат; рука женщины не влезла в щель при реставрации; ее, горемычную, доделывали на месте; она получилась, как обрубок, у нее из пальцев торчит арматура, а она изображает Родину* и т.д. Священная для большинства людей тема памяти погибших в Великой Отечественной войне превращена в фарс стилем и тональностью авторского повествования, неспособностью автора целесообразными для данной темы языковыми способами сформировать у читателя образ события и отношение к нему.

Подобное стремление привлечь внимание читателя любой ценой, сделать текст публикации более экспрессивным и, наверное, сенсационным, демонстрирует нарушение всех писанных и неписанных лингвистических и человеческих конвенций, ведущих, к сожалению, не только к деформации образа события, но и к нарушению норм этики и морали.

Таким образом, с позиций лингвистической прагматики агрессия является вспомогательной коммуникативной стратегией, способствующей достижению коммуникативной цели путем вуалирования исходных негативных интенций адресанта или смягчения эксплицируемой негативной отрицательной оценки.

СМИ могут и должны оказать влияние на поиск согласия и формирование социальных установок толерантного речевого поведения. Дискурсивный анализ возможных социальных последствий показывает, что градус враждебной вербальной агрессии в современных медиа стал угрожающе аффективным, злобным и разрушительным.

СМИ стали одним из компонентов психосоциальной среды обитания современного человека и небезосновательно претендуют на роль важного фактора формирования мировоззрения личности и системы ценностных предпочтений общества. Им принадлежит неоспоримое лидерство в идеологическом и этическом воздействии на общество и личность, поэтому перспективы дальнейших исследований мы видим в дальнейшем изучении нарушений конвенций в современном медиадискурсе.

Список литературы

1. **Апресян Р.Г.** Сила и насилие слова / Р.Г. Апресян // Человек. – 1997. – №5. – С. 133–137.
2. **Леонтьев А.А.** Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности / А.А. Леонтьев // Текст. Структура и семантика. – М. : Флинта, 2001. – С. 92–100.
3. **Синельникова Л.Н.** «Черный» пиар. Риторика. Журналистская этика / Л.Н. Синельникова // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования : Материалы 2-ой Международной конференции / М. : МАКС Пресс, 2008. – С. 63–64.

Soboleva I.A.

On the Violation of Conventions in the Language and Not Only

The article deals with the problems of modern media linguistics related to the escalation of aggression and communicative inadequacy. In the pursuit of expression and expressiveness, modern authors violate both linguistic and ethical norms. All this leads to distortion, distortion of the world picture and a decrease in the level of speech culture of the modern language situation.

Keywords: *media discourse, jargon, slang, argo, information distortion, inadequate image of the event.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аулов Анатолий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и мировой литературы Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Батальщикова Элина Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской и восточной филологии Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Богачева Виктория Эдуардовна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Василькова Ирина Романовна, преподаватель кафедры теории и практики перевода Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Галак София Романовна, студентка магистратуры 2 курса филологического факультета, специальность «Лингвистика» Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Дубинина Виктория Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Дятлова Анастасия Михайловна, студентка филологического факультета 3 курса, специальность «Лингвистическое обеспечение военной деятельности» Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Зайцева Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Кисель Виктория Сергеевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Куянцева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакommunikаций Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Лепешкина Наталья Ивановна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Ли Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Мартынюк Лика Игоревна, студентка филологического факультета 4 курса, специальность «Английский язык и литература» Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Махтеева Елена Николаевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Миргородская Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Муравьева Власта Станиславовна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Найденова Виктория Максимовна, преподаватель кафедры теории и практики перевода Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Некрутенко Елена Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Новикова Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет».

Соболева Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Сухаревская Дарья Александровна, преподаватель кафедры теории и практики перевода Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Харченко Лариса Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой теории и практики перевода Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Чумак-Жунь Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

Шумская Анастасия Владимировна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет».

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.

3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью со-

вместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („“) «лапки».

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (:). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М.А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft

Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на украинском и английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке), на украинском языке (после аннотации на украинском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится

пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
	<i>Заполняется каждым автором</i>	
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

Редакция Вестника Луганского педагогического университета

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Сборник научных трудов

Серия 3

Филологические науки. Медиакommunikации

Главный редактор – *Л.Н. Синельникова*
Выпускающий редактор – *Г.Г. Калинина*
Редактор серии – *А.А. Новикова*
Корректор – *О.И. Письменская*
Компьютерная верстка – *Р.В. Жила*

Подписано в печать 24.09.2021. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л.10,73.
Тираж 100 экз. Заказ № 91.

Издатель

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Тел. : (0642)58-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru